Прогрессивная

экономика

Международный
научно-исследовательский
журнал

№ 6 / 2025

Главный редактор журнала:

Рощина Лидия Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Международная торговля и таможенное дело», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Заместитель главного редактора:

Куликова Ирина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международная торговля и таможенное дело», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Члены редакционной коллегии:

по направлению 5.2.1. Экономическая теория:

Грабова Ольга Николаевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и экономической безопасности, Костромской государственный университет, Кострома, Россия

Грузков Игорь Владимирович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории, маркетинга и агроэкономики, заместитель декана экономического факультета по научной работе, Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Россия

Палаш Светлана Витальевна, доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и экономической безопасности, Костромской государственный университет, Кострома, Россия

Рахмеева Ирина Игоревна, доктор экономических наук, и.о. заведующего кафедрой «Экономическая теория и прикладная социология, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Скаржинская Елена Матвеевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бизнес-информатики и сервиса, Костромской государственный университет, Кострома, Россия

по направлению 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике:

Конюховский Павел Владимирович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой экономики и финансов, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Рахмеева Ирина Игоревна, доктор экономических наук, и.о. заведующего кафедрой «Экономическая теория и прикладная социология, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Скаржинская Елена Матвеевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бизнес-информатики и сервиса, Костромской государственный университет, Кострома, Россия

по направлению 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика:

Алексеева Наталья Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Организация производства и экономический анализ», Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск, Россия

Бабина Юлия Витальевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Промышленная экология», РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, Москва, Россия

Боткин Игорь Олегович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений» (РЭНГМ), заместитель директора по научной работе Института нефти и газа им. М.С. Гуцериева, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
Власова Екатерина Яковлевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Природообустройство и водопользование», Уральский государственный горный университет, Екатеринбург, Россия
Гаврилова Татьяна Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и промышленный менеджмент», Коломенский институт (филиал) «Московский политехнический университет», Коломна, Россия
Качалова Елена Шайдатовна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Институт технологий управления, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия
Леденева Марина Викторовна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика и управление», Волгоградский институт бизнеса, Волгоград, Россия
Маклахов Алексей Васильевич, доктор экономических наук, профессор, советник ректора, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия
Махошева Салима Александровна, доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом «Экономика знаний и опережающее региональное развитие» Института информатики и проблем регионального управления – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия
Пономаренко Наталья Шахрияровна, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой информационных систем управления, Донецкий государственный университет, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия
Секисов Александр Николаевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры технологии, организации, экономики строительства и управления недвижимостью Кубанского государственного технологического университета и доцент кафедры строительного производства Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия
Таймасханов Хасан Элимсултанович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая теория и государственное управление», Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М.Д. Миллионщикова, Грозный, Чеченская Республика, Россия

по направлению 5.2.4. Финансы:

Боткин Игорь Олегович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений» (РЭНГМ), заместитель директора по научной работе Института нефти и газа им. М.С. Гуцериева, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
Качалова Елена Шайдатовна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Институт технологий управления, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия
Львова Надежда Алексеевна, доктор экономических наук, профессор кафедры теории кредита и финансового менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Магомаева Лейла Румановна, доктор экономических наук, заведующая кафедрой «Информационные системы в экономике», директор института цифровой экономики и технологического предпринимательства», Грозненский государственный нефтяной

технический университет им. акад. М.Д. Миллионщикова, Грозный, Чеченская Республика, Россия
Шамрай-Курбатова Лидия Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, проректор по учебной работе и управлению качеством, профессор РАЕ, Волгоградский институт бизнеса, Волгоград, Россия

по направлению 5.2.5. Мировая экономика:

Коростышевская Елена Михайловна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и экономической политики СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Леденева Марина Викторовна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика и управление», Волгоградский институт бизнеса, Волгоград, Россия
Рощина Лидия Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Международная торговля и таможенное дело», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
Трапезникова Ирина Сергеевна, доктор экономических наук, доцент Кафедры экономики предприятия, предпринимательства и инноваций, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Таранов Петр Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Международная торговля и таможенное дело», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
Хапилин Станислав Анатольевич, доктор экономических наук, профессор кафедры «Международная торговля и таможенное дело», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

по направлению 5.2.6. Менеджмент:

Лазарев Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и менеджмент», Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия
Осипов Анатолий Константинович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Менеджмент и право», Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск, Россия
Соколова Надежда Геннадьевна, доктор экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент», Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Ижевск, Россия
Столярова Алла Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Менеджмент и экономика», Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия

по направлению 5.2.7. Государственное и муниципальное управление:

Зотов Владимир Борисович, доктор экономических наук, профессор, кандидат технических наук, почётный работник высшего образования, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Государственный университет управления (ГУУ), Москва, Россия
Никитаева Анастасия Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Палаш Светлана Витальевна, доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и экономической безопасности, Костромской государственный университет, Кострома, Россия

ИНН / ОГРНИП: 310263101740 / 321312300063333
ISSN электронной версии: 2713-1211
Регистрационный номер СМИ: ЭЛ № ФС77-82380 выдан 23.12.2021 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Префикс DOI: 10.54861
E-mail: progressive-science@yandex.ru
Сайт: https://progressive-economy.ru
© Прогрессивная экономика, 2025 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Темников А.А., Ценжарик М.К.
МУЛЬТИОТРАСЛЕВОЙ ПАТЕНТНЫЙ АНАЛИЗ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ РАННЕГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ТРЕНДОВ 8

Полтанов Е.В., Вахмистров М.А., Шорохов М.В., Подрезенко Е.Ю.
ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕНСИФИКАЦИИ ХЛЕБОПЕКАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ ГИДРОДИНАМИЧЕСКОЙ КАВИТАЦИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ ОПТИМИЗАЦИИ 18

Рощина Л.Н., Соленая С.В.
РОЛЬ ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВО ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА 32

Шорохов М.В., Подрезенко Е.Ю.
АНАЛИЗ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ БАРЬЕРОВ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХЛЕБОПЕКАРНОЙ ОТРАСЛИ РЕГИОНОВ РОССИИ 49

Gotov O., Dorjpalam O., Altantsetseg M., Monkh-Erdene S.
ENERGY-EFFICIENT RESIDENTIAL HOUSING LOAN: ECONOMIC AND ENVIRONMENTAL IMPACTS AND CURRENT FINANCING SITUATION IN MONGOLIA 62

Васильев В.Е.
МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ЗАВИСИМОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОТ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА 73

Krylova E.V, Petrakova S.A.
STUDY OF PROPERTY RIGHTS AS A LEGAL MECHANISM OF ECONOMIC REGULATION.....85

Киселева Р.Ф.
АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ТУРИЗМ И ГОСТЕПРИИМСТВО» И ПРАКТИЧЕСКОГО ЗАПРОСА ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....97

Копытов А.В.
СТРАТЕГИЯ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ 117

Яшин С.Н., Капарулин Д.Л.
МЕХАНИЗМ ВНЕДРЕНИЯ ПРОЦЕССНЫХ ИННОВАЦИЙ В ТЕКУЩУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АВИАКОМПАНИЙ 129

Халяпин А.А., Симоненко Я.А., Тащян Д.С., Макарова А.А.

ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ФАКТОРЫ, НАПРАВЛЕНИЯ, ПРОГНОЗЫ.....140

Шептура А.В.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ МЕЖБЮДЖЕТНОГО ВЫРАВНИВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И США 157

Ганат В.О.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ ВЫБОРОВ 2025 ГОДА И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ167

Зубова Ю.А.
ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В РЕГИОНЕ.....182

Новицкий И.Е.
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ОГРАНИЧЕНИЙ СИСТЕМ.....194

Севостьянов Д.С.
АНАЛИЗ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РИСКОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ: МЕТОДЫ ОЦЕНКИ И СПОСОБЫ МИНИМИЗАЦИИ.....209

Тетерин А.С.
ПОДХОДЫ К ПОВЫШЕНИЮ ФИНАНСОВОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ E-COMMERCE ПРЕДПРИЯТИЙ НА ПРИМЕРЕ МАРКЕТПЛЕЙСОВ 220

Тучин К.А., Зайцев А.А.
САМОЗАНЯТОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕНЕВОМУ СЕКТОРУ ЭКОНОМИКИ: НЕДОСТАТКИ И ИХ РЕШЕНИЯ.....231

Шик Ю.В.
ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ВУЗАХ 245

Бенсон И.Н., Лукина К.И.
ВЛИЯНИЕ НАУЧНОГО СТАТУСА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ НАПИСАНИИ НАУЧНОЙ СТАТЬИ 258

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/multiotraslevoj-patentnyj-analiz-v-promyshlennosti-kak-instrument-rannego-prognozirovaniya-trendov/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 338.012
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_8



МУЛЬТИОТРАСЛЕВОЙ ПАТЕНТНЫЙ АНАЛИЗ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ РАННЕГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ТРЕНДОВ

Темников А.А., *аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия*

Ценжарик М.К., *кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Современный мир характеризуется постоянно ускоряющимся технологическим прогрессом, в связи с чем наиболее остро встают вопросы раннего технологического прогнозирования. Существует множество методов оценки технологий, один из наиболее известных и эффективных из них – патентный анализ. В настоящее время опубликовано значительное количество патентных исследований, но подавляющее большинство из них сконцентрированы на определенных узкоспециализированных технологических сферах. Такой подход имеет ряд преимуществ для углубленного изучения отдельных областей, однако в связи с сильным доминированием такого подхода снижается возможность для сопоставления межотраслевых технологий и выявления крупных трендов. В частности, слабо представлен мультиотраслевой подход для оценки технологий в промышленности. В текущей работе представлен патентный анализ с широким охватом различных отраслей промышленности, при этом, для обеспечения достаточной детализации в оценку включено 1000 технологий и инноваций. Для поиска патентов использовалась база данных Wipo Patentscope. Определялось число патентных семейств, содержащих на главной странице название оцениваемой технологии. Количество упоминаний по каждой технологии сравнивалось за 2023 и 2018 год. Представлено 30 наиболее часто упоминаемых технологий в каждом году, а также 30 технологий с наибольшими темпами роста упоминаний. Было выявлено, что для ряда технологий, устойчиво воспринимаемых в качестве наиболее инновационных, уже наблюдается спад патентной активности, что может привести к дальнейшему замедлению технического развития в таких сферах. Показано, что осуществление мультиотраслевого патентного анализе при значительной выборке оцениваемых технологий может быть эффективным инструментом технологического прогнозирования.

Ключевые слова: оценка технологий, патентный анализ, межотраслевые исследования, форсайт, инвестиции в технологические проекты.

CROSS-INDUSTRY PATENT ANALYSIS IN MANUFACTURING AS A TOOL FOR EARLY TREND FORECASTING

Temnikov A.A., *Postgraduate student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

Tsenzharik M.K., *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

Abstract. The modern world is characterized by constantly accelerating technological progress, which raises the most pressing issues of early technological forecasting. There are many methods for evaluating technologies, one of the most well–known and effective of them is patent analysis. Currently, a significant number of patent studies have been published, but the vast majority of them are focused on certain highly specialized technological areas. This approach has a number of advantages for in-depth study of individual areas, however, due to the strong dominance of this approach, the opportunity for comparing cross-industry technologies and identifying major trends is reduced. In particular, a multidisciplinary approach for evaluating technologies in industry is poorly represented. The current work presents a patent analysis with a broad coverage of various industries, while 1,000 technologies and innovations are included in the assessment to ensure sufficient detail. The Wipo Patentscope database was used to search for patents. The number of patent families containing the name of the evaluated technology on the main page was determined. The number of mentions for each technology was compared for 2023 and 2018. The 30 most frequently mentioned technologies in each year are presented, as well as the 30 technologies with the highest growth rates of mentions. It was revealed that for a number of technologies that are consistently perceived as the most innovative, there is already a decline in patent activity, which may lead to a further slowdown in technical development in such areas. It is shown that the implementation of a multidisciplinary patent analysis with a significant sample of evaluated technologies can be an effective tool for technological forecasting.

Keywords: technology assessment, patent analysis, intersectoral research, foresight, investments in technology projects.

JEL classification: O32, L52, L6.

Для цитирования: Темников А.А., Ценжарик М.К. Мультиотраслевой патентный анализ в промышленности как инструмент раннего прогнозирования трендов // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 8–17. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_8.

Статья поступила в редакцию: 22.05.2025 г. Одобрена после рецензирования: 03.06.2025 г. Принята к публикации: 04.06.2025 г.

For citation: Temnikov A.A., Tsenzharik M.K. Cross-Industry Patent Analysis in manufacturing as a Tool for Early Trend Forecasting // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 8–17. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_8.

The article was submitted to the editorial office: 22/05/2025. Approved after review: 03/06/2025. Accepted for publication: 04/06/2025.

Введение

Важность технологического прогресса для экономического роста в настоящее время не вызывает сомнений. Ускоряющееся техническое развитие ставит перед необходимостью разработки новых инструментов оценки технологий, использование которых минимально с точки зрения затрат времени и других ресурсов с одной стороны, но дающее достаточно объективные результаты – с другой. Одним из таких инструментов является патентная аналитика, или патентный анализ. Преимущества патентного анализа, в сравнении с другими методами, заключается в непосредственной работе с основополагающими элементами прогресса – изобретениями. Помимо этого, метод дает возможность получить количественные результаты по разнообразным параметрам, что позволяет осуществлять сравнения с другими характеристиками, полученными при оценке технологий с помощью других методов. В последние годы с внедрением цифровых технологий в патентную статистику, формированием открытых электронных баз данных, метод становится все более доступным и популярным, сохраняя свои преимущества и широкие возможности.

Наиболее простым количественным методом патентного анализа является определение числа патентных семейств с упоминанием в их тексте оцениваемой технологии. Сопоставление числа упоминаний для разных технологий, а также определение динамики за разные годы дает представление о технологических трендах, локализующихся в самом начале инновационного процесса – зарождение новшеств на этапе фундаментальных и прикладных НИР, которые еще не имеют влияния на рынок, но в дальнейшем, пройдя этап коммерциализации, могут стать инновациями, подрывающими существующие технологические порядки. Таким образом, *целью* статьи является использование патентного анализа в разных отраслях промышленности для выявления крупных технологических трендов.

Обзор литературы

Первые попытки анализа патентной статистики для контроля технологического прогресса были сделаны еще в середине 19 века в США. [1]. Такая оценка носила скорее не научный, а административный характер. Научный подход в патентной аналитике зарождается вместе с теорией инноваций в первой половине 20-го века. Так, одним из первых примеров научной аналитики патентных данных является книга «The sociology of invention» (G.S. Colum) [2]. Основоположник теории инноваций, Й. Шумпетер в «Business Cycles» также задевает вопрос изучения патентов [3]. Тем не менее, несмотря на научных подход, работы в этот период еще носят описательный характер. Прорывом в использовании патентного анализа являются работы Джейкоба Шмуклера: «Inventors Past and Present» [4], где приводится сравнение патентной активности в разные эпохи, и наиболее известная «Invention and Economic Growth» [5]. Последняя работа является первой количественной моделью связи патентов и экономического роста. Ее

результаты представляют собой фундамент дальнейшего развития научной патентной аналитики. В это же время выходит работа «Firm Size, Market Structure, Opportunity, and the Output of Patented Inventions» (F.M. Scherer) [6]., рассматривающая факторы, влияющие на патентную активность фирм. В последующие годы происходит адаптация методов патентной аналитики к различным отраслям экономики [7], переосмысление их преимуществ и ограничений [8; 9]. Уже с 1980-ых годов начинается осмысление расширения возможностей патентного анализа в связи с распространением Интернета и электронных баз данных [10]. Тем не менее, оцифровка и развитие баз данных, доступных онлайн, происходили в течение 1990-ых годов и дали свои плоды только в следующем десятилетии.

В систематических литературных обзорах [11] отмечается гиперболический рост числа статей и цитат по теме «patent mining» начиная с 2000-ых годов. За десять лет один за другим сменяются доминирующие методы: библиометрический анализ, анализ цитирований, кластерный анализ, сетевой анализ, текстовый анализ, онтологические подходы, семантический анализ. С 2010-х и по настоящее время развиваются методы алгоритмической обработки патентной информации с использованием глубокого обучения, NLP и, в последние годы, нейросетей.

Среди российских научных патентных исследований существует ряд работ, осуществляющих детальное изучение патентной активности в рамках отдельных регионов и узконаправленных технологических сфер. Эти работы позволяют детально представить положение отдельных научных направлений с высокой детализацией. Тем не менее, среди научной литературы свежих патентных анализов в рамках менее глубокого, но обеспечивающего широкий охват подхода, осуществляющего оценку новшеств из разных технологических сфер и отраслей промышленности, найдено не было. Использование мультиотраслевого подхода в патентном анализе может позволить осуществить глобальное сопоставление технологических трендов, выявить соответствие или несоответствие направления мирового технологического развития с направлением развития конкретной страны или региона.

Материалы и методы

Для осуществления такого широкого сопоставления было отобрано 1000 технологий, соответствующих разным отраслям промышленности и технологическим сферам: энергетика, сырьевая промышленность, обрабатывающая промышленность, транспорт, пищевая промышленность, потребительские товары, оптика, оптоэлектроника, электроника, дисплеи, квантовые технологии, нанотехнологии, новые материалы, биотехнологии, робототехника, технологии циркулярной экономики. Помимо этого, рассматривались и сквозные технологии, связанные с ИКТ, цифровизацией и искусственным интеллектом, однако для установки их связи с промышленностью при поиске патентов к их названиям использовалась приписка «… в промышленности». В качестве одного из критериев отбора

выступала зрелость технологий – нахождение на стадии гипотетических, появляющихся или растущих, но не достигших стадии зрелости [12]. Другим критерием выступала признанность технологий в экспертной среде в качестве значимых и потенциально способных значительно изменить соответствующую индустрию, особое внимание уделялось потенциальным подрывным инновациям.

Поиск названий технологий осуществлялся в базе данных WIPO Patentscope. Критерием поиска выступало наличие названия технологии на главной странице патента. Поиск осуществлялся не по отдельным патентам, а по их семействам, что более достоверно отражает ситуацию в связи с очищением от дубликатов. Для выявления динамики патентной активности было положено определить число патентов за два периода с разницей в 5 лет. Использовались 2023 и 2018 годы, так как база данных WIPO загружает патенты с опозданием, что приводит к заниженным результатам за 2024 год. Пример поискового скрипта: «FP:(Building-Integrated Photovoltaics AND DP:[01.01.2023 TO 31.12.2023])». В связи с большим количеством тестируемых технологий, поиск и считывание информации осуществлялись с помощью специального программного обеспечения, позволяющего производить парсинг данных. Язык поиска – английский. Поиск не ограничивался каким-либо регионом или страной – учитывались патенты со всего мира (опубликованные на английском языке).

Результаты и обсуждение

Результаты патентного анализа представлены ниже (рис. 1–3). Рассмотрим 30 наиболее упоминаемых в семействах патентов технологий в 2023 (рис. 1) и 2018 году (рис. 2). Можно заметить, что в 2023 году лидерами по числу упоминаний в патентах были электроника, автоматизация и биотехнологии. В 2018 году ситуация отличалась незначительно – электроника была на втором месте, а на третьем, вместо биотехнологий – солнечная энергетика. В позициях следующих по числу упоминаний технологий за 5 лет произошли более значительные изменения. Занимающая в 2023 году четвертое место самосборка (имеющая все большее значение в материаловедении, микроэлектронике и нанотехнологиях) поднялась на 10 позиций относительно 2018 года.

Значительно поднялись в своих позициях технологии энергетики: на 7 позиций выше оказались упоминания в патентах распределенной энергетики, на 8 – водородной энергетики и 6 – водородного топлива, помимо этого, на 5 позиций поднялись сквозные технологии в энергетике: «умная энергетика» и «цифровая энергетика» стали упоминаться в патентах заметно чаще. Помимо энергетики, на 7 и 8 позиций поднялись микроэлектроника и роботы, соответственно.

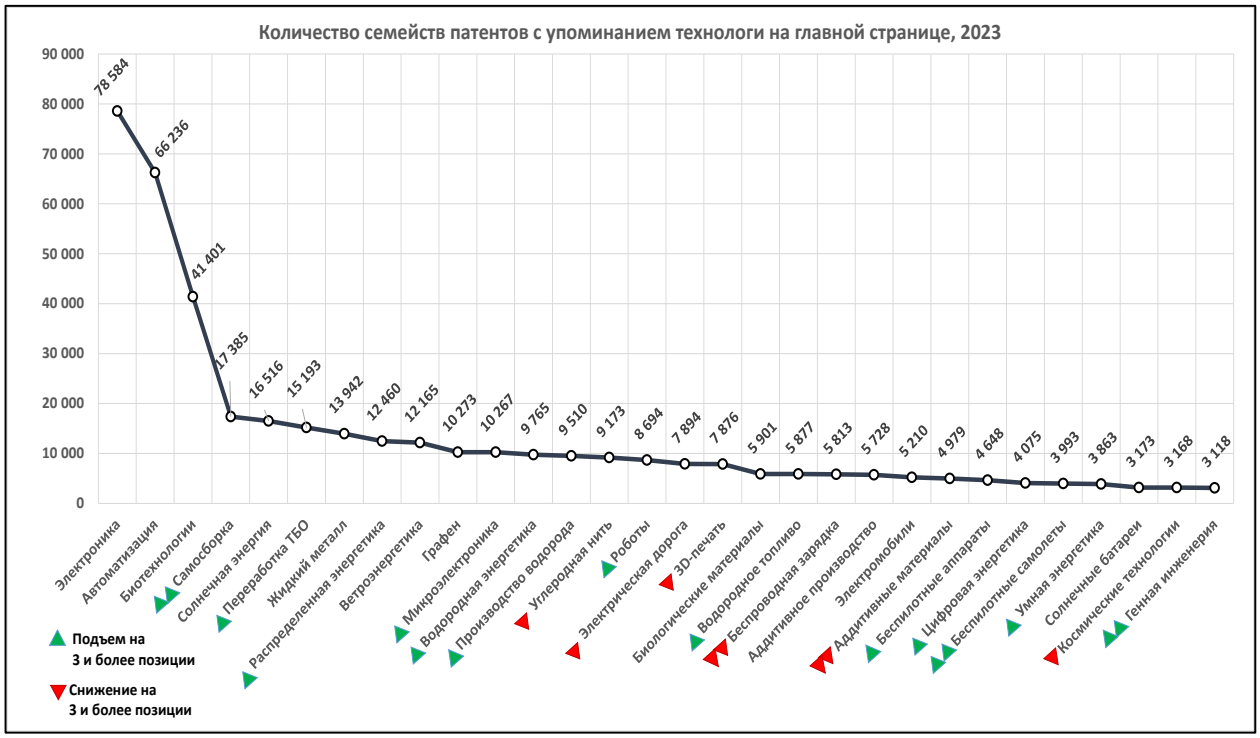


Рис. 1. 30 технологий, по результатам патентного анализа имеющих наибольшее число упоминаний в патентах в 2023 году

Источник: составлено авторами

Ожидаемо, значительно укрепились позиции беспилотных самолетов и аппаратов. Генная инженерия, занимающая 30-ое место по числу семейств патентов, в которых она упомянута, в 2018 находилась на 49-ой позиции. Однако, заметно ниже по рейтингу сместились ветроэнергетика, графен и углеродная нить, электрическая дорога, 3D-печать и аддитивные материалы, беспроводная зарядка, а также космические технологии. Аддитивные материалы и беспроводная зарядка при сокращении числа семейств патентов с упоминанием этих технологий на 8-9% потеряли 10 мест в рейтинге. Стоит заметить, что несмотря на то, что солнечная энергетика сместилась только на два места, ее упоминания сократились на 37%.

Выше была рассмотрена динамика изменения позиций технологий за 5 лет среди 30 наиболее популярных. Однако наибольшую динамику в темпах роста в % в большинстве случаев показали технологии, не попавшие в число лидеров по абсолютным значениям. Рассмотрим 30 технологий с наибольшими темпами роста числа упоминаний в патентах за 5 лет (рис. 3). Темпы роста определялись исходя из разницы 2023 и 2018 года, деленной на базисный (2018) год. Здесь, тем не менее, представлены технологии, упомянутые не менее, чем в 10 семействах. Слева диаграммы располагается ось, соответствующая значениям темпов роста, представленных на точечном графике, справа – ось с логарифмической шкалой для диаграмм с областями, демонстрирующими соответствующие абсолютные значения за 2023 и 2018 годы.

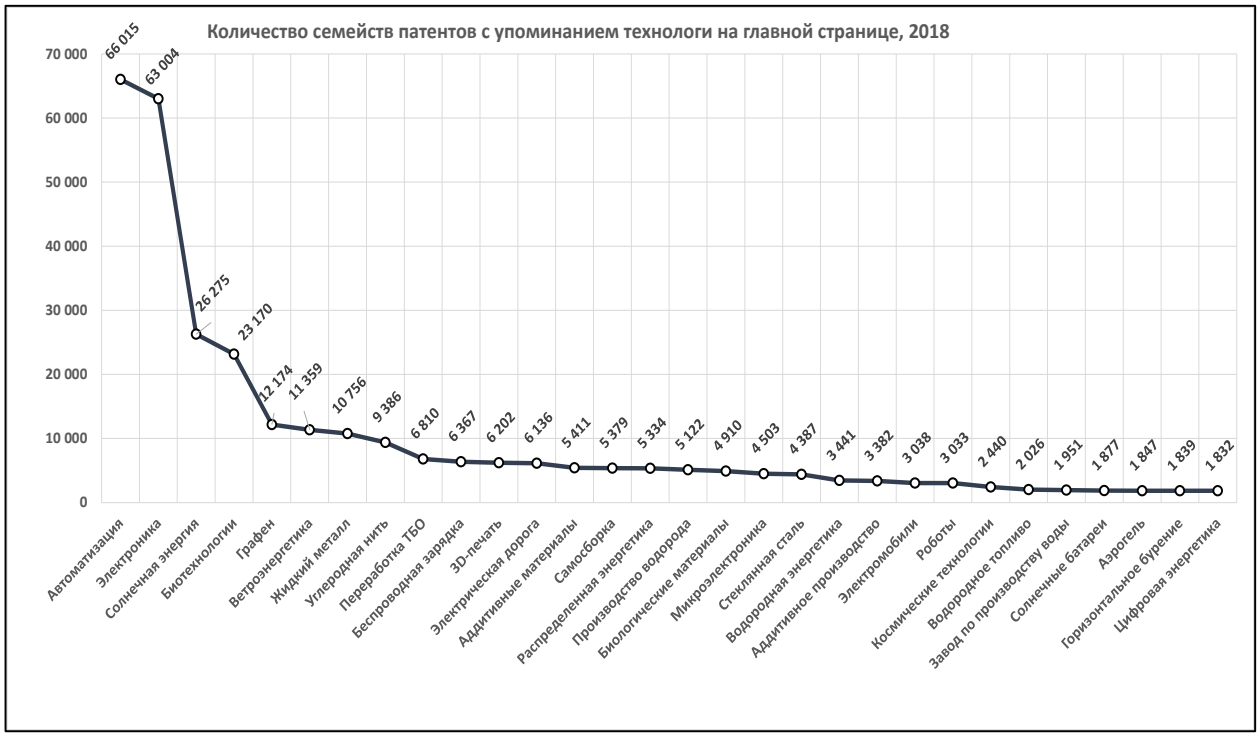


Рис. 2. 30 технологий, по результатам патентного анализа имеющих наибольшее число упоминаний в патентах в 2018 году

Источник: составлено авторами

Таким образом, одновременно отражены темпы роста и абсолютные значения числа семейств. Для всех представленных на данной диаграмме технологий число патентов увеличилось в несколько раз, что говорит о существенном повышении интереса со стороны изобретателей. Упоминания «интегрированных в здание фотоэлектрических систем», позволяющих получать солнечную энергию даже за счет фасадов зданий, показали наибольшие темпы роста, скорее, в связи с эффектом низкой базы – их упоминания увеличились в 169 раз, с 1 до 169. Тем не менее, это указывает на значительное и резкое увеличение интереса, практически с 0. В 10 раз и более увеличилось число упоминаний сквозных технологий, например, облачных и квантовых вычислений в промышленности, цифровых двойников, нейросетей в промышленности, чуть менее – граничных вычислений, смешанной реальности, цифровых и облачных технологий в промышленности, а также компьютерной визуализации. Значительно возросла патентная активность в сферах извлечения металлов из морской воды – урана и лития, а также углекислого газа и гелия из воздуха. В число лидеров по темпам роста попали и несколько технологий робототехники: RPA, коботы, роботы-строители, а также беспилотный железнодорожный и грузовой транспорт. Среди инновационных материалов сопоставимые по значимости темпы роста показали только Mxene.

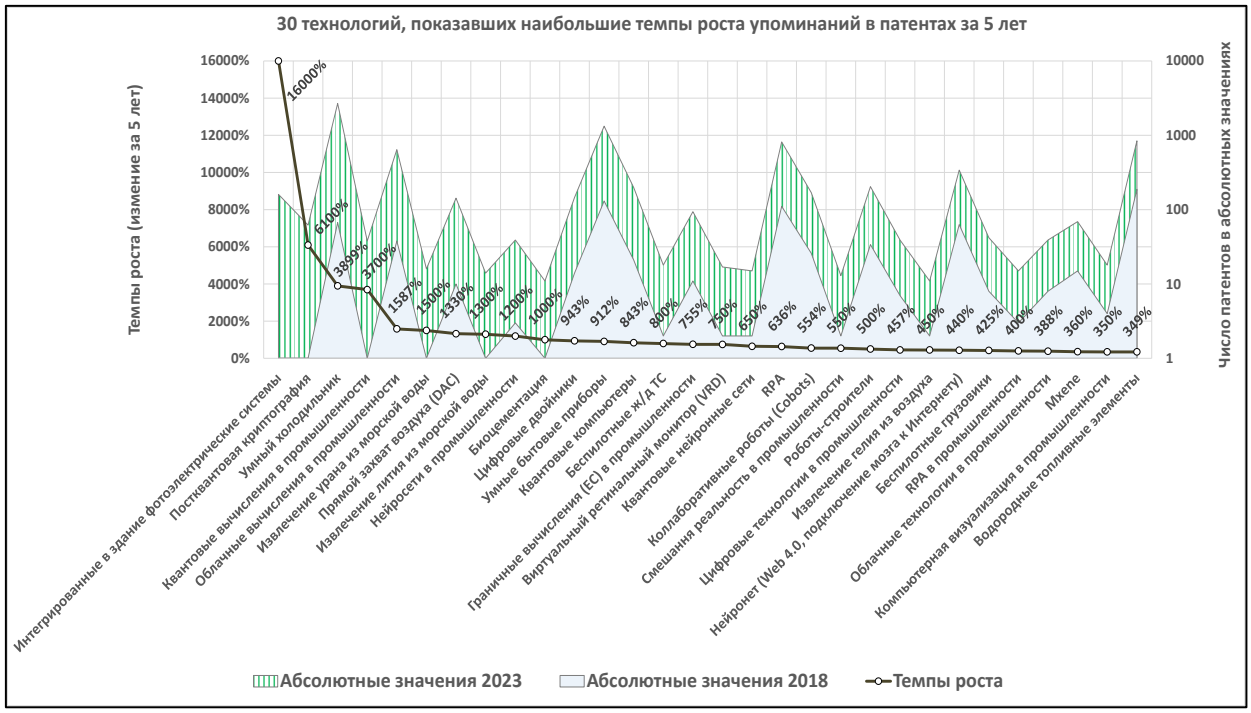


Рис. 3. 30 технологий, по результатам патентного анализа имеющих наибольшие темпы роста упоминаний за 5 лет

Источник: составлено авторами

Анализируя патентную активность, можно прийти ряду выводов, касающихся наиболее перспективных технологических направлений, а также сопоставить мировые тренды с научно-технической направленностью определенного региона. Помимо этого, такие исследования могут определять устаревающие, теряющие популярность направления. Все это может являться эффективным инструментом для осуществления форсайта, определения очертаний облика будущего не только в краткосрочной, но и в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Это, в свою очередь, позволяет обеспечить более качественное планирование технологической политики, а также более успешную инвестиционную деятельность. Исходя из текущих результатов можно, к примеру, определить сдувание пузырей в рамках ряда технологических сфер. К примеру, горизонтальное бурение, как технология, выражающая бум интереса к добыче сланцевой нефти, случившийся в 2014, еще в 2018 году удерживала высокие позиции среди других отобранных технологий (29 место). Однако в 2023 технология переместилась на 43-е место. Число новых патентных семейств в абсолютном выражении в 2023 не стало меньше, наоборот, количество результатов выросло на 13%. Тем не менее, к значительному числу технологий интерес вырос сильнее. Переключение внимания исследователей и изобретателей на другие области указывает на спад общего ажиотажа вокруг сланцевой нефти и горизонтального бурения, и, вполне вероятно, может привести замедлению технологического развития направления. Напротив, выше было указано на значительный рост числа семейств патентов с упоминанием водородной энергетики, производства водорода, водородного топлива. Действительно, выходя за рамки вопросов

патентной аналитики, рост интереса к водородным проектам наблюдается и среди нефтегазовых компаний. Вполне возможно и, что патентная активность предвосхищает другие индикаторы, определяющие перспективность технологий. Графен, полученный еще в 2004 году, до сих пор широко воспринимается как новейший и наиболее перспективный материал, однако, можно заметить, что исходя из полученных результатов, материал не только уступил несколько позиций, но и утерял число семейств даже в абсолютном выражении – на 15,6%. На фоне этого упоминания более молодых двумерных материалов – Mxene, увеличиваются на 360%. 3d-печать, еще не успевшая заполнить рынок, а на бытовом уровне освоенная только энтузиастами, уже теряет вместе с аддитивными материалами относительные позиции в патентной активности. На контрасте, роботизация в производстве и самосборка наращивают обороты.

Заключение

Таким образом, определение патентной активности является важнейшим методом оценки технологий, который, в отличие от других индикаторов, отражает состояние технологии в самом начале инновационного процесса, от которого в наибольшей степени зависит дальнейшее развития технологического направления. Обращаясь к патентному анализу, в частности при мультиотраслевом подходе, представленном в текущей статье, существует возможность увидеть технологические тренды, еще не отразившиеся, например, в рыночных показателях. Это может быть особенно полезно для определения дальнейшей стратегии развития предприятия или региона. Таким образом, мультиотраслевой патентный анализ – перспективный инструмент, который на данный момент, несмотря на свою относительную простоту, используется не так широко. В частности, его более активное применение для технологий в промышленности позволило бы очертить основные тренды на самых ранних этапах их развития, что обеспечило бы более эффективную и дальновидную промышленную и технологическую политику.

Исходя из этого, можно сделать следующие вывод, что мультиотраслевой патентный анализ является недооцененным инструментом. Его использование может обеспечить широкое сопоставление технологий из разных сфер, что может помочь выявить взаимосвязи, недоступные для наблюдения при узкоспециализированном патентном анализе. Мультиотраслевой патентный анализ является одним из ранних предикторов зарождающихся технологических трендов.

Литература

1. Annual report of the Commissioner of Patents, for the year 1847 // United States. Patent Office. Washington, D.C.: 1848. URL: https://library.si.edu/digital-library/book/annualreportofco1847unit.

2. Colum G.S. The sociology of invention. Chicago: Follett Publishing Co, 1935. 56 p. URL: https://www.chairefernanddumont.ucs.inrs.ca/wp-content/uploads/2013/09/GodinB_2010_Innovation_Without_the_Word.pdf.

3. Schumpeter J.A. Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. 1939.

4. Schmookler J. Inventors past and present //The review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39. №. 3. P. 321–333.

5. Schmookler J. Invention and economic growth. Harvard University Press, 1966. URL: https://doi.org/10.4159/harvard.9780674432833.

6. Scherer F. M. Firm size, market structure, opportunity, and the output of patented inventions // The American economic review. 1965. Vol. 55. №. 5. P. 1097–1125.

7. Pavitt K. Sectoral patterns of technical change: towards a taxonomy and a theory //Research policy. 1984. Vol. 13. №. 6. P. 343–373.

8. Griliches Z. Patent statistics as economic indicators: a survey // R&D and productivity: the econometric evidence. University of Chicago Press, 1998. P. 287–343.

9. Campbell R. S. Patent trends as a technological forecasting tool //World patent information. 1983. Vol. 5. №. 3. P. 137–143.

10. Wilson R. M. Patent analysis using online databases. Technological trend analysis //World Patent Information. 1987. Vol. 9. No. 1. P. 18–26.

11. Madani F., Weber C. The evolution of patent mining: Applying bibliometrics analysis and keyword network analysis // World Patent Information. 2016. Vol. 46. P. 32–48.

12. Eurostat. The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities Oslo Manual 2018 Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. OECD publishing, 2018.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/innovaczionnye-podhody-k-intensifikaczii-hlebopekarnogo-proizvodstva-na-osnove-gidrodinamicheskoj-kavitaczii-ekonomicheskij-aspekt-parametricheskoj-optimizaczii/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 664.64:338.45:658.5
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_18



ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕНСИФИКАЦИИ ХЛЕБОПЕКАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ ГИДРОДИНАМИЧЕСКОЙ КАВИТАЦИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ ОПТИМИЗАЦИИ

Полтанов Е.В., *магистрант, Красноярской государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия*

Вахмистров М.А., *магистрант, Красноярской государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия*

Шорохов М.В., *магистрант, Красноярской государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия*

Подрезенко Е.Ю., *студент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия*

Аннотация. Российское хлебопекарное производство сталкивается с необходимостью повышения эффективности технологических процессов на фоне роста цен на ресурсы, усиления конкуренции и потребности в выпуске продукции высокого качества. Одним из перспективных направлений технологической модернизации является применение метода гидродинамической кавитации (ГДК) для обработки зерновых эмульсий, используемых на этапах замеса и ферментации теста. Данный метод позволяет воздействовать на структуру субстрата, активизируя ферментативные процессы и улучшая параметры водно-мучной дисперсии без применения химических добавок. В статье рассмотрен подход к параметрической оптимизации режимов ГДК (температура, давление, длительность воздействия) с целью достижения максимальных производственных и экономических результатов. На основе данных лабораторных исследований и нормативов хлебопекарной отрасли рассчитаны ключевые показатели: выход готового продукта, энергоемкость процесса, потери сырья и уровень дефектов. Проведена оценка совокупного экономического эффекта от внедрения технологии, рассчитан срок окупаемости и обоснована инвестиционная привлекательность метода для предприятий малого и среднего сектора. Полученные результаты подтверждают, что использование ГДК в

контролируемых параметрических режимах может стать фактором устойчивого развития хлебопекарного производства, обеспечив рост рентабельности и снижение себестоимости при одновременном повышении качества продукции.

Ключевые слова: гидродинамическая кавитация, зерновые эмульсии, параметрическая оптимизация, хлебопекарное производство, экономическая эффективность, интенсификация, себестоимость.

INNOVATIVE APPROACHES TO THE INTENSIFICATION OF BAKERY PRODUCTION BASED ON HYDRODYNAMIC CAVITATION: ECONOMIC ASPECT OF PARAMETRIC OPTIMIZATION

Poltanov E.V., *Master's student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia*

Vakhmistrov M.A., *Master's student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia*

Shorokhov M.V., *Master's student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia*

Podrezenko E.Yu., *Undergraduate student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Abstract. The Russian bakery industry is faced with the need to increase the efficiency of technological processes against the background of rising resource prices, increased competition and the need for high-quality products. One of the promising areas of technological modernization is the application of the hydrodynamic cavitation (HDC) method for processing grain emulsions used at the stages of kneading and fermentation of dough. This method allows you to influence the structure of the substrate, activating enzymatic processes and improving the parameters of the water-flour dispersion without the use of chemical additives. The article considers an approach to parametric optimization of GDK modes (temperature, pressure, duration of exposure) in order to achieve maximum production and economic results. Based on laboratory research data and standards of the bakery industry, key indicators have been calculated: the yield of the finished product, the energy intensity of the process, the loss of raw materials and the level of defects. The assessment of the cumulative economic effect of the technology implementation has been carried out, the payback period has been calculated and the investment attractiveness of the method for small and medium-sized enterprises has been substantiated. The results obtained confirm that the use of GDK in controlled parametric modes can become a factor in the sustainable development of bakery production, ensuring an increase in profitability and cost reduction while improving product quality.

Keywords: hydrodynamic cavitation, cereal emulsions, parametric optimization, bakery production, economic efficiency, intensification, cost price.

JEL classification: L66, O33, D24.

Для цитирования: Полтанов Е.В., Вахмистров М.А., Шорохов М.В., Подрезенко Е.Ю. Инновационные подходы к интенсификации хлебопекарного производства на основе гидродинамической кавитации: экономический аспект параметрической оптимизации // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 18–31. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_18.

Статья поступила в редакцию: 29.05.2025 г. Одобрена после рецензирования: 05.06.2025 г. Принята к публикации: 06.06.2025 г.

For citation: Poltanov E.V., Vakhmistrov M.A., Shorokhov M.V., Podrezenko E.Yu. Innovative approaches to the intensification of bakery production based on hydrodynamic cavitation: economic aspect of parametric optimization // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 18–31. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_18.

The article was submitted to the editorial office: 29/05/2025. Approved after review: 05/06/2025. Accepted for publication: 06/06/2025.

Введение

На фоне структурной трансформации российской экономики и усиливающегося давления на традиционные производственные отрасли особую актуальность приобретает поиск технологических решений, способствующих устойчивому развитию предприятий при сохранении или повышении качества выпускаемой продукции. Хлебопекарная отрасль, являющаяся стратегическим звеном продовольственной безопасности, демонстрирует устойчивый спрос, однако сталкивается с рядом проблем: высокими энергозатратами, колебаниями качества сырья, технологическими потерями и ограниченной модернизацией производственных процессов.

Во-первых, по данным Минсельхоза России, в ряде регионов потери при производстве хлебобулочных изделий достигают 5-7 % от объема переработанного сырья, а энергетические затраты на выпечку 1 тонны продукции составляют в среднем 190-220 кВт·ч., что требует внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий на этапах предварительной обработки сырья. Во-вторых, по экспертным оценкам, около 40 % производственных мощностей хлебозаводов в России функционируют на оборудовании, изношенном более чем на 60 %, что затрудняет внедрение современных биотехнологических решений.

Одним из перспективных направлений является внедрение физико-химических методов активации, в частности – ГДК. Технология ГДК позволяет интенсифицировать процессы ферментации, повысить биодоступность компонентов зерновой массы, активировать ферментные системы и улучшить показатели водоудержания и гомогенизации сырья.

Благодаря этому можно добиться как сокращения технологического времени, так и увеличения выхода готовой продукции.

Внедрение ГДК в хлебопекарное производство открывает возможности для параметрической оптимизации технологических режимов с учетом температурных, временных и энергетических характеристик. Однако для оценки ее промышленного потенциала необходимо экономическое моделирование с учетом специфики отрасли и регионального контекста. Более того, значение имеет не только технологическая эффективность, но и инвестиционная привлекательность внедрения – как в масштабах крупных хлебокомбинатов, так и для субъектов малого бизнеса, ориентированных на функциональное и бездрожжевое хлебопечение.

Таким образом, *целью* настоящего исследования является обоснование экономической целесообразности внедрения технологии ГДК в хлебопекарное производство на этапе биоподготовки зернового сырья, с акцентом на параметрическую оптимизацию режимов обработки и их влияние на производственную эффективность.

Обзор литературы

Интенсификация производственных процессов в хлебопекарной промышленности на основе инновационных технологий становится приоритетным направлением научных и прикладных исследований. Современная научная литература отражает широкий спектр подходов к повышению эффективности и качества хлебопечения, однако многие работы концентрируются на технических и биохимических аспектах, в то время как экономическая проработка внедрения технологий на уровне производственного предприятия остается фрагментарной.

В статье Д.А. Ярмаркина и соавторов обоснованы физико-химические основы воздействия кавитации на жидкие среды, показана универсальность технологии в агропромышленном комплексе, в том числе для обработки суспензий и эмульсий. Но несмотря на высокую прикладную значимость исследования, такой аспект как экономическая оценка эффектов применения технологии ГДК в хлебопечении, остается не раскрытым [1].

Научное исследование Е.А. Денисюка и С.П. Шевелева, посвященное анализу ГДК в пищевых технологиях, содержит описание экспериментальных установок и обсуждение влияния кавитации на состав жидких продуктов. В то же время, стоит отметить, что в результатах отсутствует комплексная оценка производственной эффективности и адаптация модели под хлебопекарные предприятия [2]. В работе Ю.А. Дорошенко и А.С. Ковалева охарактеризована система показателей эффективности проектов применительно к специфике АПК. Авторы раюоты приходят к выводу, что инновационное обновление АПК России происходит в замедленном темпе и значительно уступает развитым странам мира [3].

Исследование В.Н. Марговцева предлагает обоснование технологической применимости гидродинамической кавитации в системах с высокой вязкостью и биологической активностью. Автор выделяет потенциал технологии для снижения энергозатрат и повышения однородности эмульсий, однако вопросы экономической реализации остаются за рамками анализа [4]. Е.А. Ветрова и Е.Е. Кабанова рассматривают применение современных инновационных пищевых технологий российскими предприятиями и агрокомпаниями в региональном разрезе страны. Авторы указывают на целесообразность региональной привязки при выборе технологических решений, что важно и при параметрической адаптации ГДК [5].

Таким образом, анализ научных источников показал, что:

– большинство исследований затрагивают либо технические параметры кавитации, либо общие вопросы инновационной политики;

– не рассматриваются конкретные методы параметрической оптимизации применения ГДК с учетом экономических показателей;

– отсутствует оценка интегрального эффекта от внедрения технологии в условиях ресурсных ограничений хлебопекарного производства.

Настоящее исследование восполняет этот пробел, предлагая модель параметрической настройки режимов кавитационной обработки зерновых эмульсий на этапе биоподготовки с учетом их производственного и экономического эффекта. Оно вносит вклад в научное знание, сочетая технологический и экономический подходы при оценке инноваций в хлебопекарной отрасли.

Материалы и методы

В работе использованы отечественные и зарубежные публикации, статистические сборники, а также нормативно-методические материалы, отражающие текущее состояние и динамику развития хлебопекарной отрасли в условиях технологической трансформации. Основное внимание уделено инновационным подходам к биоподготовке сырья и повышению экономической эффективности производства за счет внедрения технологий ГДК.

Базу для исследования составили:

– научные публикации, посвященные вопросам внедрения инновационных технологий в хлебопекарную промышленность, в частности применения ГДК, параметрической оптимизации процессов и оценки экономического эффекта на уровне предприятий [1–5];

– отраслевые методические документы и нормативы, в том числе «Методические рекомендации по расчету производственной себестоимости хлебобулочных изделий» (Минсельхоз России, 2020) и «Сборник нормативных показателей по энерго- и сырьевой эффективности пищевых производств» (Союзпищепром, 2021);

– статистические данные Федеральной службы государственной статистики, аналитические материалы Минэкономразвития и региональных органов АПК, отражающие структуру издержек, производственные показатели, энергоемкость и себестоимость в сегменте хлебобулочных изделий;

– результаты лабораторных и производственных исследований, ранее проведенных авторами и их научными консультантами, включающие оценку активности ферментных систем, органолептических и физико-химических характеристик зерновых эмульсий до и после кавитационной обработки.

Для достижения целей исследования применялись следующие специализированные методы:

– метод параметрической оптимизации, позволивший определить оптимальные режимы кавитационной обработки (температура, время, давление) для максимизации ферментативной активности и выхода целевого продукта;

– метод сравнительного технико-экономического анализа, примененный для сопоставления традиционной технологии и схемы с применением ГДК, с учетом затрат и эффекта по выходу продукции;

– интегральная оценка экономической эффективности, включающая расчет экономии по статьям затрат (энергоресурсы, потери сырья, корректировка брака), а также моделирование совокупного эффекта на уровне предприятия малого и среднего бизнеса;

– элементы факторного анализа и расчетные методы обоснования точки безубыточности (break-even point), позволившие оценить срок окупаемости и устойчивость инвестиционного проекта при различных масштабах производства.

Таким образом, комплекс методов обеспечил всесторонний анализ как технологических, так и экономических последствий внедрения ГДК в процессы биоподготовки зерновой фазы при производстве хлебобулочной продукции.

Экономическая мотивация внедрения кавитационных технологий в хлебопечении

Современные хлебопекарные предприятия сталкиваются с ростом затрат на энергию, сырье и логистику, что усиливает потребность в технологиях, способных повысить эффективность переработки сырья. Особенно остро эта проблема стоит в условиях санкционного давления, повышения тарифов на энергоресурсы и ужесточения требований к качеству продукции со стороны потребителей и торговых сетей. На этом фоне применение технологий физико-химической активации сырья, в частности ГДК, становится одним из наиболее перспективных направлений технологического развития отрасли.

ГДК позволяет реализовать высокоэффективную обработку зерновых эмульсий с целью активации ферментных систем, улучшения диспергирования белков и полисахаридов, а также снижения уровня технологических потерь на этапе биоподготовки. Как показано в исследованиях В.В. Горшкова, А.С. Покутнева, С.В. Капустина, О.Н. Красуля, А.Ю. Радзюк кавитационная активация способствует более полному раскрытию ферментативного потенциала зерна, что, в свою очередь, ведет к сокращению времени ферментации, увеличению выхода полуфабрикатов и улучшению органолептических показателей готовой продукции [6–8].

Анализ публикаций подтверждает, что внедрение ГДК обеспечивает повышение выхода товарной продукции на 3–6%, экономию воды и снижение удельных энергозатрат на переработку 1 тонны зерновой эмульсии. Эти параметры являются важными для оценки общей экономической эффективности и стратегической целесообразности внедрения технологий в условиях ресурсных ограничений и ужесточения конкуренции на рынке хлебобулочных изделий (рисунок 1).

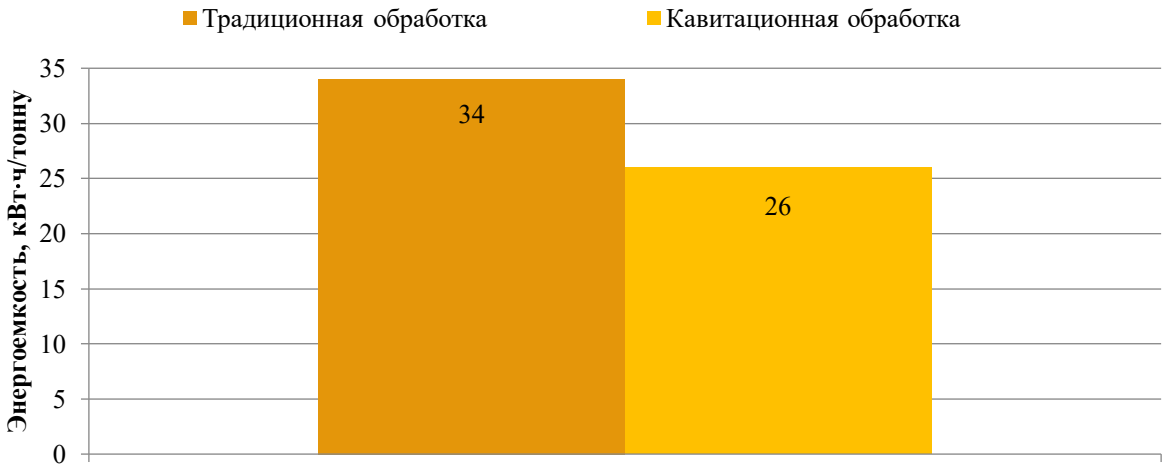


Рис. 1. Сравнение энергоемкости традиционной и кавитационной обработки зерновой эмульсии (в кВт·ч/тонну)

Источник: составлено авторами по данным [6–8]

Таким образом, мотивация внедрения ГДК в хлебопекарном производстве обусловлена сочетанием технологических и экономических выгод, включая:

– снижение себестоимости за счет оптимизации процессов биоподготовки;

– повышение стабильности качества и потребительских свойств продукции;

– адаптивность технологии под региональные особенности сырьевой базы;

– снижение экологической нагрузки за счет уменьшения отходов и снижения энергопотребления.

Параметризация и экономическая оценка ГДК

Одним из важнейших условий технологической и экономической эффективности кавитационной обработки зерновых эмульсий является корректная параметризация режима обработки. На основе анализа экспериментальных данных, полученных на маломасштабной производственной линии в Пензенской области в 2023 году, было установлено, что оптимальными условиями являются частота кавитации в диапазоне 14-17 кГц и температура 42-45 °C. Данный режим позволяет достичь ускоренного гидролизного разрыхления белково-полисахаридного комплекса, что существенно повышает активность ферментных систем (в первую очередь α-амилаз и пентозаназ) и сокращает продолжительность биохимической ферментации [9]. Как подтверждают данные, собранные на базе предприятия ООО «ХлебСнаб», применение технологии ГДК ведет к снижению расхода ресурсов, повышению выхода продукции и снижению себестоимости на тонну готовой продукции (таблица 1) [10].

Таблица 1

Экономические показатели хлебозавода до и после внедрения ГДК (на 1 тонну продукции)

Показатель	**До внедрения**	**После внедрения**	**Δ, %**
Расход воды, л	110	88	–20,0 %
Время ферментации, ч	6,5	4,2	–35,4 %
Выход товарной продукции, кг	930	982	+5,6 %
Себестоимость, руб.	24 500	22 800	–6,9 %

Источник: составлено авторам, на основании данных производственного отчета предприятия ООО «ХлебСнаб» за 2012 год [10]

Полученные результаты демонстрируют, что при корректной настройке параметров кавитации можно достичь значимого роста производственной эффективности. Уменьшение времени ферментации позволяет оптимизировать производственный цикл, сократить затраты на электроэнергию и повысить оборачиваемость оборудования. Повышение выхода продукции при одновременном снижении расхода воды и затрат на единицу готовой продукции говорит о комплексном эффекте оптимизации биотехнологического процесса.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что параметрическая настройка технологии ГДК на основе экспериментальных данных является ключевым условием достижения как технологического, так и экономического

эффекта. В условиях ограниченного доступа к инвестициям и растущей себестоимости сырья такие решения становятся особенно актуальными для предприятий регионального уровня.

Барьеры и ограничения внедрения ГДК

Несмотря на технологические преимущества ГДК, на практике ее широкое внедрение в регионах России сталкивается с рядом ограничений:

– отсутствие унифицированных типовых решений для предприятий малого и среднего бизнеса;

– высокая чувствительность параметров процесса к свойствам сырья (вязкость, кислотность и пр.);

– недостаточная подготовка персонала и дефицит специализированных инженеров [11–13].

По данным исследований С.В. Новоселова, Л.А. Маюрниковой и К.И. Васильева, а также В.П. Гаджибек, проблема технической адаптации ГДК особенно остро стоит на предприятиях, использующих устаревшие линии переработки, неспособные работать с переменными режимами кавитации. Г.О. Трофимец, З.И. Азиева также подчеркивают, что в регионах с низкой инновационной активностью сложнее запустить пилотные проекты из-за инфраструктурных ограничений и ограниченного доступа к инвестиционным ресурсам. Также выявлены территориальные различия. Например, по статистике Министерства промышленности и торговли РФ (2024), предприятия Центрального и Южного федеральных округов активнее внедряют ГДК, чем предприятия Сибирского и Уральского округов. Это связано с более высоким уровнем обеспеченности инфраструктурой, большей плотностью агропромышленных кластеров и доступностью лизинговых программ (рисунок 2).

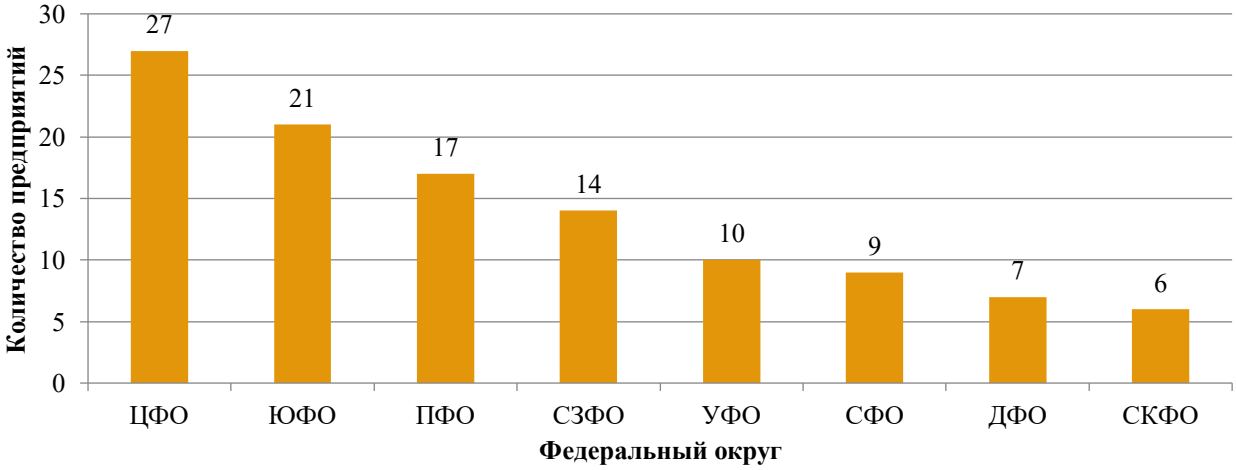


Рис. 2. Количество предприятий, использующих кавитационные технологии, по федеральным округам (2024)

Источник: составлено авторами по данным Минпромторга РФ и Росстата [13; 14]

Экономико-математическая модель параметрической настройки ГДК

Для оценки эффективности внедрения технологии ГДК и ее параметрической настройки разработана экономико-математическая модель, основанная на многофакторном регрессионном анализе. В основу расчетов легли данные, собранные в 2023 году на трех хлебопекарных предприятиях в Липецкой, Белгородской и Пензенской областях.

Модель учитывает следующие переменные (таблица 2):

– интенсивность кавитации (в кГц);
– температурный режим обработки (в °С);
– продолжительность обработки (в минутах);
– исходные характеристики суспензии (влажность, крахмальность);
– удельные энергозатраты (в кВт·ч/т);
– экономический эффект в виде изменения маржинального дохода на 1 тонну продукции.

Таблица 2

Влияние параметров ГДК на экономическую эффективность (результаты регрессии)

Параметр	**Коэффициент**	***p*-значение**	**Интерпретация**
Частота кавитации	+0,42	0,004	Рост дохода
Температура обработки	+0,27	0,018	Умеренно значимо
Время обработки	+0,19	0,032	Положительно влияет

Источник: расчеты авторов на основе данных производственного отчетов предприятий ОАО «ЛипецкХлеб», ООО «Пензахлеб» и АО «БелХлеб» за 2018, 2024 и 2021 гг.

Подобный подход к оценке эффективности технологических нововведений ранее был применен в исследованиях устойчивости производственных систем при росте затрат на энергоресурсы [15], а также в рамках оценки инвестпривлекательности решений в АПК с учетом технико-экономических параметров [16]. Наибольший экономический эффект достигается при кавитационной частоте в диапазоне 14-17 кГц, температуре 42-45 °С и продолжительности воздействия 8-10 минут. При таких параметрах обеспечивается энергозатратность ниже 32 кВт·ч/т, что считается критическим уровнем экономической рентабельности технологии при текущих тарифах на энергоресурсы.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что параметрическая настройка кавитационной обработки должна опираться не только на технологические характеристики, но и на производственные и экономические ограничения. Полученные коэффициенты регрессии могут быть адаптированы

под условия конкретного региона или предприятия. Таким образом, разработанная модель дает возможность обосновывать выбор режимов кавитации при модернизации хлебопекарных производств и формировать индивидуальные технико-экономические карты внедрения технологии.

Обсуждение результатов и сопоставление с аналогами

Применение гидродинамической кавитации (ГДК) в пищевой промышленности активно развивается в зарубежной практике, однако отраслевые приоритеты демонстрируют существенные различия.

Так, в пивоварении технология используется в качестве средства интенсификации процессов экстракции и повышения фильтрационной способности сусла. Внедрение ГДК в пивоварении способствует ускорению экстракции хмелевых компонентов, сокращая длительность варки без потери качества готового продукта [17]. В молочной и десертной промышленности кавитационные и ультразвуковые методы обрабатывают сырье с целью улучшения текстуры и микробиологической безопасности. В частности, ультразвук (в том числе в ГДК-режиме) способствует улучшению структуры мороженого и повышению стабильности эмульсий [18].

В переработке фруктовых и соковых продуктов обработка апельсинового сока с использованием кавитационных эффектов позволяет достичь повышения микробиологической стабильности и улучшения органолептических показателей в процессе хранения [19]. При этом, хлебопечение составляет лишь около 11 % от общего объема применения кавитационных технологий в пищевой промышленности в странах ЕС, что связано с высокой технологической инерцией, сложностью стандартизации и отсутствием унифицированных подходов к промышленному внедрению (рисунок 3).

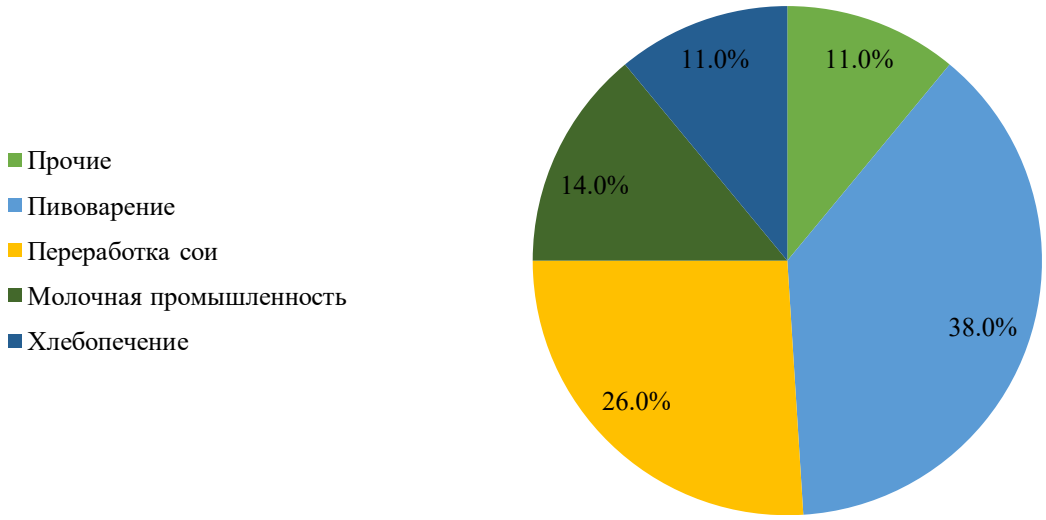


Рис. 3. Области применения ГДК в пищевой промышленности в странах ЕС

Источник: составлено авторами на основе данных [17–19]

Таким образом, несмотря на ограниченное распространение ГДК в хлебопекарной промышленности, полученные в настоящем исследовании результаты демонстрируют ее высокую технологическую и экономическую эффективность в российских условиях. Исходя из вышесказанного, можно сказать, что целенаправленная параметрическая оптимизация режимов ГДК имеет значительный потенциал в рамках программ импортозамещения, энергосбережения и технологической модернизации пищевой отрасли России.

Заключение

В процессе исследования авторами было выявлено, что ГДК обладает значительным потенциалом для интенсификации технологических процессов в хлебопекарной промышленности. Полученные результаты подтверждают эффективность параметрически оптимизированных режимов ГДК с точки зрения снижения себестоимости, сокращения времени ферментации и повышения выхода готовой продукции.

Основные выводы можно сформулировать следующим образом:

1. Технология ГДК обеспечивает рост производственной эффективности за счет активации ферментных систем, уменьшения технологических потерь и улучшения структурных характеристик зерновых эмульсий.
2. Проведенный технико-экономический анализ показал, что при оптимальных параметрах (14-17 кГц, 42-45 °С, 8-10 мин) возможно достичь экономии ресурсов и повышения маржинального дохода на уровне до 6-9 % в расчете на 1 тонну продукции.
3. Разработанная экономико-математическая модель параметризации ГДК позволяет учитывать локальные условия предприятия и формировать индивидуальные сценарии модернизации с учетом технологических, сырьевых и энергетических факторов.
4. На основании анализа барьеров и региональной специфики показано, что дальнейшее распространение ГДК сдерживается инфраструктурными и кадровыми ограничениями, а также недостаточной унификацией оборудования.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что применение технологии ГДК представляет собой перспективное направление технологического обновления хлебопекарной отрасли России. Особенно актуальным ее внедрение становится в контексте программ импортозамещения и повышения энергоэффективности агропищевых производств.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки предприятий для углубленного анализа параметров кавитационной обработки, интеграцией методов цифрового моделирования и изучением влияния ГДК на показатели долговременного хранения и безопасности хлебобулочной продукции.

Литература

1. Ярмаркин Д.А., Прохасько Л.С., Мазаев А.Н. Кавитационные технологии в пищевой промышленности // Молодой ученый. 2014. № 8 (67). С. 312–315.

2. Денисюк Е.А., Шевелев С.П. Пути использования эффекта гидродинамической кавитации при обработке жидких пищевых сред // Вестник НГИЭИ. 2011. № 1(2). С. 30–41.

3. Дорошенко Ю.А., Ковалев А.С. Оценка эффективности инноваций в АПК // Креативная экономика. 2012. № 3(63). С. 81-86.

4. Марговцев В.Н. К вопросу использования кавитационных процессов в пищевой и перерабатывающей промышленности // Актуальные проблемы социально-экономического развития общества. 2018. С. 98–104.

5. Ветрова Е.А., Кабанова Е.Е. Инновационное развитие отраслевых предприятий пищевой промышленности России: региональный аспект // Управленческий учет. 2023. № 1. С. 29–37. DOI 10.25806/uu1202329-37.

6. Капустин С.В., Красуля О.Н. Применение ультразвуковой кавитации в пищевой промышленности // Интерактивная наука. 2016. № 2. С. 101–103.

7. Горшков В.В., Покутнев А.С. Эффективность обработки зерна гидродинамической кавитацией при производстве хлеба // Вестник АГАУ. 2007. № 12. С. 49–51.

8. Радзюк А.Ю. и др. Современное состояние использования кавитационных технологий (краткий обзор) // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2022. Т. 333. № 9. С. 209–218.

9. Трофимец Г.О., Азиева З.И. Цифровизация в сфере АПК: вызовы и перспективы // Прикладные экономические исследования. 2025. № 3. С. 200–205.

10. Производственный отчет о внедрении экспериментальной кавитационной установки / ООО «ХлебСнаб». Пензенская обл., 2012.

11. Новоселов С.В., Маюрникова Л.А., Васильев К.И. Анализ региональных условий для развития инновационной деятельности в сфере питания // Техника и технология пищевых производств. 2012. № 1 (24). С. 3–8.

12. Гаджибек В.П. Оценка динамики модернизации и обновления основных производственных фондов предприятий хлебопекарной промышленности Приморского края // АНИ: экономика и управление. 2020. № 1 (30). С. 129–131.

13. Публичная декларация целей и задач Минпромторга России на 2023 год. URL: https://legalacts.ru/doc/publichnaja-deklaratsija-tselei-i-zadach-minpromtorga-rossii-na-2023/.

14. Текущий и прогнозируемый рост объема производства ХБИ в Российской федерации. Разбираем причины роста и причины снижения тоннажа. URL: https://vatelmarketing.ru/articles/sales/tekushchiy-i-prognoziruemyy-rost-obema-proizvodstva-khbi-v-rf/.

15. Чилдебаев Б.С., Арзалиев Б., Камаридинов Ж., Айдаров Р. Обоснование рисков энергообеспечения производства и меры предотвращения рисков // Вестник науки и образования. 2022. № 5–2 (125). С. 7–11.

16. Кештов А. Р., Яхтанигова М. М., Карданова К. Х. Управленческая диагностика и оценка эффективности инновационной деятельности на предприятиях АПК // Пространство экономики. 2008. № 1–2. С. 158–161.

17. Albanese L., Ciriminna R., Meneguzzo F. Beer-brewing powered by controlled hydrodynamic cavitation: Theory and real-scale experiments // Journal of Cleaner Production. 2016. Vol. 142. P. 1457–1470.

18. Tabatabaee Yazdi F. Study of Ice Cream Freezing process after Treatment with Ultrasound // World Applied Sciences Journal. 2008. Vol. 4 (2). P. 188–190.

19. Tiwari B.K., O' Donnell C.P., Muthukumarappan K. Effect of sonication on orange juice quality parameters during storage // International Journal of Food Science & Technology. 2009. Vol. 44 (3). P. 586–595.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/rol-tamozhenno-tarifnogo-regulirovaniya-vo-vneshnetorgovoj-deyatelnosti-gosudarstva/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 339.543.6
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_32



РОЛЬ ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВО ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Рощина Л.Н., *профессор, доктор экономических наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия*

Соленая С.В., *доцент, кандидат экономических наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. Целью статьи является определение роли таможенно-тарифного регулирования в управлении внешнеторговой деятельностью. Авторами предпринята попытка методического и инструментарного обоснования адаптации российского таможенного регулирования в условиях глобальных вызовов. Определены роль таможенного регулирования и его влияние на эффективность внешнеторговой деятельности. Таможенное регулирование является важным инструментом экономической политики государства, обеспечивающим баланс между защитой национальных интересов и стимулированием внешнеэкономической деятельности. Эффективное таможенное регулирование способствует развитию торговли, улучшению инвестиционного климата и повышению уровня жизни населения. Но все эти взаимосвязанные аспекты формируют сложную и динамично развивающуюся систему, требующую анализа и адаптации к меняющимся экономическим условиям и глобальным вызовам. Авторами выявлено, что оптимальный уровень таможенных пошлин способен стать триггером развития национального производства, создавая благоприятные условия для конкуренции на внутреннем рынке. Однако чрезмерно высокие пошлины коррелируют с ростом цен на импортную продукцию, снижением конкуренции и ограничением доступа потребителей к более доступным и качественным товарам. Оптимизация таможенно-тарифной политики представляет собой постоянный вызов для правительств, которые стремятся найти баланс между защитой интересов отечественных производителей и обеспечением доступности товаров для потребителей.

Ключевые слова: таможенное регулирование, тарифы, пошлины, внешняя торговля, внешнеэкономическая политика, международные рынки.

THE ROLE OF CUSTOMS AND TARIFF REGULATION IN THE FOREIGN TRADE ACTIVITIES OF THE STATE

Roshchina L.N., *Professor, Doctor of Economics, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia*

Solenaya S.V., *Associate Professor, Candidate of Economics, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The role of customs and tariff regulation in the foreign trade activities of the state Roshchina L.N., Professor, Doctor of Economics, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia S.V. Solenaya, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia Annotation. The purpose of the article is to determine the role of customs and tariff regulation in the management of foreign trade activities. The authors have attempted to provide methodological and instrumental justification for the adaptation of Russian customs regulation in the context of global challenges. The role of customs regulation and its impact on the effectiveness of foreign trade activities are determined. Customs regulation is an important instrument of the state's economic policy, ensuring a balance between protecting national interests and stimulating foreign economic activity. Effective customs regulation contributes to the development of trade, improvement of the investment climate and improvement of the standard of living of the population. But all these interrelated aspects form a complex and dynamically developing system that requires analysis and adaptation to changing economic conditions and global challenges. The authors have revealed that the optimal level of customs duties can become a trigger for the development of national production, creating favorable conditions for competition in the domestic market. However, excessively high duties correlate with rising prices for imported products, reduced competition, and limited consumer access to more affordable and high-quality goods. The optimization of customs and tariff policy is a constant challenge for Governments that seek to find a balance between protecting the interests of domestic producers and ensuring the availability of goods to consumers.

Keywords: customs regulation, tariffs, duties, foreign trade, foreign economic policy, international markets.

JEL classification: F13, F15, F53.

Для цитирования: Рощина Л.Н., Соленая С.В. Роль таможенно-тарифного регулирования во внешнеторговой деятельности государства // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 32–48. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_32.

Статья поступила в редакцию: 31.05.2025 г. Одобрена после рецензирования: 06.06.2025 г. Принята к публикации: 07.06.2025 г.

For citation: Roshchina L.N., Solenaya S.V. The role of customs and tariff regulation in the foreign trade activities of the state // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 32–48. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_32.

The article was submitted to the editorial office: 31/05/2025. Approved after review: 06/06/2025. Accepted for publication: 07/06/2025.

Введение

Таможенное регулирование оказывает значительное влияние на внешнеэкономическую деятельность страны. Оно может способствовать развитию торговли, но также может создавать барьеры для импорта и экспорта, что влияет на цены и доступность товаров на внутреннем рынке. Эффективная реализация мер таможенного контроля положительно сказывается на стабильном экономическом развитии и росте национальной экономики. Таможенное регулирование часто требует взаимодействия между странами. Существуют международные организации (например, Всемирная таможенная организация), которые разрабатывают рекомендации и стандарты для упрощения процедур и повышения эффективности таможенного контроля. В условиях нарастающей глобализации и расширения участия Российской Федерации в международном товарообороте, оптимизация таможенного регулирования приобретает первостепенное значение для обеспечения экономической стабильности и процветания страны. *Целью* статьи является определение роли таможенно-тарифного регулирования в управлении внешнеторговой деятельностью.

Обзор литературы

Проблематику внешнеторговой деятельности в последнее время исследуют многие авторы: А.М. Басенко, П.В. Таранов, В.В. Устинова, И.В. Куликова, А.Ф. Хапилин, С.А. Хапилин. В частности, функционал таможенных органов в условиях санкционного давления рассмотрен в научных статьях А.Ф. Хапилина и С.А. Хапилина [14; 15]. Авторы затрагивают тему таможенного администрирования в условиях антироссийских санкций и необходимости выбора приоритета стратегического развития внешнеторговой деятельности. Сконструированы единые подходы и меры реагировании на санкционное давление, в частности, неизбежность фиксации в правовом поле приоритетов таможенно-тарифной политики России. По мнению авторов, таможенное регулирование – это система правовых, экономических и организационных мер, направленных на управление перемещением товаров и транспортных средств через границы государств. Оно включает в себя контроль за соблюдением законодательства, сбор таможенных пошлин и налогов, а также обеспечение безопасности и защиты интересов государства и его граждан.

Значение транзитного потенциала и мировой логистики для внешнеторговой деятельности раскрывается в работах В.В. Устиновой, И.В. Куликовой, П.В. Таранова, А.М. Басенко. В статье В.В. Устиновой и И.В. Куликовой обосновываются определенные формы и методы таможенного регулирования в условиях санкций, создание единой транзитной системы ЕАЭС на основе информационных технологий [13]. Доказывается, что трансформация системы таможенного регулирования вопросов транзитного потенциала – действенный сегодня способ повысить эффективность внешнеторговой деятельности России. П.В. Таранов и А.М. Басенко, в контексте управления внешнеторговой деятельности, уделяют

особое внимание моделированию международной логистики [3]. Авторы исследуют мировую логистическую систему, основываясь на аналитическом и имитационном моделировании, подчеркивая преимущества полипарадигмального подхода к построению моделей международной транспортной логистики.

Повестка повышения эффективности внешнеторговой деятельности и ее оценки при помощи математического инструментария продолжается в трудах Печевой Ю.Н. Автор исследует методологию анализа эффективности внешней торговли в условиях высокой волатильности международных рынков, доказывая, что для решения проблем адекватной оценки необходим математический функционал [7; 8]. Анализ научных трудов позволяет сделать вывод о недостаточной проработки методической и инструментарной основы для адаптации российского таможенного регулирования к меняющимся экономическим условиям и глобальным вызовам и последующего анализа его влияния и роли во внешнеторговой деятельности.

Материалы и методы

Методологической основой исследования послужили общенаучные методы – логический и системный анализ. В процессе исследования применялись эвристические методы, а именно индукция и аналогия, и метод обработки эмпирических данных.

Результаты и обсуждение

Таможенное регулирование является важным инструментом экономической политики государства, обеспечивающим баланс между защитой национальных интересов и стимулированием внешнеэкономической деятельности. Эффективное таможенное регулирование способствует развитию торговли, улучшению инвестиционного климата и повышению уровня жизни населения. Но все эти взаимосвязанные аспекты формируют сложную и динамично развивающуюся систему, требующую анализа и адаптации к меняющимся экономическим условиям и глобальным вызовам.

Таможенное регулирование базируется на национальном законодательстве, международных соглашениях и договорах. Важными документами являются Таможенный кодекс, законы о таможенном регулировании и международные конвенции (например, Конвенция о таможенном сотрудничестве). Основными задачами таможенного регулирования являются:

– контроль за перемещением товаров: таможенные органы осуществляют контроль за ввозом и вывозом товаров, чтобы предотвратить контрабанду и нарушение законодательства;

– сбор пошлин и налогов: одной из ключевых функций является взимание таможенных пошлин и налогов на импорт и экспорт товаров;

– защита внутреннего рынка: таможенное регулирование помогает защищать отечественных производителей от недобросовестной конкуренции и обеспечивает защиту потребителей;

– обеспечение безопасности: таможенные органы контролируют

перемещение товаров, чтобы предотвратить ввоз опасных или запрещенных предметов, таких как наркотики, оружие или товары, угрожающие здоровью населения.

В силу своего членства в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), Российская Федерация является участником единого таможенного пространства. Это влечет за собой то, что таможенное регулирование на территории Российской Федерации в значительной степени основывается на положениях Таможенного кодекса ЕАЭС. Данный Кодекс, являясь основополагающим нормативным актом, устанавливает единообразные правила для всех государств-членов Союза, охватывая такие аспекты, как классификация товаров, определение размеров таможенных пошлин, таможенные процедуры, контроль за движением товаров через границу и другие связанные вопросы [1].

Оптимальный уровень таможенных пошлин способен стимулировать развитие национального производства, создавая более благоприятные условия для конкуренции на внутреннем рынке. Однако чрезмерно высокие пошлины могут привести к росту цен на импортную продукцию, снижению конкуренции и ограничению доступа потребителей к более доступным и качественным товарам. Таким образом, оптимизация таможенно-тарифной политики представляет собой постоянный вызов для правительств, которые стремятся найти баланс между защитой интересов отечественных производителей и обеспечением доступности товаров для потребителей.

Таможенное регулирование в Российской Федерации осуществляется специализированными государственными органами – таможенными органами. Данные органы обладают широким кругом полномочий в сфере контроля за движением товаров через государственную границу.

Деятельность таможенной службы имеет первостепенное значение для обеспечения экономической безопасности государства, противодействия контрабанде и предотвращения незаконного перемещения товаров, включая товары, подпадающие под запрет или ограничения. Таможенные органы также выполняют посредническую функцию между государством и участниками внешнеэкономической деятельности, осуществляя таможенное оформление товаров, контролируя соблюдение таможенного законодательства и обеспечивая сбор таможенных платежей.

Важно подчеркнуть, что, исполняя функции государственного контроля, таможенные органы не являются коммерческими структурами. Их деятельность направлена на реализацию государственных задач и не ставит своей целью получение прибыли. Институциональный подход к анализу таможенного регулирования предполагает комплексное рассмотрение не только правовых норм и практики их реализации, но также и влияния институциональных факторов на эффективность таможенного контроля.

В рамках такого подхода необходимо изучить организационную структуру таможенных органов, квалификацию персонала, использование информационных технологий, уровень коррупции и прозрачность процедур.

Институциональная модель управления в сфере таможенного регулирования направлена на оптимизацию институциональной среды, формирование более эффективных механизмов контроля и снижение транзакционных издержек для участников внешнеэкономической деятельности.

Реформирование таможенных органов предполагает не только совершенствование законодательной базы, но также внедрение современных технологий, повышение качества процедур таможенного оформления, развитие квалификации сотрудников и противодействие коррупции. Институциональный подход учитывает взаимодействие таможенных органов с другими государственными структурами, такими как налоговые органы и пограничная служба [4].

Таможенные тарифы представляют собой важный инструмент внешнеэкономической политики государства, который используется для регулирования международной торговли. Они могут оказывать значительное влияние на экономику страны, ее внутренний рынок и торговые отношения с другими государствами. Рассмотрим виды и функции таможенных тарифов более подробно. Таможенный тариф Евразийского экономического союза (ЕАЭС) представляет собой законодательно установленную систему ставок, применяемых к товарам, пересекающим границы Союза. Уровни этих ставок определяются в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД). Для стран, признанных развивающимися или наименее развитыми, а также в рамках соглашений о свободной торговле со странами-партнерами, предусмотрены льготные таможенные режимы.

Главной задачей является создание эффективной системы обращения товаров, в которой продукция иностранных компаний и предпринимателей играет доминирующую роль. Таможенные пошлины устанавливаются для обеспечения поддержки отечественных производителей, предотвращая перенасыщение внутреннего рынка товарами и противодействуя давлению на цены со стороны крупных компаний с солидным финансовым и технологическим потенциалом. Вторая задача – обеспечение равновесия между экспортными поставками и объёмами производства для внутреннего рынка.

В последние годы, в условиях геополитической напряженности и волатильности валютных курсов, многие производственные и добывающие предприятия проявляют повышенный интерес к расширению внешнеэкономической деятельности. Продажи сырья, полуфабрикатов и готовой продукции на экспорт становятся более привлекательными с финансовой точки зрения [5]. Однако, такая ориентация может привести к дестабилизации внутреннего рынка, что проявится в виде дефицита аналогичной продукции или снижения качества товаров, доступных для отечественных потребителей.

Таможенный тариф представляет собой комплексную систему, включающую в себя таможенные пошлины, их классификацию и ставки,

перечень товаров с системой их группировки, методики определения таможенной стоимости, а также предусмотренные льготы и преференции. При формировании номенклатурных списков, на основе которых устанавливается размер таможенных пошлин и порядок их применения, используются различные критерии дифференциации.

Таможенные тарифы классифицируются на два основных типа: простые и сложные. Простой тарифный режим предусматривает применение единой ставки таможенных пошлин на каждый товар, независимо от его страны происхождения. Сложный тарифный режим характеризуется применением двух или более ставок таможенных пошлин для каждого товара [6].

Сложный тарифный режим считается более гибким инструментом и чаще используется государствами в целях регулирования внешнеполитических отношений. Он позволяет оказывать экономическое давление на определенные страны путем установления более высоких тарифов, а также стимулировать экономическое сотрудничество с другими государствами посредством предоставления льготных тарифов.

Таможенный тариф может быть классифицирован по способу взимания следующим образом:

– адвалорная пошлина, то есть тарифы, которые выражаются в процентах от стоимости товара. Например, если адвалорный тариф составляет 10%, то на товар стоимостью 1000 долларов будет начислено 100 долларов пошлины;

– специфическая пошлина устанавливается в фиксированной денежной сумме на единицу товара (например, на килограмм, литр или штуку). Она позволяет предотвратить резкое снижение таможенных доходов при существенном падении цен на мировых рынках и исключить возможность умышленного занижения цены импортером. Размер специфической пошлины не зависит от заявленной стоимости товара, что обеспечивает стабильность поступлений в бюджет;

– комбинированная пошлина является сочетанием адвалорных и специфических тарифов. Вначале применяется специфическая модель, а затем - адвалорная. В результате на поставку применяется более высокая величина пошлины, подлежащая обязательной уплате.

Помимо прочего, таможенные пошлины классифицируются по характеру их происхождения:

– специальные пошлины применяются в качестве защитной меры для отечественных производителей. Их вводят в случаях, когда импорт товаров осуществляется в объемах и на условиях, способных причинить ущерб отечественным предприятиям, выпускающим аналогичную или конкурирующую продукцию;

– компенсационные сборы устанавливаются на импортируемые товары, производство или экспорт которых был субсидирован государством (прямо или косвенно). Необходимость таких сборов вызвана тем, что государственные субсидии искусственно снижают себестоимость продукции

и, как следствие, цены на нее на мировом рынке;

– антидемпинговая пошлина - эти тарифы применяются к товарам, которые импортируются по ценам ниже рыночных (демпинг). Они направлены на защиту отечественного производителя от недобросовестной конкуренции.

Таможенный тариф выполняет ряд важных функций, которые закреплены в законодательной базе таможенно-тарифного регулирования:

– регулирование внешнеэкономической деятельности. Таможенные тарифы помогают контролировать объем импорта и экспорта товаров, что позволяет поддерживать баланс платежей и предотвращать дефицит внешней торговли;

– защита внутреннего рынка. Установление высоких тарифов на импорт позволяет защитить отечественных производителей от иностранной конкуренции, что способствует развитию местной экономики;

– стимулирование производства. Защита внутреннего рынка с помощью таможенных тарифов может привести к увеличению объемов производства внутри страны, созданию новых рабочих мест и повышению уровня жизни населения;

– финансовые поступления в бюджет. Таможенные тарифы являются источником доходов для государственного бюджета. Поступления от таможенных пошлин могут использоваться для финансирования социальных программ и инфраструктуры.

Эффективность выполнения этих функций зависит от нескольких факторов: организации и товарной структуры таможенного тарифа, уровня и механизма формирования ставок, а также от деятельности таможенной службы. Одно из главных направлений государственной политики заключается в содействии развитию предпринимательской деятельности и привлечению инвестиций [12]. В первую очередь, поддержка оказывается местным производственным и торговым предприятиям, которые вносят существенный вклад в налоговые поступления и создают рабочие места, необходимые для населения.

Глобализация экономических рынков, обладая в целом позитивным воздействием, одновременно создает условия для повышения барьеров входа в сферу предпринимательства. Состязание с крупными корпорациями и иностранной продукцией, особенно на начальном этапе деятельности, без достаточной финансовой поддержки, представляет собой значительную сложность [9].

Одним из способов решения этой проблемы является таможенно-тарифное регулирование – совокупность мер, применение которых оправдано как с точки зрения защиты интересов отечественных предприятий, так и в контексте пополнения государственного бюджета за счет введения дополнительных пошлин на определенные категории импортных товаров.

Таможенно-тарифное регулирование во внешней торговле определяет методы и функции государственного вмешательства, призванные

оптимизировать существующие экономические процессы.

В этом контексте таможенную политику можно интерпретировать как иерархическую систему. Таможенно-тарифные инструменты составляют фундамент этой системы, служа основой для формирования и реализации внешнеэкономической политики. Последняя, в свою очередь, выступает механизмом, обеспечивающим достижение долгосрочных стратегических целей, находящихся на вершине иерархической структуры.

Анализ взимания экспортных и импортных пошлин в России за период с 2021 по 2023 годы можно рассмотреть с различных аспектов, включая экономические, социальные и политические последствия. Важно учитывать, что в этот период Россия столкнулась с рядом значительных вызовов, включая экономические санкции, изменения на международных рынках и внутренние реформы. За последнее время внешнеэкономическая деятельность, а соответственно, и товарооборот внешней торговли Российской Федерации подвержены воздействию множества негативных факторов глобального характера (см. рис.1). К ним относятся экологические потрясения, геополитическая нестабильность, введенные санкции, пандемические угрозы, волатильность цен на энергоносители, колебания мировых рынков и курсов национальных валют.

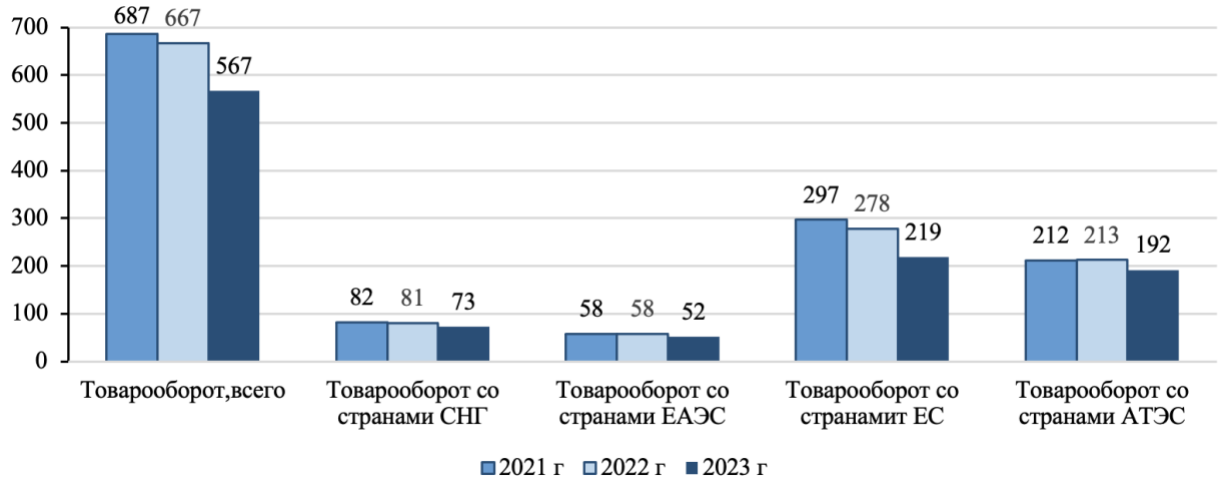


Рис.1. Товарооборот Российской Федерации, млрд. долл.

Источник: составлено авторами по данным [10]

Взимание экспортных и импортных пошлин в России за 2021-2023 годы оказало значительное влияние на экономику страны. С одной стороны, они помогли увеличить доходы бюджета и защитить отечественное производство. С другой стороны, высокие пошлины способствовали росту цен. Политическая обстановка и международные санкции также оказали влияние на структуру внешней торговли и экономическую стабильность страны.

Изменение ставок пошлин за 2022–2024 гг.

Российская Федерация, как участник международных экономических отношений, несёт ответственность за обеспечение защиты своего национального суверенитета в сфере внешнеторговой деятельности.

Изменение ставок экспортных и импортных пошлин в России за 2022–2024 годы было обусловлено рядом факторов, включая экономические санкции, изменения на мировых рынках и внутренние экономические меры. Ниже приведен обзор основных изменений в ставках пошлин в указанный период.

В 2022 году ставки экспортных пошлин на нефть были увеличены, а в 2023 продолжали корректироваться в ответ на рост мировых цен на нефть, что позволило увеличить доходы бюджета. Экспортные пошлины на некоторые металлы (например, алюминий и медь) также были увеличены в 2022 году из-за роста цен на сырьевые товары. В ответ на изменения в глобальной продовольственной безопасности и рост цен на продовольственные товары, Россия увеличила импортные пошлины на определенные категории сельскохозяйственной продукции.

В 2023 году наблюдались попытки снизить зависимость от импорта, что также отразилось на тарифах. В 2022–2023 годах Россия ввела новые пошлины на импорт товаров, таких как автомобили и электроника, чтобы поддержать отечественных производителей и стимулировать локализацию производства. К 2024 году планировалось продолжение этой политики с целью минимизации импорта из стран, поддерживающих санкции против России. В ответ на экономические санкции были введены временные специальные меры, включая дополнительные пошлины на товары из стран, которые поддержали санкции. Введение тарифных квот на определенные товары также стало частью стратегии по регулированию импорта и поддержки отечественного производства.

Для регулирования потоков товаров и услуг государство применяет различные методы, в том числе установление импортных таможенных пошлин. Ставки таких пошлин определяются Единым таможенным тарифом Евразийского экономического союза. Кроме того, используются экспортные таможенные пошлины, размеры которых регулируются внутренним законодательством Российской Федерации. Действующее законодательство в области таможенного регулирования, в частности Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 2068, а также товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, обеспечивают выполнение Российской Федерацией данных обязательств.

В 2021 году в рамках Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) начались консультации по разработке экономических мер поддержки, направленных на минимизацию негативного воздействия внешних вызовов. В 2022 году для обеспечения стабильности экономического пространства ЕАЭС и защиты внутреннего рынка были внедрены нулевые ставки импортных таможенных пошлин по 1226 товарным позициям (см. рис.2).



Рис. 2. Динамика таможенных пошлин по отдельным категориям товаров

Источник: составлено авторами на основе [10]

Постановлением Коллегии ЕЭК от 28 сентября 2022 года действие нулевой ставки было распространено на дополнительные 115 товарных позиций. В 2023 году срок действия льготного режима был продлён для 331 кода, что вдвое превышает количество кодов, охваченных мерами в 2022 году. Таким образом, реализация мер поддержки позволила обеспечить длительное действие нулевой пошлины для 11 подкатегорий товаров. В 2023 году наблюдалось значительное уменьшение доходов бюджета от экспортной пошлины на сырую нефть. Снижение поступлений от экспортной пошлины на нефтепродукты было менее существенным. Данная тенденция обусловлена добровольным сокращением добычи нефти. При анализе вывозных таможенных пошлин на нефть целесообразно изучить динамику ставок ввозных пошлин за указанный период, представленную на рисунке 3.

В 2021 году была зафиксирована рекордная величина вывозной таможенной пошлины, достигающая 77,5 долларов, что стало следствием резкого роста цен на нефть. Однако уже в начале 2022 года наблюдается значительное снижение ставки на 39,7%. В дальнейшем динамика показателей демонстрирует чередование роста и падения, усреднённая ставка вывозной пошлины составила 45,6 долларов, а в первой половине 2023 года произошло резкое падение до минимума в 12,8 долларов – это в шесть раз ниже, чем в 2021 году. Во втором полугодии 2023 года отмечается увеличение размера вывозной пошлины. Низкие ставки объясняются средними ценами на нефть марки Urals, которые, согласно данным Минфина РФ, составили 62,9 доллара за баррель, что на 17,3% меньше, чем в предыдущем году.

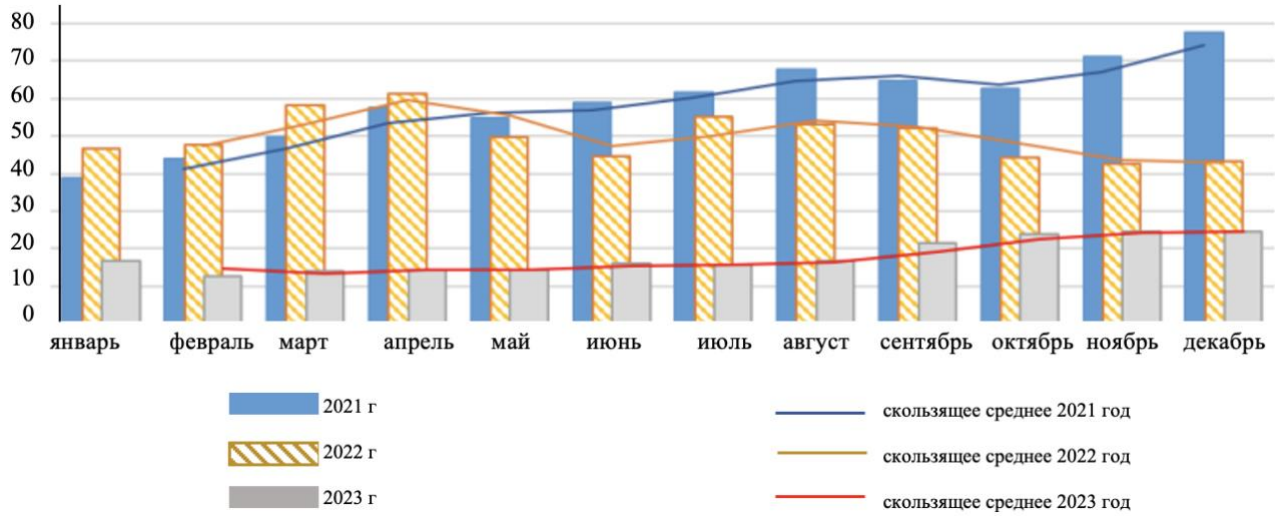


Рис. 3. Динамика ставок вывозных таможенных пошлин на нефть в период январь-декабрь 2021-2023 гг., долл./т.

Источник: составлено авторами на основе [10]

Изменения ставок экспортных и импортных пошлин в России за 2022-2024 годы были направлены на адаптацию к новым экономическим условиям, вызванным глобальными изменениями и внутренними вызовами. Эти меры отражали стремление правительства поддерживать экономическую стабильность, защищать отечественное производство и увеличивать бюджетные доходы. Исходя из проведённого анализа, можно утверждать, что таможенные пошлины играют важнейшую роль в регулировании международной торговли, способствуя защите отечественных производителей и созданию конкурентной среды для местных товаров. Эти меры также значимы для формирования государственного бюджета и укрепления экономической независимости страны, что в свою очередь позитивно влияет на развитие Евразийского экономического союза.

Развитие таможенно-тарифной системы Евразийского экономического союза (ЕАЭС) требует комплексного подхода и стратегического планирования. Основные направления и стратегии, которые могут быть реализованы для улучшения таможенного регулирования и повышения эффективности таможенной политики, включают:

– унификацию таможенных процедур, подразумевающую разработку и внедрение единых стандартов и процедур для всех стран-участниц ЕАЭС, что позволит снизить административные барьеры и упростить торговлю;

– совершенствование нормативной базы за счет регулярного обновления и адаптации законодательства в соответствии с международными стандартами и изменениями в мировой экономике;

– внедрение электронных систем за счет разработки и внедрения цифровых платформ для автоматизации таможенных процедур, таких как электронное декларирование, что позволит сократить время оформления грузов и повысить прозрачность;

– сотрудничество с бизнесом через установление диалога с предпринимателями для учета их мнений и предложений при разработке новых правил и процедур;

– экологические стандарты, подразумевающие внедрение экологических норм в таможенное регулирование, включая тарифные преференции для товаров, соответствующих экологическим требованиям;

– социальная ответственность, то есть учет социальных аспектов при формировании тарифной политики, поддержка местных производителей и малых предприятий;

– обучение кадров посредством проведения регулярных тренингов для сотрудников таможенных органов и бизнеса по актуальным вопросам таможенного регулирования и международной торговли;

– информационные кампании, включающие информирование бизнеса о новых правилах, процедурах и возможностях, связанных с таможенным регулированием;

– гибкость тарифной политики, означающая возможность оперативного реагирования на изменения в международной торговле, включая введение временных мер защиты для определенных отраслей;

– мониторинг глобальных трендов через анализ изменений в мировой экономике, таких как новые торговые соглашения или изменения в спросе на определенные товары, для корректировки тарифной политики.

Несомненно, достижение поставленных целей приведет к оптимизации расходов для предприятий, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, сделает таможенный контроль менее обременительным и более эффективным для добросовестных участников.

Эволюция таможенно-тарифной системы Евразийского экономического союза напрямую зависит от способности стран-членов к взаимодействию, унификации законодательства и внедрению передовых технологий. Реализация данных стратегий позволит сформировать более действенную, прозрачную и конкурентоспособную систему таможенного регулирования, способствующую развитию внутреннего рынка и притоку иностранных инвестиций.

Направления развития внешнеэкономической политики ЕАЭС

Развитие внешнеэкономической политики Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является важным аспектом, способствующим интеграции стран-участниц и повышению их конкурентоспособности на международной арене. Основные направления, которые могут быть выделены в рамках этой политики, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Ключевые направления развития внешнеэкономической политики ЕАЭС

Направление	Ключевые меры и инструменты	Ожидаемый эффект
Углубление экономической интеграции	Устранение торговых барьеров, гармонизация тарифов и нетарифных мер; Развитие совместных инвестиционных проектов в ключевых отраслях (промышленность, сельское хозяйство, энергетика)	Формирование общего рынка, свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, синергетический эффект
Расширение торговых связей	Продвижение продукции на внешние рынки (АТР, Ближний Восток, Африка); Подписание соглашений о свободной торговле с другими государствами и объединениями	Расширение географии торговли, доступ к новым рынкам, диверсификация внешнеэкономических связей
Поддержка экспорта	Программы субсидирования, налоговые льготы, финансовая поддержка производителей; Развитие логистической и таможенной инфраструктуры	Рост объемов экспорта, повышение конкурентоспособности национальной продукции на мировом рынке
Сотрудничество с международными организациями	Участие в деятельности международных экономических институтов (ВТО, ООН, ШОС и др.); Создание стратегических альянсов и формирование коалиций	Защита интересов ЕАЭС в глобальной экономике, совместное продвижение инициатив и усиление позиций Союза

Источник: составлено авторами по данным [11]

Основные направления экономического развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – это рекомендательный документ, определяющий ключевые тенденции социально-экономического прогресса, к которому стремятся государства-члены Союза. Данный документ направлен на оптимизацию интеграционных возможностей и конкурентных преимуществ стран-участниц для достижения дополнительного экономического эффекта для каждой из них [2]. Утвержден решением Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 года № 28, документ действует до 2030 года. Государствам-членам ЕАЭС, включая их правительства и центральные банки, рекомендуется учитывать указанные направления при разработке макроэкономической политики.

Настоящие направления направлены на решение ряда задач, связанных с углублением интеграции в рамках ЕАЭС:

– формирование единой стратегии экономического роста: определение общих целей и задач экономического развития Союза;

– прогнозирование перспектив развития: разработка различных сценариев экономической динамики стран-участниц ЕАЭС;

– идентификация приоритетных секторов: выделение отраслей и секторов экономики, обладающих наибольшим потенциалом для

интеграционного взаимодействия;

– оценка эффективности интеграции: анализ экономических преимуществ Союза («эффект интеграции») с использованием системы макроэкономических показателей.

Комиссия ЕАЭС в сотрудничестве с государствами-членами осуществляет постоянный мониторинг реализации указанных направлений и представляет доклад о результатах их выполнения для всестороннего обсуждения в рамках органов Союза. Это стратегический документ, описывающий ключевые направления экономического развития ЕАЭС, определяет не только важнейшие области для совместного роста и интеграции, но также становится основой для скоординированных действий государств-участников. Таким образом, этот документ выполняет двойную функцию: он служит как основой для стратегического планирования, так и практическим инструментом, способствующим реализации процессов интеграции. Эти инициативы направлены на поддержку устойчивого и сбалансированного развития региона в долгосрочной перспективе.

Заключение

Направления развития внешнеэкономической политики ЕАЭС должны быть ориентированы на углубление интеграционных процессов между странами-участницами, расширение их присутствия на мировых рынках и повышение конкурентоспособности. Эффективная реализация этих приоритетов позволит государствам ЕАЭС не только упрочить свои позиции на международной арене, но и обеспечить устойчивое развитие национальных экономик. Основные векторы экономической стратегии Союза направлены на выявление ключевых задач, что способствует более тесному сотрудничеству участников и формированию условий для совместного роста и взаимовыгодного взаимодействия.

Литература

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/.

2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 28 на период до 2030 года «Об основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза».

3. Басенко А.М., Таранов П.В. Транспортная логистика в контексте применения методов моделирования в мировой экономике // Экосистемный подход в логистике: ретроспектива, состояние, ожидания: Материалы международной научно-практической конференции. XVII Южно-Российский логистический форум. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2021. С. 222–228.

4. Вишнякова С.В. Состояние и перспективы взаимодействия таможенных органов в рамках системы межведомственного электронного взаимодействия ФТС России с другими федеральными органами исполнительной власти // Инфраструктура рынка: проблемы и перспективы:

Ученые записки. Том 26. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2020. С. 113–117.

5. Куликова И.В., И.В. Украинцева Совершенствование валютного контроля Российской Федерации в современных условиях // Инфраструктура рынка: проблемы и перспективы: ученые записки. Том 28. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. С. 92–98.

6. Масловская В.А., Куликова И.В. Меры для повышения устойчивости экономики стран - членов ЕАЭС в современных условиях: таможенный аспект // Устойчивое развитие сферы товарного обращения и услуг в условиях санкционных ограничений: материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, студентов и молодых ученых. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2022. С. 124–127.

7. Печева Ю.Н. Особенности измерения эффективности внешнеторговых операций в условиях высокой волатильности международных рынков // Управление и экономическая безопасность: страна, регион, малый и средний бизнес (новые вызовы экономики и задачи по развитию МСП страны и региона: Сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. С. 153–156.

8. Печева Ю.Н. Проблемы методологии анализа эффективности внешней торговли России в условиях санкций // Управление и экономическая безопасность: страна, регион, малый и средний бизнес (новые вызовы экономики и задачи по развитию МСП страны и региона: Сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. С. 94–98.

9. Самофалов В.И., Таранов П.В. Хозяйственный механизм как объект государственного управления: аспект устойчивого экономического развития // Технологии и человеческий капитал: ключевые факторы устойчивого роста. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2024. С. 494–504.

10. Таможенная статистика // Официальный сайт Федеральной таможенной службы РФ. URL: https://customs.gov.ru/?ysclid=m26ene4xpx460473196.

11. Таранов П.В. Российская логистическая система в условиях санкций // Инновационные логистические решения в условиях экономики трансформации: технологический суверенитет, импортозамещение, цифровое равенство: Материалы международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2023. С. 340–345.

12. Трансформация стратегии обеспечения макроэкономической стабильности и повышения устойчивости экономик государств - членов ЕАЭС в условиях санкционного давления: таможенный аспект / Е.Д. Костоглодова, А.Ф. Хапилин, С.А. Хапилин, А.А. Квиткина // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2022. № 2 (78). С. 111–120.

13. Устинова В.В., Куликова И.В. Влияние таможенного регулирования на развитие транзитного потенциала России в современных условиях // Устойчивое развитие сферы товарного обращения и услуг в условиях санкционных ограничений: материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, студентов и молодых ученых. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2022. С. 145–151.

14. Хапилин А.Ф., Хапилин С.А. Направления совершенствования структуры и функций таможенных органов в условиях трансформации системы таможенного декларирования товаров ЕАЭС // Современные тенденции развития общественных финансов в России в условиях геополитической турбулентности и новой экономической реальности: Материалы международной научно-практической онлайн-конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. С. 154–157.

15. Хапилин А.Ф., Хапилин С.А. Совершенствование таможенного администрирования в Российской Федерации в условиях усиления санкционного давления // Экономическое развитие России: вызовы и возможности в меняющемся мире: Материалы Международной научно-практической конференции. Том 5. Краснодар: ИПЦ Кубанского государственного университета, 2023. С. 116–121.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/analiz-infrastrukturnyh-barerov-vnedreniya-innovaczionnyh-tehnologij-v-hlebopekarnoj-otrasli-regionov-rossii/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 664.64:330.341.1:338.49
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_49



АНАЛИЗ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ БАРЬЕРОВ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХЛЕБОПЕКАРНОЙ ОТРАСЛИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Шорохов М.В., *магистрант, Красноярской государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия*

Подрезенко Е.Ю., *студент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия*

Аннотация. Целью настоящей статьи является выявление и аналитическая интерпретация инфраструктурных барьеров, затрудняющих внедрение инновационных технологий в хлебопекарной отрасли различных регионов России. В условиях модернизации продовольственного сектора и акцента на устойчивое развитие возрастает значимость технологических решений, способствующих повышению энергоэффективности, снижению технологических потерь и повышению качества продукции. Однако на региональном уровне процесс технологического обновления предприятий хлебопечения наталкивается на ряд объективных и системных ограничений. В рамках исследования определены ключевые инфраструктурные факторы, влияющие на темпы и глубину внедрения инноваций: степень физического износа производственного оборудования, доступность лизинга и сервисного обслуживания, обеспеченность энергетическими ресурсами, логистическая связанность, кадровая обеспеченность, а также институциональные условия на уровне субъектов РФ. Проведена межрегиональная сравнительная оценка и выдвинута рабочая типология регионов по уровню восприимчивости к технологическим инновациям. Методическая база включает структурный анализ статистики, экспертные интервью, данные производственных предприятий и нормативно-правовых актов. Результаты исследования позволяют более точно выстраивать региональные меры поддержки модернизации, а также учитывать территориальные особенности при разработке отраслевых стратегий. Полученные выводы могут быть применены органами власти, отраслевыми союзами и хозяйствующими субъектами при формировании дорожных карт технологического обновления.

Ключевые слова: инновации, хлебопекарная отрасль, инфраструктура, барьеры, региональная экономика, технологическое развитие, модернизация.

ANALYSIS OF INFRASTRUCTURAL BARRIERS TO THE IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE BAKING INDUSTRY OF RUSSIAN REGIONS

Shorokhov M.V., *Master's student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia*

Podrezenko E.Yu., *Undergraduate student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Abstract. The purpose of this article is to identify and analytically interpret the infrastructural barriers that hinder the implementation of innovative technologies in the bakery industry across different regions of Russia. In the context of the modernization of the agri-food sector and the increasing importance of sustainable development, technological solutions aimed at improving energy efficiency, reducing processing losses, and enhancing product quality are gaining significant relevance. However, at the regional level, the technological renewal of bakery enterprises encounters a number of objective and systemic constraints. The study outlines key infrastructural factors that influence the pace and depth of innovation adoption: the degree of equipment wear and tear, availability of leasing and technical support, access to energy resources, logistics connectivity, staffing levels, and institutional conditions across Russian regions. A comparative regional analysis is conducted, along with the development of a working typology of regions by their innovation receptivity. The methodological framework is based on structural analysis of statistics, expert interviews, data from production enterprises, and regulatory documents. The findings contribute to the development of more targeted regional support measures and facilitate the consideration of territorial specifics in the design of sectoral development strategies. The results may be useful to policymakers, industry associations, and business entities in forming effective roadmaps for technological modernization.

Keywords: innovation, bakery industry, infrastructure, barriers, regional economy, technological development, modernization.

JEL classification: L66, O33, R11.

Для цитирования: Шорохов М.В., Подрезенко Е.Ю. Анализ инфраструктурных барьеров внедрения инновационных технологий в хлебопекарной отрасли регионов России // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 49–61. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_49.

Статья поступила в редакцию: 31.05.2025 г. Одобрена после рецензирования: 06.06.2025 г. Принята к публикации: 09.06.2025 г.

For citation: Shorokhov M.V., Podrezenko E.Yu. Analysis of infrastructural barriers to the implementation of innovative technologies in the baking industry of russian regions // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 49–61. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_49.

The article was submitted to the editorial office: 31/05/2025. Approved after review: 06/06/2025. Accepted for publication: 09/06/2025.

Введение

В условиях трансформации производственной политики России, направленной на обеспечение продовольственной безопасности и импортонезависимости, особое значение приобретает модернизация базовых отраслей пищевой промышленности. Хлебопекарная отрасль, будучи социально значимым сегментом агропромышленного комплекса, обеспечивает устойчивый внутренний спрос, однако ее развитие ограничено рядом системных и инфраструктурных барьеров. Эти ограничения препятствуют широкому внедрению современных технологий и снижению производственных издержек, особенно в регионах с ограниченными ресурсами.

Во-первых, уровень физического износа технологического оборудования на хлебозаводах в большинстве субъектов Российской Федерации превышает 60 % (по данным Минпромторга РФ и Росстата на 2023 год), что делает затруднительным внедрение энергоэффективных и ресурсосберегающих решений, требующих адаптированной инженерной инфраструктуры. Во-вторых, в ряде регионов наблюдается недостаток квалифицированных кадров технологического профиля, способных обеспечить эксплуатацию и обслуживание новых производственных комплексов, особенно в контексте автоматизации и цифровизации процессов. В-третьих, наблюдаются сложности в логистике и снабжении специализированным оборудованием, включая кавитационные установки, парогенераторы, ферментативные реакторы и пр., особенно в отдаленных территориях Сибири, Дальнего Востока и Северного Кавказа.

Анализ региональных программ поддержки МСП в пищевой отрасли показывает, что стимулирование технологического обновления хлебопекарных производств остается фрагментарным и редко опирается на институционально устойчивые модели. При этом, согласно исследованиям НИУ ВШЭ, различия в доступности энергомощностей, условиях лизинга, логистической инфраструктуре и наличии технопарков обусловливают неоднородность технологического развития даже внутри одного федерального округа. В результате, инновационные решения – от кавитационной активации до биокаталитической ферментации – внедряются точечно и без адаптации к региональным условиям. Таким образом, преодоление инфраструктурных барьеров становится необходимым условием повышения конкурентоспособности хлебопекарных предприятий и обеспечения устойчивости продовольственного сектора в целом. Комплексное выявление и типизация таких барьеров, а также сопоставление успешных региональных практик, может стать основой для формирования гибкой политики технологической модернизации отрасли.

Целью настоящего исследования является анализ инфраструктурных ограничений, препятствующих внедрению инновационных технологий в хлебопекарной отрасли регионов России, с акцентом на институциональные, кадровые, ресурсные и логистические факторы.

Обзор литературы

Инфраструктурные ограничения внедрения инновационных технологий в хлебопекарной отрасли регионов России являются предметом внимания ряда исследователей, однако комплексный анализ этих барьеров с учетом региональной специфики остается недостаточно проработанным. О.Н. Бакетова в своей работе говорит о необходимости реструктуризации пищевой промышленности, в первую очередь ее подотраслей, связанных с первичной переработкой сельскохозяйственного сырья. Автор подчеркивают, что существует значительная региональная асимметрия в уровне развития пищевой промышленности на всей территории РФ, а также недоиспользованный потенциал пищевых производств по переработке сырья [1]. М.Г. Балыхин, М.М. Шайлиева и А.П. Цыпин в статье на тему «Статистическое исследование потребления хлеба и развития хлебопекарной отрасли России» проводят анализ потребления хлеба и развития всей хлебопекарной отрасли. Авторы выявляют снижение объемов производства и востребованности продукции, а также пространственные различия в потреблении хлеба в различных регионах России. Они подчеркивают необходимость построения эконометрической модели, отражающей влияние социально-экономических факторов на потребление хлеба и развитие отрасли [2].

М.Е. Рассудимов, Е.В. Красавина и В.А. Сологуб в статье «Оптимизация организационно-экономических механизмов в хлебопекарной отрасли на основе успешных практик региональной поддержки в России» рассматривают актуальную проблему оптимизации организационно-экономических механизмов в хлебопекарной отрасли России. Авторы анализируют успешные практики региональной поддержки, такие как стимулирование модернизации производства, развитие кооперации и интеграционных связей, внедрение инновационных технологий, расширение ассортимента и повышение качества продукции. Они подчеркивают значимость государственной поддержки и инвестиций в развитие отрасли [3]. Е.В. Сырвачева и Ф.З. Мичурина в статье «Современное состояние рынка хлебопечения России» оценивают значимость хлебопекарной отрасли для России, выявляют причины снижения объемов производства и повышения потребительских цен за последние годы. Авторы представляют основные тенденции на рынке хлебопечения, включая рост цен на сырье, логистические услуги, оборудование и электроэнергию, а также дефицит производственных кадров [4]. Н.Н. Калинин в своей работе анализирует современные тенденции в хлебопекарной промышленности, выделяя потенциальные проблемы и возможности развития. Особое внимание уделяется статистике потребления хлеба и хлебобулочных изделий в различных регионах России, что позволяет выявить региональные особенности и потребности [5].

А.Р. Кипарисова и Н.И. Голева в своей работе анализируют состояние и динамику развития хлебопекарной отрасли промышленности в России и в Рязанской области, отмечая проблемы, которые сдерживают развитие отрасли.

Особое внимание уделяется вопросам модернизации производственных мощностей и внедрению инновационных технологий [6]. В.В. Филатов и Т.А. Булавина рассматривают социально-экономические аспекты применения инновационных технологий в производстве хлебобулочных, макаронных и кондитерских изделий. Авторы анализируют инновационные технологии, разработанные в российских институтах и университетах, и подчеркивают необходимость государственной поддержки для стимулирования внедрения инноваций в производство [7]. В.В. Гаранина в статье «Основные тенденции развития хлебопекарной отрасли в современных условиях» раскрывает тенденции развития хлебопекарной отрасли, проводит оценку объемов производства хлеба и хлебобулочной продукции, а также предлагает пути решения проблем рынка хлебопекарной отрасли [8].

Таким образом, анализ научных источников показал, что, во-первых, инфраструктурные и институциональные барьеры, включая изношенность производственного оборудования, низкую обеспеченность сырьем и энергоресурсами, остаются ключевыми препятствиями внедрения инновационных решений в хлебопекарной отрасли регионов России. Во-вторых, отрасль демонстрирует признаки региональной асимметрии, в том числе в доступе к логистическим, кадровым и технологическим ресурсам, что требует пространственно-ориентированных решений. В-третьих, исследователи подчеркивают снижение объемов производства и потребления хлеба, вызванное изменениями в структуре спроса и ростом себестоимости продукции, при этом роль инновационных подходов зачастую рассматривается лишь фрагментарно. В-четвертых, успешные практики региональной поддержки, такие как субсидирование модернизации, развитие кооперации и внедрение цифровых решений, представляют собой перспективные направления политики, но нуждаются в систематизации и экономической оценке. И, в-пятых, большинство работ концентрируются на статистическом или технологическом аспекте, в то время как междисциплинарный подход, учитывающий экономическую эффективность инноваций в конкретных инфраструктурных условиях, проработан недостаточно.

Настоящее исследование восполняет обозначенные пробелы, предлагая комплексный анализ инфраструктурных ограничений внедрения инновационных технологий в хлебопекарной отрасли регионов России, с акцентом на институциональные, кадровые, ресурсные и логистические компоненты. Оно вносит вклад в развитие прикладных исследований, ориентированных на повышение инвестиционной и технологической привлекательности отрасли с учетом региональной специфики.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют современные научные подходы к анализу инфраструктурных ограничений внедрения инновационных технологий в хлебопекарной отрасли регионов России. В работе использованы отечественные публикации, статистические сборники, а

также нормативно-методические материалы, отражающие текущее состояние и динамику развития хлебопекарной отрасли.

Источниковая база настоящего исследования включает научные публикации, посвященные вопросам развития и модернизации хлебопекарной отрасли в различных регионах России [1–11]; отраслевые методические документы и нормативы, в том числе «Методические рекомендации по расчету производственной себестоимости хлебобулочных изделий» (Минсельхоз России, 2020) и «Сборник нормативных показателей по энерго- и сырьевой эффективности пищевых производств» (Союзпищепром, 2021); статистические данные Федеральной службы государственной статистики, аналитические материалы Минэкономразвития и региональных органов АПК, отражающие структуру издержек, производственные показатели, энергоемкость и себестоимость в сегменте хлебобулочных изделий.

Для достижения целей исследования применялись методы сравнительного анализа, экспертных оценок, факторного анализа, а также метод системного анализа. Комплекс методов обеспечил всесторонний анализ инфраструктурных ограничений, препятствующих внедрению инновационных технологий в хлебопекарной отрасли регионов России, с акцентом на институциональные, кадровые, ресурсные и логистические факторы.

Институциональные и организационные барьеры на уровне регионов

Одним из ключевых факторов, сдерживающих технологическое обновление хлебопекарной отрасли в регионах России, является отсутствие целостной и согласованной инновационной политики на уровне субъектов Российской Федерации. По данным публичной декларации Минпромторга России на 2023 год, только 38 из 89 регионов включили меры поддержки пищевой промышленности в свои региональные программы реализации Национальной технологической инициативы (НТИ) [12].

Данная ситуация обусловлена рядом институциональных и организационных факторов:

– низким уровнем координации между структурами агропромышленного комплекса и региональными технопарками;

– отсутствием устойчивых кластеров пищевой промышленности, способных аккумулировать технологические, кадровые и инвестиционные ресурсы;

– недостаточным уровнем субсидирования и грантовой поддержки малых и средних перерабатывающих предприятий (особенно в отдаленных и сельских территориях);

– ограниченными компетенциями региональных органов власти в вопросах технологического прогнозирования и поддержки критических производственных цепочек.

Инфраструктура региональных инновационных экосистем пока слабо адаптирована под потребности хлебопекарной отрасли. Это особенно выражено в регионах с высокой долей сельского населения, где

технологическая отсталость сочетается с ограниченным доступом к лизинговым программам, инжиниринговой поддержке и кадровым ресурсам (таблица 1).

Таблица 1

Наличие региональных мер поддержки инновационных технологий в пищевой отрасли по федеральным округам РФ (2023)

Федеральный округ	Число регионов с программами поддержки	Доля охваченных МСП (%)	Средний размер субсидии, млн руб.
Центральный	8 из 18	64	16,8
Приволжский	10 из 14	70	17,2
Сибирский	4 из 10	38	9,5
Дальневосточный	2 из 11	18	7,1
Северо-Западный	6 из 11	55	14,3
Южный	5 из 13	49	11,8

Источник: составлено авторами по данным Минпромторга РФ [12]

Таким образом, недостаточная институциональная проработанность инновационной политики на уровне субъектов РФ является системным барьером для внедрения передовых технологических решений, включая гидродинамическую кавитацию, в хлебопекарной отрасли.

Кадровые и образовательные ограничения

По данным мониторинга Минобрнауки РФ, в 2023 году менее 5% выпускников профильных колледжей и вузов трудоустроились в хлебопекарные и пищевые предприятия [13]. Основные причины включают низкий уровень заработной платы, отсутствие современной материально-технической базы на предприятиях, низкий престиж профессии и отсутствие программ карьерного роста. Как показывают исследования, регионы, ориентированные на развитие агропромышленного комплекса, в том числе и пищевой промышленности, сталкиваются с массовым оттоком молодых специалистов. Доля кадров старше 50 лет в некоторых субъектах уже превышает 40%, что критически влияет на способность отрасли к технологическим изменениям [14].

Кроме того, образовательные организации часто не имеют прочной связи с реальным сектором экономики. Анализ программ подготовки кадров в системе СПО и вузов показывает, что в учебных планах недостаточно внимания уделяется современным технологиям хлебопечения, в том числе автоматизированным системам управления, биотехнологиям, цифровому мониторингу качества и ресурсосберегающим методам. Как следствие, значительная часть выпускников оказывается не готова к работе в условиях технологически модернизированных производств (таблица 2).

Таблица 2

Уровень обеспеченности хлебопекарных предприятий региона квалифицированными кадрами (по выборке из 6 субъектов РФ, 2023)

Регион	Доля вакантных технологических позиций (%)	Средний возраст работников	Доля выпускников, трудоустроенных по специальности (%)
Курская область	28	47	6
Нижегородская область	34	50	4
Омская область	41	52	3
Пермский край	22	44	8
Ростовская область	36	49	5
Республика Татарстан	18	43	9

Источник: авторская обработка данных РЭиУ [14], Минобрнауки РФ [13]

Также значительную роль играет отсутствие мотивационных механизмов у работодателей: в большинстве случаев предприятия не участвуют в целевом обучении, не предлагают стипендии или гарантии трудоустройства. Таким образом, нарушена система «образование – производство – инновации», что подрывает устойчивость кадрового обеспечения отрасли. Исходя из вышесказанного, можно сказать, что кадровый кризис усиливает разрыв между технологическим потенциалом хлебопекарной отрасли и фактическими возможностями внедрения инноваций, особенно в малых и средних предприятиях регионального уровня.

Инфраструктура логистики и энергоснабжения

Одним из главных инфраструктурных ограничений остается энергетическая неэффективность предприятий. Согласно данным Росстата, средний уровень энергоемкости производства хлебобулочных изделий в 2023 году составил 230 кВт·ч/т, что на 12% выше уровня 2018 года (рисунок 1) [15].

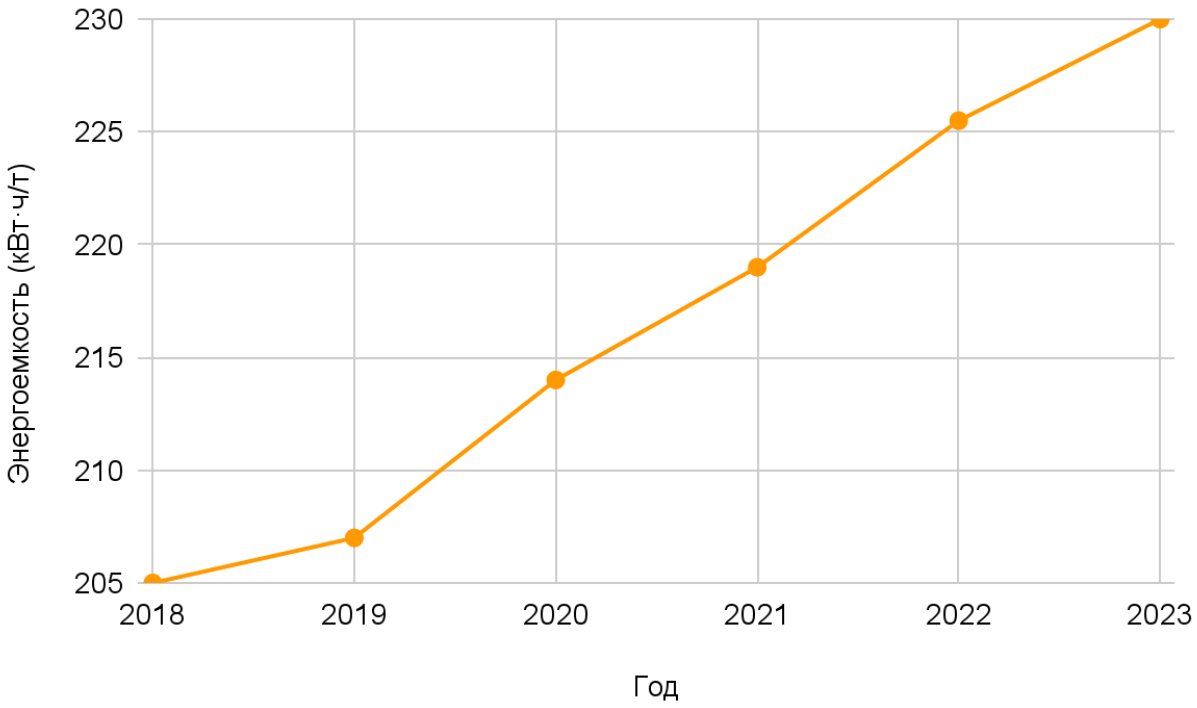


Рис. 1. Изменение уровня энергоемкости производства хлеба в РФ (2018-2023 гг., кВт·ч/т)

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата [15]

Это связано как с моральным и физическим износом оборудования (по разным оценкам, до 60% оборудования в отрасли эксплуатируется более 15 лет), так и с отсутствием модернизационных инвестиций в малых и средних предприятиях.

В регионах Сибири и Дальнего Востока дополнительно фиксируются:

– перебои с поставками сырья (особенно дрожжей и муки высшего сорта);

– логистическая изолированность и протяженность транспортных плеч, приводящая к удорожанию конечного продукта;

– высокая зависимость от импортных компонентов и оборудования, что делает отрасль уязвимой к валютным колебаниям и внешнеэкономическим ограничениям.

Исследование Л.Н. Корзуна и соавторы подчеркивает, что нестабильность поставок зерна, а также дефицит локальных мукомольных производств в ряде регионов (в первую очередь в центральной и северо-западной частях России) существенно ограничивает возможности внедрения инновационных решений в производство хлебобулочных изделий [16]. Кроме того, в условиях роста тарифов на электроэнергию, водоснабжение и транспортные услуги, особенно остро стоит вопрос энергоэффективности новых технологических линий. Наиболее уязвимыми в этом контексте являются предприятия удаленных и труднодоступных регионов, где доставка запасных частей и обслуживание оборудования значительно осложнены.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что инфраструктурные и ресурсные ограничения существенно снижают устойчивость хлебопекарной отрасли, особенно в части регионов с низкой плотностью логистических узлов и слабой промышленной кооперацией.

Региональная дифференциация инвестиционной привлекательности

Несмотря на общий спад в отрасли, некоторые регионы демонстрируют положительную динамику. В Белгородской и Липецкой областях реализуются проекты по модернизации хлебозаводов с использованием автоматизированных линий тестоприготовления, энергоэффективных печей и инновационных биотехнологий. Эти регионы выделяются активной позицией региональных властей, поддержкой со стороны фондов развития и привлечением частных инвестиций. В то же время другие субъекты РФ, в частности Омская область и Республика Бурятия, отстают по уровню технологического обновления, что связано с ограниченным доступом к инвестиционным ресурсам, кадровым дефицитом и недостаточной поддержкой на уровне региональных программ (таблица 3).

Таблица 3

Сравнительный анализ регионов по уровню технологической модернизации хлебопекарной отрасли

Регион	Обновление оборудования (%)	Снижение энергоемкости (%)	Выпуск функционального хлеба, тыс. т
Белгородская обл.	82	–18	12,5
Липецкая обл.	74	–15	9,1
Омская обл.	43	–5	3,2
Республика Бурятия	27	–2	1,4

Источник: составлено авторами на основе региональных отчетов о состоянии пищевой промышленности и материалов отраслевых конференций

Анализ таблицы показывает, что регионы с активной государственной и частной поддержкой демонстрируют значительно более высокие показатели обновления оборудования и снижения энергоемкости. Также наблюдается положительная корреляция между уровнем технологической модернизации и объемами выпуска функционального хлеба – продукции с высокой добавленной стоимостью, востребованной на рынке.

Таким образом, можно заключить, что:

– Инфраструктурные ограничения в хлебопекарной отрасли имеют институциональную, кадровую и ресурсную природу;

– отсутствие комплексного подхода к инновационной политике на региональном уровне тормозит распространение передовых технологий;

– внедрение энергоэффективных и ресурсосберегающих решений возможно только при наличии устойчивого кадрового и инвестиционного обеспечения;

– положительные примеры модернизации показывают значимость территориально адаптированных программ и синхронизации действий региональных властей, бизнеса и научных центров.

По мнению авторов, дальнейшее развитие хлебопекарной отрасли требует кластерного подхода, построенного на синергии между субъектами МСП, вузами и индустриальными партнерами в конкретных регионах.

Заключение

В процессе исследования авторами было выявлено, что внедрение инновационных технологий в хлебопекарной отрасли регионов России сталкивается с комплексом взаимосвязанных инфраструктурных ограничений институционального, кадрового, ресурсного и логистического характера.

Основные научные результаты могут быть сформулированы следующим образом:

1. На региональном уровне наблюдается недостаточная согласованность инновационной политики и слабая институциональная поддержка малых и средних предприятий хлебопекарного сегмента. По данным Минпромторга, лишь 43 % субъектов РФ реализуют целевые меры поддержки модернизации в пищевой отрасли.

2. Сохраняется острая проблема кадрового дефицита: менее 5 % выпускников профильных образовательных учреждений трудоустраиваются в отрасль, а доля работников старше 50 лет превышает 40 % в ряде регионов. Это снижает адаптивность производств к инновационным изменениям.

3. Физический износ оборудования, рост энергоемкости и логистическая изолированность особенно остро выражены в восточных регионах страны, что усугубляет неравномерность темпов технологического развития.

4. Выявлены существенные территориальные различия в инвестиционной привлекательности и темпах модернизации: регионы с синхронизированной политикой власти, бизнеса и науки (например, Белгородская и Липецкая области) демонстрируют лучшие показатели по снижению энергоемкости и выпуску функциональной продукции.

Таким образом, можно сказать, что без устранения ключевых инфраструктурных барьеров технологическое обновление хлебопекарной отрасли в регионах России будет оставаться точечным и неустойчивым. Развитие территориально адаптированных кластерных программ, усиление взаимодействия между образовательными учреждениями и производством, а также обеспечение энергетической и логистической доступности — представляют собой критически важные направления для стратегического планирования отрасли. Перспективы дальнейших исследований связаны с уточнением региональной типологии восприимчивости к инновациям, разработкой инструментов экономической оценки инфраструктурных

дефицитов, а также моделированием сценариев модернизации с учетом логистических, кадровых и ресурсных параметров.

Литература

1. Бакетова О.Н. Современные тенденции развития пищевой промышленности РФ: национальный и региональный аспекты // РЭиУ. 2016. № 4 (48). С. 59–68.
2. Балыхин М.Г., Шайлиева М.М., Цыпин А.П. Статистическое исследование потребления хлеба и развития хлебопекарной отрасли России // Продовольственная политика и безопасность. 2021. № 1 (8). С. 97–106.
3. Рассудимов М.Е., Красавина Е.В., Сологуб В.А. Оптимизация организационно-экономических механизмов в хлебопекарной отрасли на основе успешных практик региональной поддержки в России // Хлебопечение России. 2024. № 3 (68). С. 88–100.
4. Сырвачева Е.В., Мичурина Ф.З. Современное состояние рынка хлебопечения России // Universum: Экономика и юриспруденция. 2023. № 2 (101). С. 8–10.
5. Калинин Н.Н. Статистическое исследование потребления хлеба и хлебобулочных изделий в Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 5–1. С. 96–105.
6. Кипарисова А.Р., Голева Н.И. Состояние и развитие отрасли хлебопекарной промышленности в России и в Рязанской области // Современные технологии в науке и образовании. 2020. № 7. С. 107–112.
7. Филатов В.В., Булавина Т.А. Социально-экономические аспекты применения инновационных технологий в производстве хлебобулочных, макаронных и кондитерских изделий // Health, Food & Biotechnology. 2020. № 2. С. 75–91.
8. Гаранина В.В. Основные тенденции развития хлебопекарной отрасли в современных условиях // Молодой ученый. 2018. № 50 (236). С. 122–123.
9. Косован А.П. Инновации в хлебопекарной отрасли как фактор повышения конкурентоспособности хлебопекарных предприятий // Инновационные технологии производства и хранения материальных ценностей для государственных нужд. 2015. № 4 (4). С. 138–142.
10. Алов Ю.Ю., Шепелева Е. В. Оценка тенденций развития хлебопекарной отрасли России в условиях цифровизации // Социально-экономические процессы современного общества: теория и практика. 2021. С. 30–36.
11. Корзун Л.Н. Система государственного регулирования и ее роль в повышении эффективности развития хлебопекарной отрасли // Политика, экономика и инновации. 2016. № 5 (7).

12. Публичная декларация целей и задач Минпромторга России на 2023 год. URL: https://legalacts.ru/doc/publichnaja-deklaratsija-tselei-i-zadach-minpromtorga-rossii-na-2023/.

13. Минобрнауки России информирует о порядке предоставления данных по форме «Мониторинг по основным направлениям деятельности образовательной организации высшего образования за 2023 год. URL: https://fgosvo.ru/news/view/7988.

14. Денисова И.П., Охотина Т.А. Решение проблемы дефицита кадров региональной системы АПК России // РЭиУ. 2023. № 4 (76). doi:10.24412/1999-2645-2023-476-17.

15. Текущий и прогнозируемый рост объема производства ХБИ в Российской федерации. Разбираем причины роста и причины снижения тоннажа. URL: https://vatelmarketing.ru/articles/sales/tekushchiy-i-prognoziruemyy-rost-obema-proizvodstva-khbi-v-rf/.

16. Корзун Л.Н., Головин А.А., Пархомчук М.А. Проблемы обеспечения сырьём хлебопекарных предприятий региона // Вестник ОрелГИЭТ. 2014. № 2 (28). С. 135–138.

DOI: 10.54861/27131211_2025_6_62

ENERGY-EFFICIENT RESIDENTIAL HOUSING LOAN: ECONOMIC AND ENVIRONMENTAL IMPACTS AND CURRENT FINANCING SITUATION IN MONGOLIA

Gotov Otgonsuren
National University of Mongolian, School of business (NUM)

Author: Gotov Otgonsuren: otgonsuren.g@num.edu.mn
ORCID: https://orcid.org/0009-0003-1990-2135

Dorjpalam Oyuntsetseg
National University of Mongolian, School of business (NUM)

Corresponding author: Dorjpalam Oyuntsetseg: oyun_tsetseg@num.edu.mn
ORCID: https://orcid.org/0009-0009-0216-028X

Altantsetseg Monkhzul
National University of Mongolian,Computer Science, School of information Tehnology and Electronics (NUM)

Corresponding author: Altantsetseg Monkhzul: Munkhzul.a@num.edu.mn
ORCID: https://orcid.org/0009-0004-3408-8976

Monkh-Erdene Saikhanaa
National University of Mongolian, Khovd Branches (NUM)

Corresponding author: Monnkh-Erdene Saikhanaa:msaikhanaa11@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0009-0003-8555-5960

Highlights

- Energy-efficient housing in Mongolia significantly reduces energy use and greenhouse gas emissions while improving living standards.

– Residential loan volumes are positively correlated with nominal and real GDP, and with household energy consumption.

– Negative correlations are observed with unemployment and poverty levels, indicating their dampening effect on mortgage accessibility.

– Regression analysis reveals that selected macroeconomic indicators explain 97.2% of the variance in housing loan volumes.

– As of Q1 2025, green loans represent only 2.9% of total bank lending in Mongolia, far below the 10% target for 2030.

Abstract

Introduction: Energy-efficient residential housing plays a critical role in sustainable development, especially in countries with severe climates such as Mongolia. These buildings are designed to minimize energy consumption, improve indoor environmental quality, and reduce greenhouse gas emissions. Given that the global construction sector accounts for over 30% of energy use and a large share of emissions, transitioning to energy-efficient housing is crucial. Moreover, energy-efficient homes contribute directly to the achievement of several UN Sustainable Development Goals (SDGs), particularly Goal 7 (Affordable and Clean Energy), Goal 11 (Sustainable Cities and Communities), and Goal 13 (Climate Action). Despite its importance, the green housing sector in Mongolia faces significant financial and regulatory barriers that limit its growth and accessibility for low- and middle-income households.

Methods: The study employs panel data analysis to investigate the relationship between macroeconomic indicators and the volume of residential housing loans issued by Mongolian commercial banks from 2017 to 2023. Correlation and linear regression techniques were applied to assess the impact of selected SDG-aligned indicators, including nominal GDP (GDPn), real GDP (GDPr), unemployment rate (UnIm), poverty rate (Pover), household energy consumption (EnConH), and construction sector energy use (EnConB). Data sources include the Bank of Mongolia and the national statistical database. Excel was used to conduct the statistical analyses and build regression models.

Results: The correlation analysis revealed strong positive relationships between residential loan volumes and GDPn (0.96), GDPr (0.86), and household energy use (0.82). In contrast, unemployment and poverty rates showed negative correlations at –0.66 and –0.77, respectively. The regression analysis produced a high explanatory power: $R^2 = 0.972$ in Model 1. An improved Model 2, excluding weaker energy variables, achieved $R^2 = 0.96$ with lower standard error and higher statistical significance (F-statistic = 0.012). The final regression model is as follows: Loan Volume = 6495.5 + 0.043 × GDPn − 84.3 × UnIm + 234.2 × Pover. The coefficients

suggest that a 1 billion MNT increase in nominal GDP results in a 43 million MNT increase in loan volume, a 1% rise in unemployment reduces loans by 84.3 billion MNT, and a 1% increase in poverty rate corresponds to a decrease of 234.2 billion MNT in loan issuance.

***D**iscussion:* The findings confirm that Mongolia's residential mortgage market is highly sensitive to macroeconomic stability. Economic growth boosts demand and accessibility for housing loans, while unemployment and poverty act as suppressors. Despite progress in expanding the green finance sector, green loans remain marginal, accounting for only 2.9% of total bank lending as of Q1 2025. Moreover, 61.8% of these loans are allocated to enterprises, not households, revealing a mismatch between financing availability and residential needs. Barriers include stringent borrower eligibility requirements, insufficient affordable energy-efficient housing stock, and limited data to assess alignment with SDG targets. To address these challenges, the paper recommends expanding access to green housing finance through subsidized interest rates, standardizing certification procedures, streamlining regulatory requirements, and promoting multi-stakeholder partnerships. Future research should explore regional disparities in mortgage access, examine the influence of household income levels, and evaluate the long-term return on investment of green buildings to support evidence-based policymaking.

Keywords

Energy-efficient housing, green financing, Mongolia, sustainable development, green loans, energy efficiency, housing affordability, SDGs.

JEL classification: Q48, H81, G21.

For citation: Gotov O., Dorjpalam O., Altantsetseg M., Monkh-Erdene S. (2025). Energy-Efficient Residential Housing Loan: Economic and Environmental Impacts and Current Financing Situation in Mongolia. Progressive Economy. 6, 62–72. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_62.

The article was submitted to the editorial office: 05/11/2025. Approved after review: 06/09/2025. Accepted for publication: 06/12/2025.

Introduction

Energy-efficient residential housing refers to homes designed with advanced technologies to minimize energy consumption. These homes are environmentally friendly, reducing soil and air pollution. Mongolia's housing innovation center classifies energy-efficient buildings into categories such as passive houses and zero-

energy homes. Compared to conventional buildings, these homes consume significantly less electricity and other energy, with heating requirements below 70 kWh/m² per year.

Sustainable building encompasses environmental, economic, social, ecological, technical, and technological dimensions [1]. Green and sustainable buildings mitigate the negative impacts of construction on the environment, economy, and society [2]. They promote the use of natural resources, reduce pollutant emissions, recycle materials, ensure safety, and improve indoor environmental quality (IEQ) to lower greenhouse gas emissions. Some researchers define sustainable buildings as green structures capable of reducing emissions beyond conventional standards, even achieving net-zero levels [3]. Energy efficiency is a core concept in sustainable construction, covering green buildings, low-energy structures, and ultra-low-energy designs [4].

Energy efficiency is integral to green and sustainable buildings. Improving energy efficiency in existing and new constructions is a rapid solution to limit the sector's environmental, economic, and social impacts [5]. Sameer Assaf and Mutasim Nour found that implementing energy-saving strategies could reduce energy demand in new residential and commercial buildings by 38% [6]. Energy-efficient homes reduce wasteful energy consumption, greenhouse gas emissions, and reliance on non-renewable resources, fostering healthier living conditions. They also offer financial savings. Energy, as a vital natural resource, underpins national economic development. Efficient energy use is key to conservation, emission reduction, and economic growth [7].

World Bank researchers note that current mortgage loans often favor high-priced homes, which are unaffordable for many. They recommend offering discounted loans for energy-efficient, eco-friendly constructions to improve affordability [8]. Balancing energy efficiency with environmental protection and sustainable economic growth is a global challenge. A study on China's green credit and energy consumption (2007–2017) found that green financing positively influences energy efficiency. However, China's energy efficiency remained relatively low during this period, with provincial averages below [9].

Literature Review

L. Liu et al. examined the impact of China's green credit policies on corporate green productivity (2007–2020) using a double-difference model. They found that green credit guidelines significantly improved the green productivity of firms with limited financing and low capital efficiency. The study recommended standardizing

green credit systems and enhancing policy implementation to support corporate green development [10].

U.S. Bhutta, M. H. Malik and Z. Khan analyzed factors influencing green bond growth and their alignment with environmental, social, and governance (ESG) goals. They highlighted challenges in financing eco-friendly projects, issuer characteristics, and the uniqueness of green bonds. The study emphasized the importance of green finance for sustainable development and suggested improving the legal framework for green bonds [11]. Kai-Hua Wang et al. investigated the relationship between green finance and sustainable development globally using a bootstrap rolling-window Granger causality test. They found that green credit positively impacts sustainable development but noted temporal instability. The study recommended enhancing green finance classification standards, evaluation systems, and transparency to boost contributions to sustainable development [12].

Current State of Green Loans in Mongolia

Under the "National Roadmap for Sustainable Finance," Mongolia aims for green loans to comprise 10% of total bank loans by 2030. As of Q1 2025, green loans accounted for 2.9%, with a total balance of 1192.9 billion MNT, a 30.5% increase from the previous quarter. Energy-efficient housing loans dominated, making up 55% of green loans.

Table 1. Green Loan Distribution by Purpose (2025.Q1)

No.	Loan Purpose	Enterprise (billion MNT)	Citizens (billion MNT)	Total (billion MNT)
1	Renewable Energy	100.9	0.3	101.2
2	Low-Pollution Energy	0.5	0.1	0.6
3	Energy Efficiency	737.5	0.1	737.6
4	Green Buildings	26.4	3	29.4
5	Pollution Prevention	4.7	1.7	6.4
6	Sustainable Water/Waste Management	71.5	0.2	71.7
7	Sustainable Agriculture/Forestry	129.7	3.3	133
8	Low-Carbon Transport	55	58	113
	Total Green Loans	**1126.2**	**66.7**	**1192.9**

Source: Compiled by the researchers based on Bank of Mongolia data (2025)

The largest share of green loans (737.6 billion MNT, 61.8% of total) is allocated to Energy Efficiency projects, primarily for enterprises (737.5 billion MNT). This

reflects Mongolia's strong focus on reducing energy consumption in industries and infrastructure. Renewable Energy ranks second (101.2 billion MNT, 8.5% of total), with almost all funding directed to enterprises (100.9 billion MNT). This aligns with global trends toward clean energy transition. Funding sources for green loans: 64.45% international, 31.27% bank capital, 4.28% government funds. Despite progress, challenges remain, including high eligibility criteria, limited affordable energy-efficient housing, and insufficient data for evaluating SDG alignment.

Methodology and Findings

We aimed to identify the impact of sustainable development goals (SDGs) on the volume of residential housing loans issued by commercial banks from 2017 to 2023. For this purpose, we conducted a panel data analysis using correlation and linear regression methods.

From the SDG indicators, we selected the following for Mongolia:

- SDG8.4.1: Nominal GDP (GDP n), Real GDP (GDPr), Unemployment rate (UnIm),
- SDG1: Poverty rate (Pover),
- SDG7: Household energy consumption (EnConH) and construction sector energy consumption (EnConB) (in terajoules).

Most of these indicators are not regularly reported for Mongolia, and quantitative data availability is limited.

Table 2. Macroeconomic Indicators (2013–2023)

Year		GDP at Current Prices (million MNT)	GDP at 2015 Prices (million MNT)		Unemployment Rate (%)	Poverty Rate (%)		Household Energy Use	Construction Sector Energy Use
SDG Indicator		7.3.1	8.4.1		8.5.2	1.1.1			
2013	**Economic Indicators**	19,174,242.5	14,350,689.2	**Social Indicators**	7.9	27.4	**Energy Consumption**	90,146.1	6,382.8
2014		22,227,054.3	15,482,273.4		7.9	21.6		92,171.9	6,361.7
2015		22,894,780.9	22,894,780.9		7.5	21.6		90,146.1	6,382.8
2016		23,931,342.6	23,235,863.8		10	29.6		92,171.9	6,361.7
2017		28,010,710.6	24,545,640.7		8.8	29.6		90,912.1	5,691.1
2018		32,582,629.1	26,446,671.3		7.8	28.4		98,650.1	6,671.1
2019		37,839,225.4	27,928,278.4		10	28.4		107,317.2	7,452.5
2020		37,839,225.4	26,655,376.7		7	27.8		90,929.8	5,730.8
2021		43,555,484.4	27,091,663.8		8.1	27.8		114,998.8	7,085.3
2022		53,851,544.5	28,455,108.6		6.7	27.1		129,085.5	7,756.1
2023		68,871,741.6	30,453,508.6		6.7	27.1		129,085.5	7,756.1

Source: Compiled by the researchers based on www.1212.mn

To examine whether these macro-level indicators influence residential housing loan volumes, we performed correlation analysis on data from 2017 to 2023. The variables included:

Table 3. Key SDG indicators affecting residential loan volumes

Variable	Description	Unit
MLOB	Outstanding residential loans	Billion MNT
GDP n	Nominal GDP	Billion MNT
GDPr	Real GDP	Billion MNT
UnIm	Unemployment rate	Percentage
Pover	Poverty rate	Percentage
EnConH	Household energy consumption	Terajoule
EnConB	Construction energy consumption	Terajoule

Source: Compiled by the researchers

We used Excel for panel data analysis, including correlation and linear regression. The correlation results are summarized below:

Table 4. Correlation Analysis Results. Sample Period: 2017–2023

	GDP n	GDPr	UnIm	Pover	EnConH	EnConB
MLOB	0.96	0.86	-0.66	-0.77	0.82	0.65

Source: Compiled by the researchers

Key Findings from Correlation Analysis:

– Residential loan volumes (**MLOB**) showed a **strong positive correlation** with:
  – Nominal GDP (0.96)
  – Real GDP (0.86)
  – Household energy consumption (0.82).
– **Negative correlations** were observed with:
  – Unemployment rate (-0.66)
  – Poverty rate (-0.77).

To further analyze these relationships, we conducted a two-stage regression analysis.

Regression Analysis (Model 1):

– **R-squared: 0.97** (97.2% of loan volume variation explained by the selected indicators).

– Standard error: 157.1 (low margin of error).

– Excluded energy consumption due to weaker correlation in **Model 2**.

Improved Model (Model 2):

– **R-squared: 0.96** (96% explanation power).

– Standard error reduced to 148.

– F-statistic: 0.012 (improved significance after removing less relevant variables).

Regression Equation:

$$MLOB = 6495.5 + 0.043GDP\ n - 84.3UnIm + 234.2*Pover$$

Interpretation of Coefficients:

1. **GDP n (0.043)**: A 1-billion MNT increase in nominal GDP raises loan volumes by 43 million MNT, holding other factors constant.
2. **UnIm (-84.3)**: A 1% rise in unemployment reduces loans by 84.3 billion MNT.
3. **Pover (234.2)**: A 1% increase in poverty decreases loans by 234.2 billion MNT.

Conclusion

This study systematically examines the economic and environmental impacts of energy-efficient residential housing development in Mongolia, along with the current challenges in financing such green construction. Key findings and policy implications are summarized below:

1. Economic and Environmental Benefits of Energy-Efficient Housing

– Energy Savings: Energy-efficient buildings consume less than 70 kWh/m² annually for heating, achieving 30–40% greater efficiency compared to conventional structures.

– Environmental Impact: Reduces greenhouse gas emissions and air pollution, directly supporting Mongolia's commitments to SDGs 7 (Affordable and Clean Energy), 11 (Sustainable Cities), and 13 (Climate Action).

– Economic Efficiency: Lowers household utility costs, alleviating financial burdens for residents while promoting long-term energy independence.

2. Financing Challenges

– Limited Green Loan Penetration: Green loans account for only 2.9% of total bank loans (2025 Q1), far below the 2030 target of 10%.

- Concentration in Enterprises: 61.8% of green loans are allocated to businesses, with minimal focus on affordable housing for low-income citizens.
- Stringent Eligibility Criteria: High barriers, such as income requirements and certification standards, restrict access for marginalized groups.

3. Macroeconomic Drivers of Housing Loans

Correlation and regression analyses (2017–2023) reveal:

- Positive Correlations:
  - Nominal GDP (0.96) and Real GDP (0.86): Economic growth directly increases demand for housing loans.
  - Household Energy Consumption (0.82): Reflects demand for energy-saving technologies.
- Negative Correlations:
  - Unemployment (-0.66) and Poverty (-0.77): Higher rates reduce loan accessibility.
- Regression Equation:
  - Loan Volume=6495.5+0.043×GDPn−84.3×Unemployment+234.2×PovertyLoan Volume=6495.5+0.043×GDPn −84.3×Unemployment+234.2×Poverty
- GDP Growth: A 1-billion MNT increase in GDP raises loans by 43 million MNT.
- Unemployment: A 1% rise decreases loans by 84.3 billion MNT.

4. Policy Recommendations

- Expand Green Financing Accessibility: Introduce subsidized interest rates, public-private partnerships, and technical assistance for low-income households.
- Regulatory Improvements: Standardize green building certifications and streamline loan approval processes.
- Data Transparency: Establish SDG-aligned monitoring systems to track progress.
- Multi-Stakeholder Collaboration: Foster cooperation among government, banks, and construction firms to scale investments.

5. Future Research Directions

- Investigate regional disparities in loan accessibility and household income impacts.
- Assess long-term ROI of energy-efficient buildings to justify policy incentives.

Final Remarks

Mongolia can simultaneously achieve environmental sustainability, economic growth, and social equity by prioritizing energy-efficient housing. Overcoming financing barriers requires targeted policies, robust data systems, and cross-sector collaboration. Further research and pilot projects are critical to refining strategies and ensuring alignment with global sustainability benchmarks.

References

1. Wang X., Ramakrishnan S. (2021). Environmental sustainability in building design and construction. Springer Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-76231-5.

2. Petunkin S. P., Nikulina I. E. (2024). Managing Organizational Environmental Sustainability in the Context of the Green Economy. Progressive Economy, (11), 116–128. DOI: 10.54861/27131211_2024_11_116.

3. Pan T., Lin B. (2025). Impact of green credit policy on energy efficiency: Empirical evidence from heavily polluting enterprises. *Technological Forecasting and Social Change, 212*, 123983. DOI: https://doi.org/10.1016/j.techfore.2025.123983.

4. World Bank. (2024). Mongolia Affordable Housing Finance Project. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099120524125074017/pdf/P178812-21da1361-3b7c-4050-8065-2e6ec48ffe7e.pdf.

5. Assaf S., Nour M. (2020). Strategies for reducing energy consumption. *International Journal of Sustainable Built Environment.*82, 100–107. DOI: https://doi.org/10.1016/j.renene.2014.08.018.

6. Miao Z., Zhang T., Li H. (2019). Efficient energy use and national development. *Energy Economics*, 83, 501–514.

7. Ministry of Family, Labor, and Social Protection. (2024). Housing Loan Affordability Report. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-09/WSPR_2024_EN_WEB_1.pdf.

8. Petunkin S. P., Nikulina I. E. (2024). Managing organizational environmental sustainability in the context of the green economy. Progressive Economy, (11), 116–128. DOI: https://doi.org/10.54861/27131211_2024_11_116.

9. Liu L, Liu Y, Zhang M, Zhou X, Huang J. How Does Green Credit Affect Corporate Green Investment Efficiency? A Test Based on Listed Corporations in China's Heavy Pollution Industry. *Sustainability.* 2025; 17(8):3712. DOI: https://doi.org/10.3390/su17083712.

10. Bhutta U.S., Malik M. H., Khan Z. (2022). Green Bonds and ESG Goals: An Empirical Review. *Open Access Research Journal of Science and* Technology, 11(2), 064–073. DOI: 10.53022/oarjst.2024.11.2.0094.

11. Wang K.-H., Li J., Xu, L. (2022). Green finance and sustainable development: A global perspective. Sustainability. 75, 412–426. DOI: 10.1016/j.eap.2022.06.002.

12. National Statistics Office of Mongolia. (2023). Official Statistical Database. URL: https://www.1212.mn.

13. Ministry of Finance of Mongolia. (2016). Regulation on classification and criteria of business entities under the accounting law (Order No. 41). Legal Information System of Mongolia. URL: https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=11809.

14. Möller K., Gamerschlag R., Guenther, F. (2011). Determinants and effects of human capital reporting and controlling. *Journal of Management Control,* 22(3), 311–333.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/metodologiya-oczenki-zavisimosti-soczialno-ekonomicheskogo-razvitiya-ot-transportnoj-infrastruktury-regiona/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 338.4
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_73



МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ЗАВИСИМОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОТ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА

Васильев В.Е., *аспирант, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, главный специалист департамента прогнозирования и развития реального сектора экономики Министерства экономики Республики Саха (Якутия), г. Якутск, Россия*

Аннотация. Регионы богатые природными ресурсами в России как правило удалены от центров переработки добытого в них сырья. Слабо развитая транспортная инфраструктура выступает сдерживающим фактором развития таких территорий. В этой связи, возникает необходимость разработки оценки зависимости социально-экономического развития от транспортной инфраструктуры. Целью статьи является разработка методологии оценки влияния транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов на примере г. Магадан на основе применения методов корреляционного анализа. В качестве материалов исследования использованы статистические данные за 2010-2023 годы, включающие экономические, демографические и транспортные показатели. В работе применены методы анализа, синтеза, корреляционного анализа и математического моделирования. Содержание работы охватывает теоретический анализ взаимосвязи транспортной инфраструктуры и социально-экономическим развитием региона. Практическая апробация предложенного методического подхода осуществлена на эмпирических данных г. Магадан. Полученные результаты демонстрируют наличие сильной корреляционной связи (0,85-0,96) между показателями грузоперевозок и экономического развития, в то время как зависимость от пассажиропотока оказалась минимальной (0,02-0,29). Выводы исследования обуславливают необходимость развития транспортной системы, ориентированной на грузоперевозки, в частности, обосновывают целесообразность строительства железной дороги Нижний Бестях - Магадан. Научная новизна исследования заключается в разработке комплексного подхода к оценке влияния транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов, адаптированного к специфике Крайнего Севера, в частности Магаданской области. Основной вклад исследования заключается в применении различных компонентов (показателей) в разрезе таких групп как экономические, демографические и компонентов транспортной инфраструктуры, частично представленных в научной среде.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, экономика территории, корреляционный анализ, демография территории, методы оценки, экономическая эффективность.

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE DEPENDENCE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT ON THE TRANSPORT INFRASTRUCTURE OF THE REGION

Vasilyev V.E., *Postgraduate Student, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov; Chief Specialist of the Department of Forecasting and Real Sector Development, Ministry of Economy of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia*

Abstract. Regions rich in natural resources in Russia are usually far from the processing centers of the raw materials extracted in them. Poorly developed transport infrastructure acts as a deterrent to the development of such territories. In this regard, there is a need to develop an assessment of the dependence of socio-economic development on transport infrastructure. The purpose of the article is to develop a methodology for assessing the impact of transport infrastructure on the socio-economic development of regions using the example of Magadan based on the use of correlation analysis methods. Statistical data for 2010-2023, including economic, demographic and transport indicators, were used as research materials. The methods of analysis, synthesis, correlation analysis and mathematical modeling are used in the work. The content of the paper covers a theoretical analysis of the relationship between transport infrastructure and the socio-economic development of the region. The practical approbation of the proposed methodological approach was carried out on the basis of empirical data from the city of Magadan. The results obtained demonstrate the presence of a strong correlation (0.85-0.96) between the indicators of freight transportation and economic development, while the dependence on passenger traffic turned out to be minimal (0.02-0.29). The conclusions of the study necessitate the development of a freight-oriented transport system, in particular, substantiate the feasibility of building the Nizhny Bestyakh-Magadan railway. The scientific novelty of the research lies in the development of an integrated approach to assessing the impact of transport infrastructure on the socio-economic development of regions, adapted to the specifics of the Far North, in particular the Magadan region. The main contribution of the research is the application of various components (indicators) in the context of such groups as economic, demographic and transport infrastructure components, partially represented in the scientific community.

Keywords: transport infrastructure, economy of the territory, correlation analysis, demography of the territory, assessment methods, economic efficiency.

JEL classification: R1, L30, O18.

Для цитирования: Васильев В.Е. Методология оценки зависимости социально-экономического развития от транспортной инфраструктуры региона // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 73–84. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_73.

Статья поступила в редакцию: 01.06.2025 г. Одобрена после рецензирования: 10.06.2025 г. Принята к публикации: 11.06.2025 г.

For citation: Vasilyev V.E. Methodology for assessing the dependence of socio-economic development on the transport infrastructure of the region // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 73–84. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_73.

The article was submitted to the editorial office: 01/06/2025. Approved after review: 10/06/2025. Accepted for publication: 11/06/2025.

Введение

Социально-экономическое развитие регионов в России во многом зависит от развитой транспортной инфраструктуры. Реализация данной задачи объясняется рядом факторов. Во-первых, совершенствование транспортной инфраструктуры и развитость дорожной сети способствует доступности населения до потребительских рынков и предприятий до рынков сбыта. Во-вторых, совершенствование транспортной инфраструктуры ведет к увеличению эффективности процесса производства в результате сокращения затрат на транспортировку и логистику. Косвенно улучшение транспортной инфраструктуры стимулирует прогресс оказания социальных услуг населению, повышение уровня занятости населения, росту доходов и благополучия.

Таким образом, теоретическая значимость вопроса о развитии транспортной инфраструктуры и ее прямого и косвенного влияния на социально-экономическое развитие отдаленных регионов России обусловлена тем, что совершенствование дорожной сети повышает доступ к регионам богатым природными ресурсами, стимулирует производственную активность в сфере добычи природных ресурсов, способствует развитию туристической отрасли и инвестиционную привлекательность. В этой связи, сферами влияния развития транспортной инфраструктуры выступают экономическая и демографические.

Сетевое взаимодействие транспортных узлов создает единую экономическую зону региона, обеспечивая жителям удобство перемещения и стабильные условия для передвижения пассажиров по всей территории. Так как транспортная ограниченность выступает сдерживающим фактором развития территорий, что ставит из в неравные конкурентные преимущества перед другими регионами. Строительство дорог, наземных, железнодорожных всегда связано со значительным привлечением бюджетных ресурсов, что требует детального расчёта необходимых финансовых ресурсов и целесообразности их вложения через оценку перспектив развития отдаленных территорий, которая выражается в росте ВРП. В этой связи необходимо проводить расчет целесообразности строительства дорог на основе оценки потенциала развития таких регионов.

Целью исследования является разработка методологии оценки зависимости социально-экономического развития от транспортной инфраструктуры территорий. Для достижения поставленной цели сформированы задачи: провести обзор методов оценки экономической эффективности развития транспортной инфраструктуры и их влияния на развитие территорий; разработать применения методов оценки эффективности социально-экономического развития от транспортной инфраструктуры региона; провести апробацию предложенного метода на примере г. Магадан.

В рамках проведенного исследования применены методы анализа, синтеза, корреляционного анализа, математического моделирования. Информационной базой исследования послужили материалы годовых отчетов г. Магадан.

Обзор литературы

Теоретические вопросы инфраструктурного развития регионов и их влияния на социально-экономическое развитие представлены в трудах таких авторов как Л.С. Архипова, И.В. Горохова [1]. Авторы рассмотрели наиболее подробно влияние инфраструктуры на региональную экономическую безопасность и значимости для регионов инвестиций в основной капитал, а также на основе анализа выделенных индикаторов определены основные позитивные и негативные причины развития реального сектора экономики. Н.И. Курицина [2] определила в своих публикациях основные направления транспортной инфраструктуры региона как необходимого условия для развития предпринимательства и экономики региона в целом, делая акцент на развитии транспортных коммуникаций, стимулирующих развитие торговых связей и повышение конкуренции между странами и экономическими зонами. Автор отмечает, что развитие транспортной инфраструктуры как правило сопровождается экономическим ростом, что ведет к увеличению числа рабочих мест и повышению уровня зарплат.

Существенный вклад в исследование транспортной инфраструктуры и ее развития внесли такие ученые как Н.И. Курицына [2], В.В. Ющенко [3], С.Г. Пьянкова [4], М.Р. Плешаков [5] предложив использование современных методов и механизмов для оценки повышения эффективности транспортной инфраструктуры. Представленные Авторами идеи по улучшению железнодорожных грузовых перевозок в Мурманской области через модернизацию подвижного состава и контейнерных перевозок обладают научной оригинальностью, учитывая необходимость увеличения экономичности и обновления инфраструктуры данной транспортной сети. Авторы отметили, что для достижения высоких экономических результатов предприятий по добыче и переработке минеральных ресурсов критически важно обеспечить функционирование оптимальной транспортной инфраструктуры, которая также нуждается в самостоятельном развитии.

Также исследования транспортной инфраструктуры и ее влияния на экономику региона представили в своих публикациях М.Р. Плешакова [4], В.В. Ющенко [3]. Авторы уделили особое внимание использование элементов цифровизации в формировании транспортной инфраструктуры, разработки мониторинга прохождения транспортных средств по дорожной сети, интенсивность и транспортной нагрузки.

Исследование взаимосвязей региональной экономики и транспортной инфраструктуры представлены в работах И.И. Афанасьевой [6], С. Ван [7], К.А. Митрюкова [8], которые уделили внимание в своих публикациях созданию концептуальной базы для управленческого планирования во время обновления транспортной инфраструктуры через инициативное управление элементами сети с проведением целевых процедур изменений её компонентов.

Авторы уделили внимание созданию концептуальной базы для разработки управленческих стратегий во время обновления транспортной инфраструктуры через инициативное управление элементами сети, включающее целевые процессы перестройки её компонентов.

Применение экономических показателей в оценке зависимости социально-экономического развития от транспортной инфраструктуры региона предложены О.А. Давыдовой [9], Н.В. Капустиной [10], А.Ю. Людней [11], где одним из показателей выступает число создаваемых хозяйствующих субъектов и рост ВРП в регионе. Демографические факторы в оценке эффективности развития транспортной инфраструктуры представлены С.П. Вакуленко [12] и Н.Ю. Сандаковой [13]. Анализ показал, что представленных показателей в разрезе экономических и демографических компонентов недостаточно, поэтому возникает необходимость дополнительной их разработки при использовании метода экспертной оценки и ранжирования по степени важности в оценке влияния на них транспортной инфраструктуры.

Материалы и методы

В исследовании использованы статистические данные социально-экономического развития г. Магадана за период с 2010 по 2023 год. В качестве источника данных взяты данные Министерства экономического развития, инвестиционной политики и инноваций Магаданской области и Федеральной службы государственной статистики. Для минимизации погрешностей проведена перекрестная верификация показателей с использованием открытых данных Минтранса РФ. Сильные отклонения (например, аномальные значения грузоперевозок в 2021 году) исключены методом межквартильного размаха.

Для анализа были использованы три группы показателей – экономические, демографические и инфраструктурные – которые были отобраны на основе экспертной оценки, проведенной сотрудниками Министерства экономического развития, инвестиционной политики и инноваций Магаданской области и Министерства экономики Республики Саха (Якутия). Данный подход позволяет учитывать региональные особенности и потребности в инфраструктурном развитии. Полученные результаты имеют практическое значение для обоснования инфраструктурных проектов, в частности строительства железнодорожной линии Нижний Бестях - Магадан.

Исследование базируется на методологии, включающей анализ и синтез, а также корреляционный анализ с использованием шкалы Чеддока, экспертную оценку значимости показателей с привлечением профильных специалистов, а также программную реализацию алгоритма в среде RStudio и его автоматизацию в информационной системе «Ситуационный центр Главы Республики Саха (Якутия)».

Результаты и обсуждение

При строительстве дорожной инфраструктуры необходимо оценивать целесообразность строительства дорог: железнодорожных, наземных, водных и т.д., так как это требует значительного привлечения финансовых ресурсов [7]. В этой связи следует проводить оценку экономического развития

территорий, демографическую динамику, перспективы развития в результате строительства дорог.

В настоящее время значимость транспортных инфраструктуры для экономической сферы по-прежнему остается высокой [8]. В эпоху усиления международной конкуренции и глобального взаимодействия высококачественные транспортные инфраструктуры становятся неотъемлемым фактором для успешного привлечения капиталовложений и поддержания стабильного развития экономики [9]. Развитие транспортной инфраструктуры выступает основой для работы множества сфер – от экономики до социальной сферы и обороны, делая её уровень развития ключевым фактором национальной конкуренции [10].

Исследование научных публикаций выявило дефицит универсальных методов и подходов к оценке эффективности влияния транспортной инфраструктуры на развитие территорий, которые бы учитывали влияние текущего уровня и перспектив роста на экономическое и демографическое благополучие территорий. Несмотря на преимущества предложенных в научных работах методик, включая их легкость использования и быстрое получение данных высокой точности, они обладают рядом ограничений, таких как неполнота описаний, применение узкоспециализированных параметров оценки и отсутствие комплексности подходов. В связи с чем, предлагается применение метода корреляционного анализа, который помогает выявить взаимосвязь показателей и сформулировать регрессионные формулы, служащие основой для анализа воздействия транспортной инфраструктуры на экономическое благополучие области.

В рамках применения метода корреляционного анализа предлагаются показатели целесообразности и эффективности строительства дорожной инфраструктуры рассматривать в разрезе трех основных групп: экономические, демографические и инфраструктурные. Отбор показателей осуществлялся на основе экспертной оценки при участии специалистов Министерства экономики Республики Саха (Якутия) и Министерства экономического развития, инвестиционной политики и инноваций Магаданской области. Экспертам предложено провести отбор показателей в каждую предложенную группу путём их ранжирования от 1 до 10. Соответственно, 1 балл низкий уровень притязания, 10 баллов высокий уровень притязания. Представим перечень показателей в разрезе каждой группы в таблице 1.

Таблица 1

Показатели целесообразности и эффективности строительства дорожной инфраструктуры

Наименование группы	Показатели группы	Условное обозначение
Экономические	Объем товаров производимого средним и крупным бизнесом, млн. руб.	$Э_1$
	Число промышленных предприятий, ед.	$Э_2$
	Валовый региональный продукт, млн. руб.	$Э_3$
Демографические	Среднегодовая численность работников организаций, тыс. чел.	$Д_1$
	Число родившихся, чел.	$Д_2$
	Миграционный прирост, чел.	$Д_3$
Транспортные	Объем переработанных грузов морским торговым портом, тыс. т	$И_1$
	Грузооборот автомобильного транспорта, млн. тонно-км	$И_2$
	Объем пассажирских перевозок, млн. пасс-км	$И_3$
	Объем грузовых перевозок автомобильным транспортом, тыс. т	$И_4$

Источник: составлено автором

На первом этапе следует оценить наличие разного вида транспортной инфраструктуры в регионе, протяженность дорог их качественные и количественные характеристики, затем провести оценку экономического развития региона, оценить перспективы развития, отраженные в стратегических документах. Автором предлагается алгоритм применения методов оценки эффективности социально-экономического развития от транспортной инфраструктуры региона (рисунок 1).

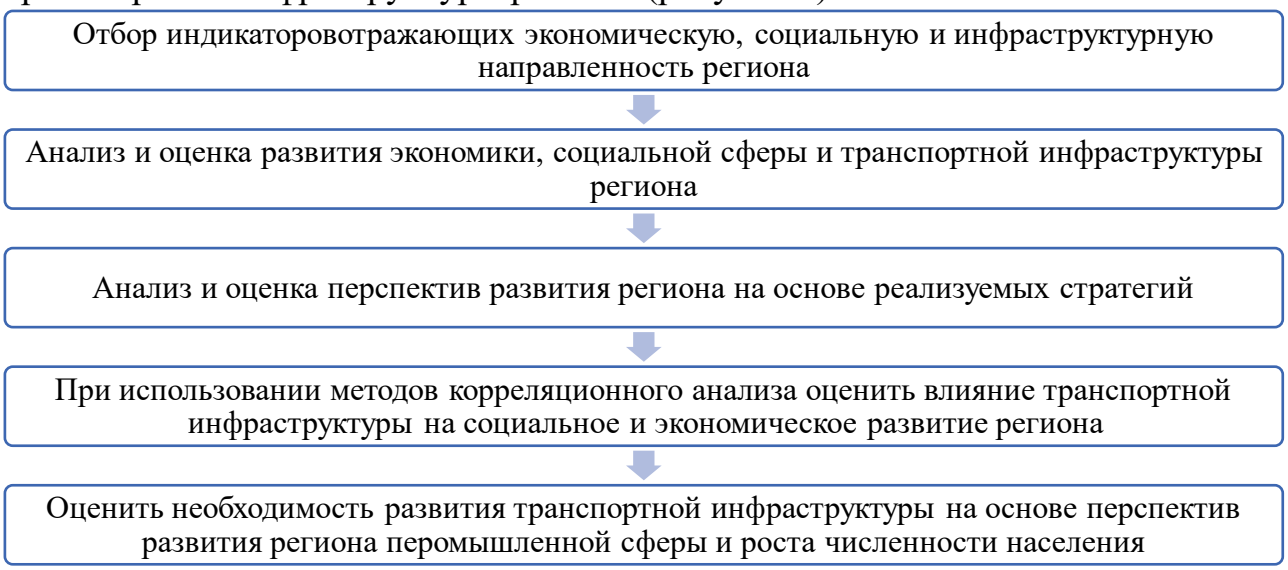


Рис. 1. Алгоритм применения методов оценки эффективности социально-экономического развития от транспортной инфраструктуры региона

Источник: составлено автором

Автором в рамках работы в Министерстве экономики Республики Саха (Якутия) был разработан алгоритм оценки влияния транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие региона в среде RStudio. Предложенный алгоритм оценки влияния транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие региона автоматизирован в закрытой информационно-аналитической системе "Ситуационный центр Главы Республики Саха (Якутия)" [14].

Магадан составляет опорную сеть транспортно-логистической инфраструктуры северного завоза. В настоящее время Магадан отличается высоким уровнем транспортной изолированности ввиду того, что основным транспортным сообщением выступают аэропорт Магадан (Сокол), морской и речной транспорт. Ввиду отсутствия железнодорожного сообщения регион остается частично изолированным от регионов, выступающих рынком сбыта продукции Магадана. В таблице 2 представлены основные показатели за 2019-2023 гг. в разрезе выделенных групп таблицы 1.

Таблица 2

Показатели групп «Экономические», «Демографические» и «Транспортные» г. Магадан за 2019–2023 гг.

Наименование группы	Показа-тели	2019	2020	2021	2022	2023
Экономические	$Э_1$	100805,1	107338,1	132811,8	142006,7	144328,7
	$Э_2$	457	509	512	530	572
	$Э_3$	2628,3	2847,2	3213,9	3686,1	3463,5
Демографические	$Д_1$	39,1	39,3	40,9	43,1	43,2
	$Д_2$	913	939	939	881	814
	$Д_3$	336	-76	-102	-613	-433
Транспортные	$И_1$	8995,3	9903,7	11527,6	11376	10882
	$И_2$	83,0	67,7	101,4	116,1	151,8
	$И_3$	5823,1	4025,4	5118,0	5078,4	5106,5
	$И_4$	863,4	1161,6	1093,4	1648,9	1672,2

Источник: составлено автором

На основе полученных данных в таблице 2 на следующем этапе исследования проводится оценка тесноты связи показателей транспортных и экономических, транспортных и демографических при использовании метода корреляционного анализа, который является статистическим методом для оценки зависимости между несколькими переменными В эмпирических исследованиях роль случайных параметров выполняют числовые характеристики свойств изучаемых наблюдаемых объектов. Теснота связи определена на основе шкалы Чеддокка. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 3 и 4.

В рамках анализа были рассчитаны p-value между транспортными, экономическими и демографическими показателями:

– p-value равно 0,027 между объемом переработанных грузов в морском торговом порту (И1) и числом промышленных предприятий (Э2);

– p-value равно 0,015 между грузооборотом автотранспорта (И2) и среднегодовой численностью работников организаций (Д1);

– p-value равно 0,009 между объемом грузоперевозок (И4) и миграционным приростом (Д3).

Корреляции между объемом пассажирских перевозок (И3) и экономическими, а также демографическими показателями не показали статистической значимости (p-value больше 0,05).

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа показателей групп «Экономические» и «Транспортные»

	Э1	*Э2*	*Э3*	*И1*	*И2*	*И3*	*И4*
Э1	1	-	-	-	-	-	-
Э2	0,850884	1	-	-	-	-	-
	высокая						
Э3	0,962756	0,802354	1	-	-	-	-
	весьма высокая	высокая					
И1	0,895559	0,690017	0,871245	1	-	-	-
	Высокая	заметная	высокая				
И2	0,866183	0,809607	0,769917	0,572804	1	-	-
	Высокая	высокая	высокая	заметная			
И3	0,029801	-0,32955	-0,04845	-0,15704	0,285954	1	-
	Слабая	слабая	слабая	слабая	слабая		
И4	0,852385	0,897888	0,904551	0,638015	0,792656	-0,19563	1
	Высокая	высокая	весьма высокая	заметная	высокая	слабая	

Источник: составлено автором

Данные таблицы 3 свидетельствуют о слабой связи показателей группы «экономические» с объемом пассажирских перевозок, что позволяет сделать вывод, что на пассажирские перевозки в меньшей степени оказывают влияние на развитие экономики Магадана.

Данные таблицы 4 позволяют сделать вывод, что демографические показатели имеют слабую связь с объемом пассажироперевозок. Данный факт следует рассматривать как высокую зависимость экономики Магадана от развития транспортной инфраструктуры, направленной на перевозку грузов. Тем самым эффективность строительства железной дороги Нижний Бестях – Магадан может быть оправдана в результате наращивания объемов промышленного производства товаров и продажи их в регионы России и Китая.

Таблица 4

Результаты корреляционного анализа показателей групп «Демографические» и «Транспортные»

	Д1	*Д2*	*Д3*	*И1*	*И2*	*И3*	*И4*
Д1	1	-	-	-	-	-	-
Д2	-0,77843	1	-	-	-	-	-
	высокая						
Д3	-0,90894	0,57333	1	-	-	-	-
	весьма высокая	заметная					
И1	0,75812	-0,23112	-0,78885	1	-	-	-
	высокая	слабая	высокая				
И2	0,905885	-0,90527	-0,67867	0,572804	1	-	-
	весьма высокая	весьма высокая	заметная	заметная			
И3	0,090673	-0,24493	0,288504	-0,15704	0,285954	1	-
	слабая	слабая	слабая	слабая	слабая		
И4	0,933021	-0,77455	- 0,95738	0,638015	0,792656	-0,19563	1
	весьма высокая	высокая	весьма высокая	заметная	высокая	слабая	

Источник: составлено автором

Итак, разработанный метод оценки влияния транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов на основе корреляционного анализа и экспертных оценок продемонстрировала свою применимость на примере г. Магадана. Результаты, полученные в ходе исследования, подтвердили существенную взаимосвязь между развитием транспортной инфраструктуры, ориентированной на грузоперевозки, и социально-экономическим ростом [15; 16]. Выявленные взаимосвязи между показателями грузооборота и экономическими показателями подчеркивают необходимость грузовой транспортной сети, что, в свою очередь, обосновывает целесообразность реализации инфраструктурных проектов, таких как строительство железнодорожной линии Нижний Бестях – Магадан.

Заключение

Исследование внесло вклад в развитие методологии оценки эффективности инфраструктурных проектов и может служить основой для принятия управленческих решений для развития восточных регионов России, характеризующихся удаленностью и зависимостью от транспортной доступности. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением перечня рассматриваемых факторов, включением динамических моделей для прогнозирования долгосрочных эффектов. Полученные результаты могут быть использованы для разработки стратегических проектов и государственных программ развития инфраструктуры, направленных на повышение социально-экономического положения регионов.

Литература

1. Архипова Л.С., Горохова И.В. Уровень экономической безопасности реального сектора экономики в приграничных регионах России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2023. № 4 (76). URL: https://eee-region.ru/article/7615/.

2. Курицына Н.И. Направления развития транспортной инфраструктуры региона как необходимого условия развития предпринимательства // Вестник Национальной академии туризма. 2018. № 1 (45). С. 76–78.

3. Ющенко В.В., Храпов В.Е., Турчанинова Т.В. Снижение транспортных расходов комбинированных перевозок грузов в вагонах и контейнерах в Арктических регионах России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 3 (69). С. 88–97.

4. Пьянкова С.Г., Заколюкина Е.С. Факторы повышения эффективности цифровой транспортной инфраструктуры региона // Уфимский гуманитарный научный форум. 2022. № 4 (12). С. 106–115.

5. Плешаков М.Р. Транспортная инфраструктура и экономика региона / В сборнике: Современное состояние, проблемы и перспективы развития отраслевой науки. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. 2019. С. 108–110.

6. Афанасьева И.И., Третьяченко Т.В. Анализ проблем функционирования транспортной инфраструктуры мировой экономики // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2019. № 3 (67). С. 14–20.

7. Ван С. Сотрудничество северо-востока Китая и дальнего востока России: стратегические инициативы, проблемы и перспективы //Экономическое развитие России. 2024. Т. 31. № 12. С. 4–9.

8. Митрюкова К.А. Влияние транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов: практическая значимость и научные разногласия // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 7. С. 2399–2412.

9. Давыдова О.А. Прогноз развития социально-экономического региона с учетом качества транспортной инфраструктуры (на примере г. Москвы) // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17. № 9. С. 1723–1736.

10. Капустина Н. В. Влияние транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие сельской местности // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № s5. URL: https://esj.today/PDF/15FAVN523.pdf.

11. Ледней, А.Ю. Методы оценки экономической эффективности инфраструктурных проектов на транспорте // Экономика железных дорог. 2019. № 9. С.14–24.

12. Вакуленко, С.П. Факторы, определяющие условия развития логистики пассажирских перевозок // Соискатель Приложение к журналу «Мир транспорта». 2015. № 1. С. 95–101

13. Сандакова, Н.Ю. Исследование факторов, влияющих на развитие транспортной инфраструктуры региона // Инфраструктурные отрасли экономики: Проблемы и перспективы развития. 2014. № 6. С. 21–26

14. Васильев В.Е., Набережная А.Т. Автоматизация процесса разработки прогноза социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) для целей стратегического планирования // Экономика Востока России. 2024. № 1(16). С. 45–53.

15. Коломак Е.А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 4. С. 85–106.

16. Петроневич М. В. Влияние модернизации сети федеральных автодорог на рост отдельных макроэкономических показателей // Экономический журнал ВШЭ. 2009. № 2. С. 295–323.

DOI: 10.54861/27131211_2025_6_85

STUDY OF PROPERTY RIGHTS AS A LEGAL MECHANISM OF ECONOMIC REGULATION

Krylova Elena Vladimirovna
Ph.D in Economics, Associate Professor, Associate Professor, Department of Innovation Management and Project Management, Vologda State University, Vologda, Russia.

Author: Krylova Elena Vladimirovna.: krylovaev@vogu35.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4492-5542

Petrakova Svetlana Anatolevna
Ph.D in Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Jurisprudence, Vologda State University, Vologda, Russia.

Corresponding author: Petrakova Svetlana Anatolevna.: petrakovasa@vogu35.ru

Highlights

- The article explores property rights as a legal mechanism of economic regulation from both legal and economic perspectives.
- A model of the mechanism for implementing property rights is proposed, including laws, institutions, and organizations ensuring legal protection and economic effectiveness.
- The study includes an analysis of the long-term dynamics of the Property Rights Protection Index in Russia (1995–2024), showing a strong correlation between legal stability and the effectiveness of property rights.
- Periods of rising index values coincide with strengthened rule-of-law governance, while declines are associated with politicization and nationalization trends.
- The findings confirm that property rights function as an effective regulatory mechanism only under conditions of institutional stability and legal certainty.

Abstract

***I**ntroduction:* The relationship between economics and law as a science and as subject areas of socio-economic relations is determined by the diversity of economic interests, the need to protect and guarantee their implementation. Different types of socio-economic systems differ from each other in the type and forms of ownership. An element of ownership is the right of ownership, which is a mechanism for achieving economic goals of economic entities. The article examines the law as a mechanism for regulating the economy; studies the economic and legal nature of the right of ownership; examines the right of ownership as a mechanism for realizing economic interests. The work presents the author's model of the mechanism of ownership, its constituent elements and the influence of ownership on incentives and incomes of economic entities. At the end of the article, conclusions are made and directions for further research are presented.

***M**ethods:* The methodological basis was formed by such principles and methods as: interdisciplinary approach, general scientific and private methods of scientific knowledge. It is the interdisciplinary approach that allows for a comprehensive study of property rights as a mechanism for legal regulation of the economy.

***R**esults:* The analysis revealed that law is a legal category, but it is studied comprehensively as a mechanism that facilitates the achievement of a goal that is equally accessible for implementation by all groups of economic interests; law is capable of maintaining order and stability in the socio-economic system, implementing laws in it and maintaining the market. Ownership plays a special role in the legal and socio-economic system. The economic implementation of ownership is aimed at generating income as a result of economic activity, and the legal implementation of ownership is represented by laws and regulations, compliance with which maximizes the benefits of economic entities. The mechanism for implementing ownership is not an arithmetic combination of elements, but a complex phenomenon caused by cultural and social values shared by economic entities. In addition, the empirical analysis of the Property Rights Protection Index for Russia (1995–2024) confirms that the effectiveness of property rights as a legal mechanism directly depends on the institutional environment. Periods of index growth are associated with legal predictability and regulatory transparency, while sharp declines correlate with increasing state control, selective enforcement, and nationalization practices.

***D**iscussion:* As is known, everyone is equal before the law, therefore, from the point of view of the rule of law and the efficiency of the economic system, all interests are equally important and the weight of each of them is determined by the sphere of implementation. For example, if we are talking about the economic sphere and market development, the efficiency of economic interactions and solving short-term problems, then private economic interests will play the main role here. The most effective economic mechanism for implementing economic interests is the market. But the market is not a perfect mechanism for regulating interests and generates "failures" that this mechanism is unable to correct on its own. The state comes to the aid of the market, whose task is to preserve the market, to help it

overcome "failures". But by solving problems that are not characteristic of it, the state itself generates insolvency. Therefore, law becomes an important mechanism.

Keywords

Property, right, property rights, socio-economic development, socio-economic system, economy.

JEL classification: A11, A12, O43.

For citation: Krylova E.V., Petrakova S.A. (2025). Research of the legal mechanism of economic regulation. Progressive Economy. 6, 85–96. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_85.

The article was submitted to the editorial office: 05/22/2025. Approved after review: 06/11/2025. Accepted for publication: 06/12/2025.

Introduction

Property in every society at any stage is an important condition for its development. In science, it is customary to distinguish between the concepts of property and property rights. Property rights reflect the legal aspect of property to a greater extent. While property is a broader concept, the meaning of which is revealed both in economic and legal science. The relevance of the study of property and its role in socio-economic development is determined by the importance of this type of socio-economic relations, which affects the efficiency and competitiveness of the socio-economic system. The purpose of this study is to investigate property rights as a mechanism for the development of a socio-economic system. Research objectives: firstly, to consider law as a mechanism for managing the economy; secondly, to study the economic and legal nature of property rights; thirdly, to study property rights as a mechanism for realizing economic interests.

One of the indicators characterizing the security of property rights is the aggregate Property Rights Protection Index. The index is calculated based on the state of the legal and political environment, the right to physical property, and the right to intellectual property. The dynamics of the index are studied by the International Property Rights Alliance, which compiles a rating of 125 countries by the level of property rights protection. The index value ranges from 0 to 10. The higher the index value, the more reliably the property rights are protected. In 2024, the top three countries where property rights are protected to the greatest extent were:

- Finland - 8.081,
- Singapore - 7.942,
- Denmark - 7.774.

Here we will also note the top three countries with the lowest property rights protection index:

- Haiti - 2.568,
- Yemen - 2.382,

– Venezuela - 1.927.

In Finland, the Index of Property Rights Protection is 4.19 times higher than in Venezuela. This indicator has increased by 1.67 times compared to 2011. Only the state can correct such a difference. Countries with a high value of the Index of Property Rights Protection (Finland, Singapore, Denmark) are characterized by a high standard and quality of life of the population. At the same time, the main role is played by the institution of property, which creates the stability of these national economies [1].

Literature Review

Scientists from different methodological schools and approaches have contributed to the study of the economic significance of property. We will note only a few of them. The legal regulation of the economy was studied by the economist R. Coase, in his work "Firm, Market and Law" [2]. But it should be noted that R. Coase's study was conducted within the framework of the study of the Anglo-Saxon legal system, where the main role of law is played by court decisions. It is appeals to the courts that stimulate the growth of transaction costs for economic entities, as necessary expenses incurred to maintain their position in the market. But since legal systems are different, this approach is not always applicable. Let us note the significance of the work from the point of view of a unique approach to the analysis of the role of law in the functioning of the socio-economic system as a whole and for solving the problems of development of an individual in particular.

R.I. Kapelyushnikov made a huge contribution to the study of property rights and the role of property rights specification. The scientist considers property rights as one of the fundamental concepts of economic theory, which can be considered both at the micro- and macroeconomic levels [3]. M.I. Skarzhinsky worked on the modern theory of private property and institutional mechanisms for its protection. The scientist believed that the guarantee of economic and social stability is the legitimacy of the institution of private property [4].

A.D. Radygin considered not only the role of property, but also the entire complexity of the development of this institution. The scientist made a great contribution to the study of property reform in Russia [5]. We will separately note the studies devoted to the analysis of the specification of property rights. Thus, the scientist N.V. Kireev in his study of property rights dwells in detail on the discussion of this issue [6]. The author notes the main role of the state in the specification of legal property rights, giving property rights the property of exclusivity. In addition, the scientist identified the processes in which the specification of property rights is manifested, but I would like to add that the specification of property rights as a whole determines the efficiency of the market.

Methodological Basis

The theoretical potential of the study is based on the analysis of the achievements of economic and legal sciences. The methodological basis was formed by such principles and methods as: an interdisciplinary approach, general scientific and private methods of scientific knowledge. It is the interdisciplinary approach that allows for a comprehensive study of the application of the potential of private and public law as mechanisms for legal regulation of the economy.

The algorithm of the study includes a study of law as a mechanism for regulating the economy, the functioning of which is aimed at preserving the market, allowing its participants to realize their economic interests. Since participants have interests with different time radii, legal instruments are needed that can take this difference into account and help realize interests in the most effective way.

Results and Discussion

Law is classified as a non-economic mechanism for regulating socio-economic relations. There are many mechanisms known that influence the development of the socio-economic system. Such mechanisms are: market, corporation, state and law. Law is a depersonalized mechanism for regulating socio-economic relations in a state governed by the rule of law. A state governed by the rule of law is based on the supremacy of human rights and freedoms. In such a state, all people without exception act according to the law, within the framework of permitted norms and rules. At the same time, the law guarantees the reproduction of conditions, effective functioning of the market, private property, and free competition. The law limits interference in the economy and arbitrariness on the part of those who possess administrative and power resources. A state governed by the rule of law does not interfere, but only supports the reproduction of effective market institutions. In a state governed by the rule of law, citizens voluntarily delegate their rights and they have no doubt that the state will solve socio-economic problems more effectively than if citizens carried out their activities independently.

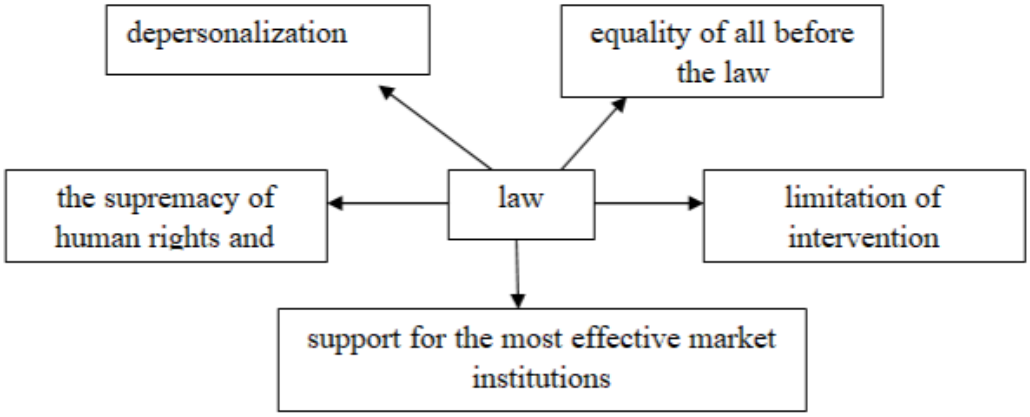


Fig. 1. Features of the legal mechanism for regulating socio-economic relations

Source: Compiled by the researchers

Let us consider the economic and legal nature of property rights. On the one hand, property rights are natural rights, i.e. they are an inalienable right that a person has at birth. On the other hand, property rights are positive, since the state protects property rights and guarantees protection to every citizen in accordance with Article 35 of the Constitution of the Russian Federation [7].

The economic basis of property rights is the economic interest of the property owner, which can be realized through the stages of social reproduction: production, distribution, exchange and consumption. The property owner faces transaction costs in the process of realizing property rights at any stage of social reproduction, since transaction costs accompany the economic activity of people: in order to carry out

economic activity, a license is needed, i.e. the right to a certain type of activity; to sell goods and services, it is necessary to study the market, potential buyers, competitors, which is also an expense. Ultimately, the economic interest in realizing property rights is associated with receiving income from the property. All costs incurred by the property owner must be recouped and generate income.

The legal meaning of property rights is to establish legal norms that ensure the economic implementation of property. In legal science, which studies law in the continental tradition, three property rights are designated: possession, use and disposal [8]. Moreover, in contrast to the ideas of economists about property relations as inseparable from property objects, lawyers study rights separately, as objects of transactions.

Property rights determine the possibilities and limitations of an individual's behavior in society as a whole and in the economy in particular. Property rights form the rules of behavior and interaction of economic entities. Therefore, the rules should stimulate some models and patterns of behavior and limit, exclude the emergence of threats and losses of economic entities.

In the process of selecting rules that promote efficiency and those that hinder it, civil society institutions and the state as the guarantor of property play a major role.

The condition for the effective functioning of the socio-economic system is the implementation of property rights.

G.V. Ulyanov classifies property mechanisms as a set of structures and methods by which economic entities receive income [9]. Let us consider the components of property rights as a mechanism for regulating the economy.

Property rights set such a framework for the behavior of an economic entity that helps maximize the benefits from the objects in ownership. The legal prerequisite for maximizing benefits is the exclusion of property objects from other potential users who want to receive benefits from the object. Let us explain that the mechanism of exclusion is laws that guarantee the inviolability of property rights. In order to ensure laws, institutions and organizations are needed that are closely interconnected with each other, as shown in Figure 2.

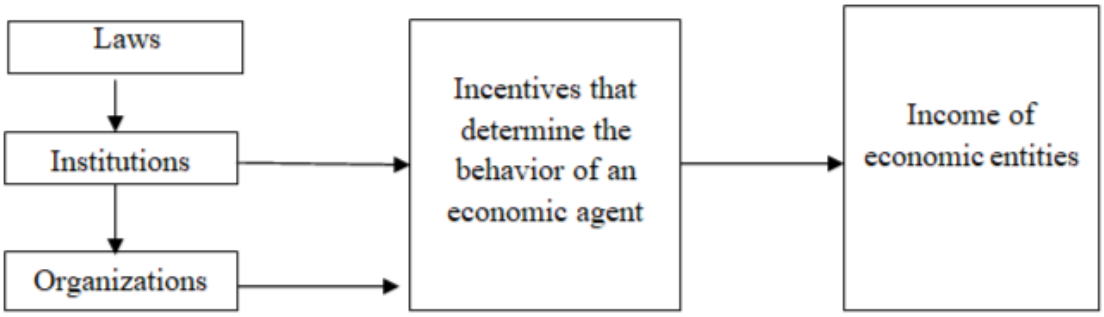


Fig. 2. Model of implementation of the mechanism of property rights

Source: Compiled by the researchers

The content of the model is presented in Table 1. For the effective implementation of property rights, it is necessary that the entire system of

implementation of property rights be implemented on such principles as the rule of law and political stability.

Table 1. Basic elements of the property rights mechanism

	Elements of the mechanism of property rights
Laws	Constitution of the Russian Federation
	Civil Code of the Russian Federation
	Tax Code of the Russian Federation
	Criminal Code of the Russian Federation
	Code of the Russian Federation on Criminal Offenses
Institutions	registration of property rights
	copyright protection
	patent protection
Organizations	Law enforcement organizations
	independent courts

Source: Compiled by the researchers

The development of the socio-economic system, the stability of the market economy are based on such laws that allow the implementation of property rights as the Constitution of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, the Tax Code of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses.

As for the organizations that support the implementation of property rights, they include: law enforcement agencies and independent courts.

Institutions play a special role in the implementation of property rights as a factor in the development of socio-economic development. For the growth of the efficiency of the socio-economic system, such institutions as registration of property rights, copyright protection and patent protection are necessary.

The presence of these principles, institutions and organizations, on the one hand, support interest in property rights, on the other hand, property rights are not free, as they generate transaction costs of protection for economic entities. The amount of these costs also affects the attractiveness of property rights, and ultimately affects the incentives, behavior and income of the economic agent. For example, by acquiring assets in the financial market, an economic agent will receive dividends, by selling real estate - rent, by leasing production assets - interest. From an economic point of view, the study of economic interest by A.A. Markovsky [10]. The scientist in his work focused on the development of the causes of economic interest in general and personal economic interest in particular. It is impossible not to take into account the interests of the author in the sense that taking into account the structure of personal interests affects the development of human capital and production relations. In the modern economy, this thesis remains relevant in the formation of economic security [11].

Thus, the effectiveness of property rights implementation is determined not only by the internal structure of economic interests and the level of transaction costs, but also by the broader institutional conditions within which legal mechanisms operate. However, the stability of the institution of property in modern Russia faces

significant challenges stemming from changes in state policy toward private assets. In this context, analyzing the practice of nationalization becomes particularly relevant, as it affects trust in legal guarantees and the predictability of economic decision-making.

Contemporary Russian practice indicates a growing trend toward expanding state control over private assets, manifested in a wave of nationalizations that gained momentum beginning in 2022. According to official data, dozens of major private companies have been returned to state ownership over the past three years. These include strategic assets such as the transport group FESCO, the company "Makfa," metallurgical and chemical enterprises, agricultural holdings, and infrastructure facilities, including Domodedovo Airport [12]. The formal grounds for asset seizure have often included allegations of violations of anti-corruption legislation, connections with "unfriendly" jurisdictions, or unlawful privatization during the 1990s.

The quantitative indicator that reflects the institutional robustness of property rights is the International Property Rights Protection Index. In the case of the Russian Federation, the dynamics of this index over the past eight years demonstrate a marked downward trend, which correlates with the intensification of state-led nationalization policies and tightening control over private property. As the data show, from 2017 to 2020, the index exhibited a moderate positive trajectory, reaching a peak of 57 points in 2020, which corresponded with relative legal stability and moderate institutional reforms (Fig. 3). However, beginning in 2021, and especially from 2022 onward, there has been a dramatic and sustained decline in the index value, dropping to 21 points by 2024 – a decrease of over 63% in just four years. This sharp decline can be directly linked to the wave of nationalizations initiated by the Russian government starting in 2022.

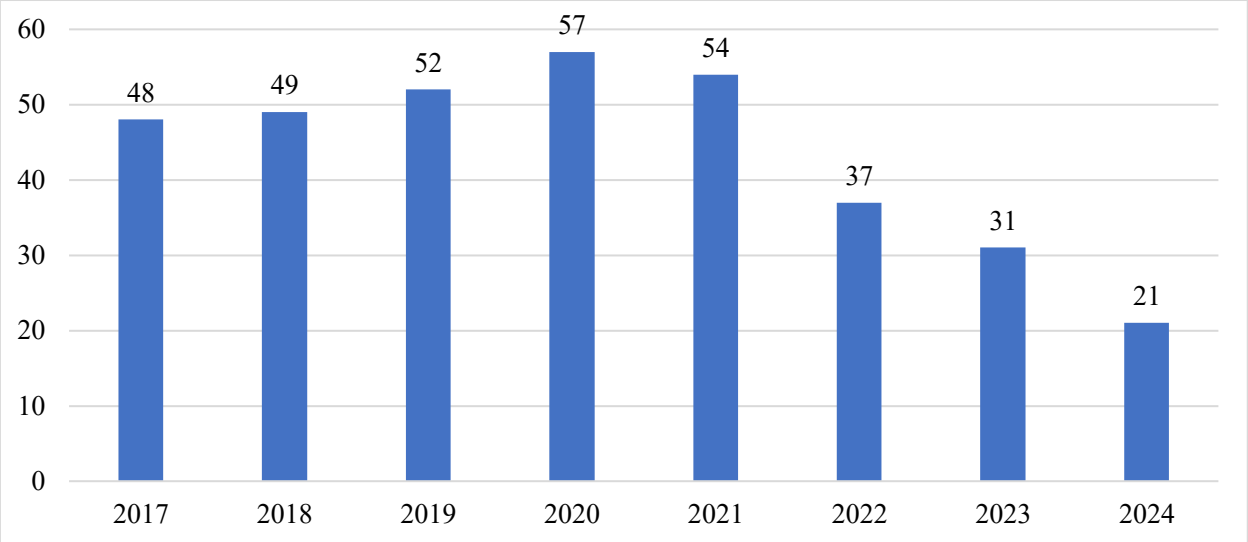


Fig. 3. Property Rights Protection Index in Russia

Source: The Heritage Foundation

The growing perception of legal unpredictability, selective enforcement, and erosion of private sector protections has negatively impacted Russia's reputation in global markets and reduced the incentive for domestic and foreign investment. The

erosion of the index reflects not only the formal weakening of institutional guarantees but also a broader climate of uncertainty, in which property ownership is perceived as vulnerable to administrative or political reinterpretation.

Despite their potential short-term effectiveness in terms of strategic security or budget deficit compensation, such measures create significant institutional risks. First, nationalization increases legal uncertainty, undermining the stability of one of the core institutions of a market economy – property rights. There is a threat of retroactive law enforcement, where previously recognized legal transactions are reviewed, often without compelling or publicly verifiable legal grounds. Second, trust in legal guarantees for property protection erodes among both domestic and foreign investors. This leads to increased transaction costs, capital flight, and a decline in investment activity in the economy [13].

Moreover, nationalization carried out in the context of weak judicial independence and a high concentration of administrative power in the hands of the state sets a negative precedent. Under such conditions, property rights become conditional and dependent on political circumstances, which contradicts the rule of law and undermines the foundation for entrepreneurial initiative. Therefore, the current practice of nationalization demonstrates the weakening of the institutional stability of property rights in Russia. This not only reduces the motivation of economic agents for long-term investment and innovation, but also calls into question the legal model of market economy reproduction, in which property rights are expected to be guaranteed and protected. Looking ahead, this situation requires a reconsideration of approaches to securing property rights as a key mechanism of economic regulation, with a focus on predictability, legal stability, and institutional independence.

An analysis of the long-term dynamics of the Property Rights Protection Index in Russia reveals a consistent correlation: periods of growth in the index coincide with stages of strengthening the legal nature of regulation, while its decline is usually associated with the increasing politicization of the institution of property (Fig. 4). Thus, the period from 1995 to the early 2000s was characterized by formal stability amid institutional weakness. At this stage, property rights existed primarily as a legal declaration and did not yet function as a real mechanism of economic regulation.

In 2001–2013, against the backdrop of the increasing role of the state in the economy and isolated cases of selective application of the law, a gradual decline in the index was observed. The mechanism of legal regulation began to give way to administrative instruments, which weakened the coordinating function of property. In 2014–2020, the index showed growth, which was associated with rhetoric about legal predictability, the digitization of state procedures, and investment incentives. During this period, property rights began to partially fulfill a regulatory function, especially in the small business and financial assets segments.

From 2021 to the present, the index has been declining again, reaching a historic low in 2024. This coincides with a wave of nationalization and increased state participation in the redistribution of private assets. In such conditions, property rights lose their characteristics as a universal and independent legal mechanism.

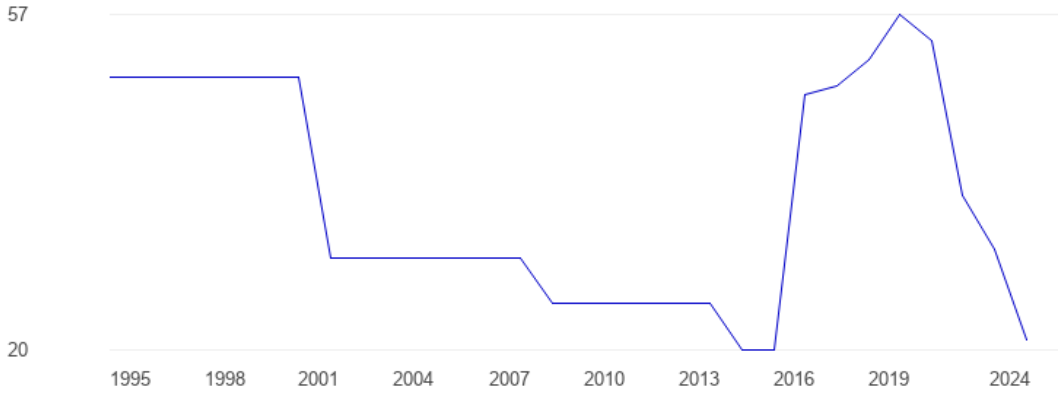


Fig. 4. Property Rights Protection Index in Russia (long term)

Source: The Heritage Foundation

Thus, property rights as a legal mechanism of economic regulation can only fulfill their function in the presence of institutional stability and equal legal access. A retrospective analysis of the index confirms that property rights are not just a formal legal category, but a key institutional element necessary for the effective functioning of the socio-economic system. Long-term dynamics of the Property Rights Protection Index show that property rights are sensitive to changes in institutional quality and political stability.

Based on the study of the mechanism of property rights, the following conclusion can be made: law as a mechanism for regulating the economy complements economic mechanisms, maintains stability and predictability of the functioning of the socio-economic system. Property rights are implemented as a mechanism that includes laws, organizations and institutions. This is a legal system that includes a set of rights, institutions, organizations and incentives that allow an economic entity to receive income from property objects.

Conclusion

In conclusion of the work, we will draw conclusions.

Firstly, the law is a legal category, but it is studied comprehensively, as a mechanism that promotes the achievement of the goal equally accessible for the implementation of all groups of economic interests: private, public and state. And, therefore, unlike other mechanisms that are characterized by personalization, the law is able to maintain order and stability of the socio-economic system, the implementation of laws in it and the maintenance of the market.

Secondly, the right of ownership plays a special role in the legal and socio-economic system. The economic implementation of the right of ownership is aimed at obtaining income as a result of economic activity, and the legal implementation of the right of ownership is represented by laws, norms, adherence to which maximizes the benefits of economic entities

Thirdly, the mechanism for implementing the right of ownership is not an arithmetic combination of elements shown in Figure 2. This is a complex phenomenon due to cultural and social values shared by economic entities.

Fourthly, the analysis of recent cases of large-scale nationalization in Russia demonstrates that state interference in the structure of property rights can significantly undermine institutional trust. Even in cases formally justified by considerations of national security or anti-corruption policy, frequent and non-transparent expropriations of private assets generate legal uncertainty, increase transaction costs, and weaken incentives for long-term investment. This highlights the necessity to ensure a balance between the protective function of the state and the need to preserve legal stability and the integrity of the property rights system.

Fifth, thus, the property rights protection index retrospectively confirms the key hypothesis of this study: property rights are not merely a legal category, but an institutional mechanism necessary for the effective functioning of the socio-economic system. Its weakening leads to systemic failures in regulation, the replacement of market incentives with directive measures, and increased economic uncertainty.

Recommendations

We will also note the directions for further research of property rights.

1. Study of the methodology of research of property rights. Despite the distinction between the economic and legal approaches, property rights are not limited to these interpretations. The study can be supplemented by sociological, institutional, cultural and other approaches, which will allow finding new mechanisms for increasing the effectiveness of property rights. Second.

2. Property rights as a mechanism for the development of a socio-economic system make sense only in the market environment, the effective regulation of which is carried out by law. Therefore, it is promising to study the legislative framework that allows maintaining stability and reproduction of the market.

3. The principle of proportionality and legal certainty should be further integrated into regulatory practice related to property rights. Strengthening the independence of courts and improving institutional mechanisms for dispute resolution will increase the credibility of the rule of law and reduce arbitrariness in the property regime.

References

1. International Index of Property Rights Protection. Humanitarian Encyclopedia: Research. Center for Humanitarian Technologies, 2006–2025. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/Russia/herit_property_rights/.

2. Coase R. (1993). Firm, Market and Law / translated from English by B. Pinsker. M.: Delo LTD. 192 p.

3. Kapelyushnikov R.I. (2004). Ownership rights (an essay on modern theory). *Journal of Otechestvennye zapiski*. No. 6. P. 65–81.

4. Skarzhinsky M.I. (2005). Selected works. Kostroma. State Educational Institution of Higher Professional Education KSU named after N.A. Nekrasov. P. 636.

5. Radygin A.D., Entov R.M. (1999). Institutional problems of corporate sector development: ownership, control, securities market. Scientific works of the Foundation "E.T. Gaidar Institute for Economic Policy". No. 12. 63 p.

6. Kireev N.V. (2011). Property rights and their specification from the point of view of modern economic theory. *Journal of Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1 (14). P. 168–174.

7. Constitution of the Russian Federation: with amendments submitted to the All-Russian vote on July 1, 2020. (2020). Moscow: Eksmo. 64 p.

8. Solodovnikov S.Yu. (2019). Property as a political and economic category in the 21st century. *Journal of Economic Science Today*. No. 10. P. 5–13.

9. Ulyanov G.V. (2011). Realization of property as a condition for the effective functioning of the economy. *Journal of Vestnik KSU*. No. 4. P. 330–334.

10. Markovsky A.A. (2009). On the essence of personal economic interests. *Journal of TSU Bulletin*. No. 4. P. 334–336.

11. Moronova, O.G. (2023). Theoretical aspects of the study of individual economic security. *Journal of Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev.* Vol. 2, No. 3 (52). P. 115-130.

12. Russia Is Expanding Asset Nationalization. URL: https://solstico.legal/tpost/xl6rscjix1-russia-is-expanding-asset-nationalizatio.

13. Vahtra P., Liuhto K., Lorentz H. (2007). Privatisation or re-nationalisation in Russia? - Strangthening strategic government policies within the economy. *Journal for East European Management Studies.* Vol. 12. P. 273–273. 10.5771/0949-6181-2007-4-273.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/analiz-sostoyaniya-sistemy-podgotovki-molodyh-speczialistov-v-ramkah-naczionalnogo-proekta-turizm-i-gostepriimstvo-i-prakticheskogo-zaprosa-gostinichnogo-biznesa-rossijskoj-federaczii/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.6
УДК 37.014
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_97



АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ТУРИЗМ И ГОСТЕПРИИМСТВО» И ПРАКТИЧЕСКОГО ЗАПРОСА ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Киселева Р.Ф., *соискатель, Южный Федеральный Университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. Новый виток эпохи развития сферы внутреннего туризма в Российской Федерации запустил механизмы совершенствования системы образования и подготовки молодых специалистов для предприятий гостиничного бизнеса, которые перманентно переживают «кадровый голод». На сегодняшний же день «кадровый голод» также обусловлен с определенными запросами стремительно развивающейся гостиничной индустрии и новым набором критериев и требований со стороны предприятий к молодым специалистам. Глубокая цифровизация, последствия пандемии, спад в демографической ситуации в связи с СВО и геополитическим напряжением, огромное давление в турсезоны, не быстро растущие размеры заработных плат, обесценивание труда со стороны владельцев бизнеса, вопросы профессиональной психологической безопасности в нестабильное и тревожное время, e-commerce, требование к работе креативности и множество других факторов формируют совершенно новую образовательную базу и в целом эпоху развития именно российского гостиничного бизнеса. Усиленные требования к системе образования, увеличенный запрос обученных специалистов, расширение форматов обучения, практико-ориентированный подход и многие другие векторы развития подразумевает и реализует уже второй, национальный проект «Туризм и гостеприимство» с 2025 по 2030 гг. В статье произведен анализ системы образования, основных проблем, которые стагнируют прорыв в подготовке сотрудников, а также отражает результаты практической работы и профессиональных исследований по подготовке молодых специалистов для гостиничного рынка Российской Федерации.

Ключевые слова: национальный проект «Туризм и гостеприимство», профессиональный стандарт, гостиничный бизнес, тренировочные классы, практико-ориентированное обучение, классификация гостиниц.

ANALYSIS OF THE STATE OF THE TRAINING SYSTEM FOR YOUNG PROFESSIONALS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE NATIONAL PROJECT "TOURISM AND HOSPITALITY" AND THE PRACTICAL REQUEST OF THE HOTEL BUSINESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kiseleva R.F., *Applicant, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. A new era of development of the domestic tourism sector in the Russian Federation has launched mechanisms for improving the education system and training young professionals for the hospitality industry, which are constantly experiencing a "personnel shortage". Today, the "personnel shortage" is also caused by certain demands of the rapidly developing hotel industry and a new set of criteria and requirements on the part of enterprises for young professionals. Deep digitalization, the consequences of the pandemic, a decline in the demographic situation due to its own and geopolitical tensions, enormous pressure during the tourist seasons, slow-growing wages, depreciation of labor by business owners, issues of professional psychological safety in unstable and anxious times, e-commerce, the requirement for creativity and many other factors form a completely new educational base and, in general, the era of development of the Russian hotel business. The increased requirements for the education system, the increased demand for trained specialists, the expansion of training formats, a practice-oriented approach and many other development vectors imply and are already implementing the second national project "Tourism and Hospitality" from 2025 to 2030. The article analyzes the education system, the main problems that are stagnating in employee training, and also reflects the results of practical work and professional research on the training of young professionals for the hotel market of the Russian Federation.

Keywords: national project "Tourism and Hospitality", professional standard, hotel business, training classes, practice-oriented training, classification of hotels.

JEL classification: D03, M31, I25.

Для цитирования: Киселева Р.Ф. Анализ состояния системы подготовки молодых специалистов в рамках национального проекта «Туризм и гостеприимство» и практического запроса гостиничного бизнеса Российской Федерации // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 97–116. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_97.

Статья поступила в редакцию: 03.06.2025 г. Одобрена после рецензирования: 11.06.2025 г. Принята к публикации: 12.06.2025 г.

For citation: Kiseleva R.F. Analysis of the state of the training system for young professionals within the framework of the national project "Tourism and Hospitality" and the practical request of the hotel business of the Russian Federation // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 97–116. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_97.

The article was submitted to the editorial office: 03/06/2025. Approved after review: 11/06/2025. Accepted for publication: 12/06/2025.

Введение

С 2025 года в России действует второй по счету национальный проект «Туризм и гостеприимство», который диктует еще более высокий темп развития и расширения отрасли в том числе в части увеличения количества привлекаемых специалистов. На август 2024 года по официальным данным в данной сфере трудились около 1 млн. человек. По данным Минэкономразвития, к 2030 году туристической отрасли дополнительно потребуется до 400 тысяч сотрудников. Из них 320 тысяч – только в гостиничном хозяйстве. Ещё около 80 тысяч – в сфере туристического сервиса: экскурсоводов, инструкторов, туроператоров, турагентов [17]. Именно взращивание молодых кадров позволит частично закрыть потребности отрасли, однако в этом направлении также возникают «белые пятна» и определенная «пробуксовка» процессов.

Сразу следует сделать уточнение, что к гостиничной индустрии с 01 января 2025 года относят средства размещения следующих типов: гостиницы и различные гостиничные варианты от хостелов, апарт-отелей, мотелей до комплексов апартаментов, а также следующие категории – базы отдыха (в том числе глэмпинги), кемпинги и санатории. Все эти четыре категории относятся к средствам размещения с 01 января 2025 года согласно Постановления 1951 от 27.12.2024 г. «Об утверждении Положения о классификации средств размещения» [19]. Соответственно, все эти предприятия автор рассматривает в статье как объекты, требующие привлечения молодых специалистов из-за скорости открытия и расширения деятельности в Российской Федерации.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе текущего состояния системы подготовки кадров для гостиничных предприятий и в обобщении профессионального опыта автора, накопленного в 2022–2025 годах при обучении молодых специалистов в рамках реализации национального проекта «Туризм и гостеприимство».

Обзор литературы

Анализ научных источников показал, что многие современные ученые поднимают тему образования и профессионального выбора. О профессиональном выборе углубляют вопрос в своих трудах деятели индустрии гостеприимства А.А. Селезнева, уточняя, что «для обоснованности профессионального выбора необходимо, чтобы требования со стороны профессии соответствовали возможностям человека». А.А. Селезнева в работе, посвященной профессиональной подготовке специалистов сферы туризма и гостеприимства отмечает работу по повышению самосознания и самооценки, «обострении психологических противоречий», которая как раз помогает выйти на уровень реальной мотивации первичного профессионального выбора и карьерного роста [24].

В.Я. Афанасьев отмечает, что «обучение является приоритетной частью нашей жизни, так как формирует определенные навыки и умения, которые необходимы на протяжении всей дальнейшей жизни» [4]. Также проблема образования изучалась и представлена в виде результатов научного

исследования в трудах таких авторов, как Т.В. Нестеренко, С.М. Булавиной, А.Н. Силаенкова и др. Вопрос изучения особенностей профессионального обучения специалистов для гостиничного бизнеса включает анализ научной литературы по теории и методики профильного образования в сфере туризма в работах Н.К. Бакланова, В.А. Кальней, В.Г. Кузнецова, а также многочисленные труды уже бывшего с 2024 года ректора ведущего отраслевого вуза Российской Федерации ФГБОУ ВО «РУГТИС» А.А. Федулина; учебной и методической стороны процесса обучения в статьях М.А. Морозова, Н.С. Морозовой и других; процессу формирования профессиональных компетенций были посвящены исследования Н.А. Гулиева, Т.Н. Третьякова и других.

Особую ценность составляет тот факт, что в историческом разрезе к вопросу обучения и подготовки профессиональных кадров для индустрии гостеприимства обращались в своих диссертациях такие ученые как Т.С. Элиарова («Содержание и организация профессиональной подготовки специалистов для предприятия сферы гостеприимства» 2001 г. [39]); А.В. Филатов («Методика профессиональной подготовки специалистов для сферы гостеприимства на базе учебно-производственных комплексов», 2001 г. [32] (В.С. Осин «Профессиональная подготовка студентов к управлению персоналом в сфере гостеприимства», 2002 г. [21]); М.Е. Курдакова («Педагогическая технология формирования профессиональной компетентности будущих специалистов гостиничного сервиса», 2006 г. [12]; О.В. Бондаренко («Формирование профессионально значимых качеств студентов – будущих специалистов по сервису и туризму», 2006 г. [5)]; Н.Н. Шуляк («Формирование полифункциональной профессиональной компетентности менеджеров гостиничного хозяйства малого бизнеса санаторно-курортного региона в вузе», 2008 г. [38]); Т.Л. Тимохина («Технологическая подготовка студентов туристского вуза в области гостиничного сервиса», 2009 г. [30]); Г.М. Абрамков («Интеграция подготовки специалистов по гостеприимству в системе «колледж – вуз», 2010 г. [1]); С.В. Гринь («Формирование профессионально-информационной культуры специалистов по сервису и туризму в образовательном процессе вуза», 2010 г. [7]); Ю.Г. Галанин «Социальное партнерство вуза и гостиничного предприятия в профессиональной подготовке туристских кадров», 2011 г. [6]); Г.Р. Наумова «Развитие общих компетенций в профессиональной подготовке специалистов гостиничного сервиса», 2012 г. [15]); А.В. Стрельников «Организационно-экономический механизм обеспечения конкурентоспособности образовательных услуг вузов, занимающихся подготовкой кадров для сервиса и туризма», 2012 г. [28]); Т.И. Анзина «Формирование корпоративной компетенции будущих специалистов индустрии гостеприимства в процессе профессионального образования в вузе», 2015 г. [2]); современник и эксперт-практик Р.М. Арсений («Профессионально ориентированные задачи в подготовке студентов к туристской деятельности», 2019 г. [3]).

Однако, многие из указанных выше ученых являются преподавателями, теоретиками, не касающимися реального рынка гостиничных предприятий и проблем, которые возникают с выпуском студентов из образовательных учреждений для того, чтобы оценить проблемы, важность и актуальность, новые запросы на обучение. Здесь автор данного научного исследования больше поддерживает главу страны, который очень четко определил значимость обучения в стратегии развития страны и экономике и, что важно, в экономике конкретной страны с конкретными формами и качеством обучения. В своих выступлениях Президент страны В.В. Путин неоднократно отмечает, что «стратегия инновационного развития страны опирается на одно из наших главных конкурентных преимуществ – реализацию человеческого потенциала», которое связано в первую очередь с обучением» [23].

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют логический и системный анализ, сравнительный анализ. Также автором используется контент-анализ с целью определения динамики изменения количества научных статей, освещающих вопрос подготовки специалистов индустрии гостеприимства, а именно гостиничного дела на доступных интернет-ресурсах с научными статьями. Вопросами качества образования высших учебных заведений, готовящих специалистов индустрии гостеприимства, уделено не так много публикаций и исследований. Было исследовано количество публикаций научных статей о подготовке специалистов индустрии гостеприимства за последние два десятилетия (табл.1). Безусловно, интерес возрастает в научном сообществе, так как анализ системы генерирует и новые мысли по вопросам подготовки специалистов.

Таблица 1

Сравнительная таблица количества публикаций о подготовке специалистов индустрии гостеприимства научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Период, год	Количество научных публикаций
2025	36
2021 – 2023	579
2021 – 2025	972
2000 – 2021	155

Источник: составлено автором

На сегодняшний день крайне мало прямо изучен вопрос подготовки специалистов индустрии гостеприимства, соответственно нижеприведенное исследование крайне актуально.

Результаты и обсуждение

Подготовка, образование, управление карьерой и профессионально-должностным продвижением управленческих кадров гостиничных предприятий начинается с самоопределения – личностного и профессионального. «Личностное самоопределение человека происходит на основе освоения общественно выработанных представлений об идеалах,

нормах поведения и деятельности [45]. Самоопределяясь, человек начинает вырабатывать на основе своей системы ценностей путь к образованию, профессиональному становлению. Популяризация туризма и индустрии гостеприимства на сегодняшний день дает много информации потенциальным специалистам, будущим студентам учреждений среднего специального и высшего образования. Однако стоит вспомнить и становления форматов подготовки специалистов гостиничной индустрии в России. Историю образования и видов подготовки сотрудников индустрии гостеприимства поднимала в своей научной статье Л.В. Семенова «К вопросу о формировании принципов профессионального образования сферы гостеприимства» [25].

Только в 1977 г. в Постановлении Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему улучшению обслуживания населения в гостиницах РСФСР» впервые говорится о полномасштабной «подготовке и переподготовке кадров для замещения должностей администраторов гостиниц, портье, заведующих корпусами и этажами», а также о введении с 1978 г. форменной одежды для сотрудников гостиниц, в которых размещаются иностранные граждане [20]. В 1987 г. Приказом Министерства жилищно-коммунального хозяйства были утверждены «Квалификационные характеристики должности диспетчера по приёму и обслуживанию граждан в гостинице» [22], где были даны, наряду с должностными обязанностями, квалификационные требования, которые, впрочем, также ограничивались лишь наличием высшего или среднего специального образования. Данные исторические исследования вопросов подготовки кадров индустрии гостеприимства в том числе будущих управленцев проводились в статье Л.Д. Матвеева и Е.П. Борнеман «Социальные предпосылки актуализации системы подготовки будущих специалистов сервиса» [13].

Тему обзора зарождения профессионального туристского образования в РФ, которое начало развиваться в 90-х годах XX века продолжили профессор А.В. Квартальнов, И.В. Зорина, А.И. Сеселкин, А.А. Федулин, которые впервые определили, обосновали и развили подходы к формированию принципов профессионального туристского образования, среди которых они выделили «принципы планомерной целесообразности, единства, общности задач обучения а также его непрерывности, индивидуальности подходов у обучающемуся» [10; 11; 27; 33]. Любое образование, подготовка кадров базируются на ценностях и основных принципах, которые формируют качественную систему подготовки. Были выделены принципы туристского образования в трудах А.А. Федулина, бывшего ректора отраслеобразующего вуза РФ «Российского государственного университета туризма и сервиса». К ним относятся непрерывность, многоуровневость базового профессионального образования, дополнительность, маневренность, индивидуализация и преемственность [31].

Сделав шаг назад и охватив анализ литературы и научных исследований международного уровня, стоит вспомнить и Джона Льюи. «Необходимо отметить, что основоположником подхода профессионального практико-

ориентированного образования можно назвать Джона Дьюи, который в своей книге «Опыт и образование» сформировал такие терминологические дефиниции, как «опыт», «учебный план» «обучение (практика)», и, тем самым, выделил основные принципы экспериментального, или практического, обучения и обосновал, что именно опыт – одно из наиболее важных логических средств обучения для каждого» [41].

«Еще в 1995 году исследователями было определено значение общих профессиональных знаний и навыков, ожидаемых профессиональным сообществом, профессорско-преподавательским составом от выпускников и проранжировано согласно их значимости. Здесь на первом месте было отмечено умение работать с людьми, затем выделялось творческие мышление, далее следовала необходимость присутствия у студентов финансовых знаний». Идея практико-ориентированного обучения, предложенная исследователем, и развитая потом в трудах других ученых заключается в том, что знания, приобретенные в неформальной обстановке (вне стен образовательной организации), могут быть столь же значимыми, как и полученные во время образовательного процесса. Например, Н. Эванс в своей работе указывает, что центральная задача образовательной организации – это воспользоваться всеми возможностями для обучения и формирования профессиональных навыков у студентов. Кроме этого, он указывает, что «колледж или университет должен стать Центром обучения, где представлены различные возможности для обучения студентов» [42].

В связи с тем, что исторически система подготовки и образования кадров индустрии гостеприимства складывалась планомерно в зависимости от запросов экономики и рынка, выявлялись и первоочередные задачи, а также проблемы. Например, Гусевой была выделена одна из основных проблем: «перекос» в сторону академичности по отношению к практическому обучению в процессе реализации образовательных программ высшего профессионального образования» индустрии гостеприимства, которая по мнению автора данной статьи сохраняется по сей день. Качество самого процесса обучения и подготовки кадров индустрии гостеприимства напрямую влияет на будущие профессиональные перспективы. Как именно должен формироваться учебный процесс – данный вопрос всегда стоял и стоит особняком. Академичность образования в стенах учебных учреждений оспаривается требованием более практического профессионального подхода. Некоторые ученые представляют «обучение как «процесс, посредством которого знание формируются путем трансформации опыта», причем процесс трансформации должен происходить за стенами образовательной организации, то есть на рабочем месте, месте практического обучения и пр.» [43; 44; 45]. Именно гармонизация условий теоретического и практического подхода остается главной задачей отрасли в области подготовки и управленческих кадров. В связи с тем, что любой управленец «вырастает» из рядовой должности пусть иногда и с небольшим практическим опытом и

крайне редко приходит сразу на управленческие позиции, развитие навыков руководителя крайне важны.

В исследовании корейского специалиста К. Чунга в 1999 году, базируясь на последующей профессиональной практической траектории выпускников сферы гостеприимства, определены приоритеты навыков – среди наиболее актуальных – технические навыки (операционные), далее – наличие коммуникационных и управленческих навыков [40]. Эти требования сохраняются до сих пор и, как никогда, актуальны (рис.1).



Рис. 1. Схема актуальных навыков для специалистов

Источник: составлено автором по данным [40]

Отмечает необходимость синтеза теоретического и практического обучения Н. Эванс, обосновывая необходимость для развития профессиональных навыков прямого контакта во время практического обучения с теоретическими дисциплинами. В модельном классе, как это часто бывает в некоторых гостиничных предприятиях или колледжах, или на предприятии (на рабочем месте) возможно получение ценного опыта, который под влиянием среды профессиональной сферы трансформируется, в зависимости от получаемых практических знаний и осваиваемых профессиональных компетенций в осмысление получаемого опыта. «Лекционные занятия в аудитории, а также открытые лекции приглашенных лекторов, чтение учебников (теоретическое обучение) позволяют переосмыслить полученный опыт и сформировать потребность в новых необходимых для освоения профессии профессиональных навыках, компетенциях, что должны активно использоваться в образовательном процессе. Последний этап (практическое применение) может выражаться в участии студентов в практических занятиях, ролевый играх, решении кейсов» [42].

Именно о практико-ориентированном подходе и возможностях, вариантах углубления процессов обучения в практику и соприкосновение с бизнес-реальностью и пойдет ниже речь. Автор данного исследования имел практический опыт трудовой деятельности как в частном гостиничном бизнесе на различных должностях – от администратора до директора, так и экспертный опыт специалиста по классификации гостиниц, в компетенции которого входит и оценка уровня образования сотрудников, а также развитых

компетенций, и работа в государственных органов исполнительной власти, курирующих деятельность в том числе и гостиничных предприятий и подведомственных колледжах туризма и сервиса. Держа вектор на практико-направленное образование и подготовку кадров, стоит отметить существующие проблемы образовательной сферы, которые заключаются в большом отрыве от реальной индустрии. Касается это также и материально-технической базы, отставания в оснащении тех же самых модельных классов от требований гостиничного законодательства. Это доказывает и исследование С.Н. Морозовой, которая сообщает в своих исследованиях, что «одна из проблем образовательных учреждений заключается в «скудности» материально-технической базы процесса подготовки будущих специалистов в сфере гостиничного хозяйства, что не обеспечивает у студентов формирование профессиональных компетенций, необходимых для решения профессиональных задач» [14]. Практический опыт автора данной статьи, научного исследования, основанного на профессиональном практическом опыте, позволяет частично согласится с С.Н. Морозовой, так как анализ образовательных учреждений действительно показал скудость материально-технической базы, недоукомплектование тренировочных классов, например, колледжей Тверской области, Вологодской области и других регионов. А именно одним из примеров выступает класс Тверского колледжа туризма и сервиса, с отсутствием надлежащего оснащения: элементарно на кровати в гостиничном классе было наличие одной подушки при современных требованиях двух, а также выявлено незнание студентами основных нормативно-правовых актов, регулирующих предоставление гостиничных услуг и т.д.

Заведующая редакцией учебной литературы по медицине, спорту и туризму ООО «Издательство «ЛАНЬ» Таравская Владлена Михайловна также сообщает о катастрофическом дефиците именно качественной и современной литературы по сектору индустрии гостеприимства, гостиничного бизнеса как для сектора среднего профессионального образования, так и для высших учебных заведений. Основной критерий – это современность материала без ссылок на международные школы, старые подходы, а именно направленность на формирование качественного содержания учебников, отражая реалии рынка, реализацию национального проекта «Туризм и гостеприимство», современную концепцию и новые подходы, а также все достижения отрасли, которые сейчас уже можно смело отмечать, тем самым привлекая молодое поколение. Безусловно, печатные учебники читают уже меньше и меньше, поэтому активно разрастается сеть электронных библиотек, которыми пользуются и колледжи, и вузы. Автор данной статьи также является автором ряда учебников данного издательства для среднеспециальных профессиональных и высших учебных заведений (табл. 2).

Таблица 2

Список современных изданий Киселевой Р.Ф.

Издательство	Наименование	Год издания
«Кнорус»	«Предоставление гостиничных услуг» (СПО)	2024 г.
«Лань»	Предпринимательская деятельность в сфере туризма и гостеприимства (СПО)	2025 г.
«Лань»	Предпринимательство в сфере туризма и гостеприимства (ВО)	2025 г.
«Лань»	Технологии и организация обслуживания на гостиничных предприятиях (ВО)	2025 г.
«Лань»	Организация и контроль текущей деятельности служб предприятий туризма и гостеприимства (СПО)	2025 г.
«Лань»	2-е издание исправленное «Предпринимательство в сфере туризма и гостеприимства» (ВО)	2025 г.

Источник: составлено автором

Когда издательство «Лань» предложило написать ряд учебников, задачей автора стояло предоставить в книгах максимально приближенный материал к реальности бизнеса гостиничных предприятий и сферы туризма Российской Федерации с отражением современной законодательной базой, векторов развития отрасли в рамках национального проекта «Туризм и гостеприимство». Так, учитывая быстрые изменения в законодательстве и гостиничную реформу 2025 года, вышло второе издание, исправленное учебника для учреждений высшего образования под названием «Предпринимательство в сфере туризма и гостеприимства», в котором описан сам механизм национального проекта «Туризм и гостеприимство», отражены государственные меры поддержки для развития предпринимательства в Российской Федерации. Здесь стоит отметить, что большую часть книг на сегодняшний момент пишут теоретики, преподаватели, что сильно сужает качество отражения реальности гостиничного дела, а также спектр новых подходов. Так, например, крайне мало информации в новых учебных пособиях и книгах для студентов о трансформации именно российской системы классификации гостиниц, структурных изменениях форматов контроля отрасли и о реальной работе госрегулятора гостиничной деятельности. Тем самым, студенты недополучают новейшую информацию и ссылаются при выходе из учебного заведения на некие международные стандарты, устаревшие документы и нормативы при имеющемся огромном прорыве на сегодняшний день в российской индустрии.

Как сообщал Дмитрий Чернышенко в докладе в 2024 году, «более 73 тыс. бюджетных мест выделено в колледжах и вузах для студентов по специальностям в сфере туризма и гостеприимства» [17]. Заместитель Председателя Правительства России рассказал, что обучение по данному направлению осуществляется в более чем 250 вузах и 1,5 тыс. колледжей. На август 2024 года там уже обучалось порядка 333,4 тысячи человек. На апрель 2025 года было анонсировано, что образовательные программы для

вузов и колледжей, по которым учатся будущие сотрудники для сферы туризма и гостеприимства, должны быть пересмотрены в ближайший год. Об этом говорилось на первом заседании Национального экспертного совета по развитию кадрового потенциала в этой индустрии [18]. Также крайне важен процесс «оптимизации» некоторых специальностей, которых уже нет на практике, что также в процессе. Если касаться вопроса стандартов и профессий, то, например, профессиональный стандарт управляющего гостиничного предприятия также остается устаревшим в связи с тем, что функционал расширился, как и расширились форматы предприятий гостиничной индустрии согласно Постановления 1951 от 27.12.2024 г.

В связи с реализацией национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» произошло большое количество практических изменений, а также законодательных решений по работе гостиничных предприятий, что также не отражено в современных пособиях или на программах повышения квалификации, которые реализуются также и с поддержкой государства в местных органах, отвечающих за реализацию туристской деятельности регионов (Департаменты культуры и туризма, региональные министерства туризма).

Большое количество теоретического материала, абстрактной информации, носящий общие понятия, а также отсутствие достаточного количества исследований по данной теме дают почву для дальнейшего углубления вопроса актуализации программ повышения квалификаций и методической и учебной литературы. В связи с этим возникает некоторое недоверие к образовательным учреждениям со стороны бизнес-сообществ. Именно об этом рассуждают в своем исследовании на тему актуализации подготовки специалистов гостиничного сервиса в связи с постпандемийным бурным развитием отрасли туризма и большим вниманием со стороны государства Л.Д. Матвеева и Е.П. Борнеман: «Вместе с тем необходимо также отметить низкий уровень степени доверия профессионального сообщества к уровню подготовки учебными заведениями специалистов гостиничного сервиса, что ещё раз свидетельствует о необходимости поиска релевантных решений в заданном направлении. Недостаточный уровень подготовки специалистов гостиничной отрасли подтверждается также и государственным заказом, который нашёл своё отражение в «Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 года», направленной на комплексное развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации, формирование и продвижение качественного и конкурентоспособного туристского продукта. Одним из сдерживающих факторов развития туристской индустрии в России в данной Стратегии называется, в том числе, недостаточный уровень сервиса и кадрового обеспечения, языковой подготовки работников в сфере туризма [13].

Если поднять вопрос о практической подготовке и вовлеченности студентов в учебную и производственную практику, реальная картина отражает противоречивые данные. Так, многие колледжи направляют

студентов на практику в гостиницы, где в принципе студенты не нужны в прямом смысле, и управляющие «автоматом» подписывают практику студенту, отпуская на выходные. Это связано с тем, что не каждый управляющий допускает к уборке номеров студента-горничную, так как существует страх и вероятность дальнейшей необходимости проведения повторной уборки номера в связи с незнанием стандартов уборки именно конкретного отеля, а также в принципе нежелание выделять время на обучение внутренним стандартам и регламентам. Эта история достаточно распространена, и обсуждается в основном только между студентами. Вместо практической работы горничной, студентов направляют на «грязные» работы – уборку территории, улицы, общественных туалетов и помещений, разбор складских помещений и т.д. На практике со студентами автора данной статьи есть также и гостиницы, управляющие которых используют в «горячие» туристические сезоны и не только при осуществлении производственной практики студентов, трудящихся на позициях горничных или администраторов финансовое стимулирование, премирование по собственной инициативе. Это мотивирует студентов и зарождает желание подрабатывать на полные смены во вне учебное время, а также закрывает «производственные дыры» управляющих средств размещений, которые часто используют неопытность молодых сотрудников в качестве рычага занижения стоимости оплаты труда, что иногда влияет негативно. При привлечении студентов в качестве гостиничного персонала на практике также используется стимулирование за счет предоставления бесплатного питания студентам, что является привлекательным фактором для молодых специалистов на рынке труда для дальнейшего трудоустройства.

О.В. Чебыкина сообщает, что «на рынок труда повлияли негативные демографические изменения, действующие в нашей стране начиная еще с девяностых годов и связанные с так называемой «демографической ямой», максимум которой первоначально ожидали в 2025 году, однако из-за событий последних лет по расчетам некоторых ученых передвинулся на 2036 год, причем это не окончательный прогноз» [36]. «Согласно опросу, проведенному Институтом экономической политики имени Е.Т. Гайдара в мае 2023 года, был зафиксирован рекорд кадрового дефицита в промышленности: 35% предприятий столкнулись с проблемой нехватки кадров. Интересно, что в то же время, по данным Росстата, уровень безработицы находится на рекордно минимальном уровне в 3,5%» [16]. Отсутствие кадров сохраняется до сих пор, поэтому для молодых специалистов сейчас есть прекрасная возможность строить карьеру до управленческих позиций. Н.В. Сербина О.Г. Малыгина отражают в своем исследовании реальную ситуацию на кадровом рынке, связанной с «перекупкой» или «хантингом» чужих сотрудников. Компании, которые не могут позволить себе высокие зарплаты, вынуждены искать другие зоны пересечения своих интересов с интересами работников и использовать различные технологии удержания в том числе агрессивные. Однако, как бы

там ни было, требования к образованию управленческих кадров существуют жесткие [26].

В.П. Ердакова в своей статье «Вектор на повышение отраслевого кадрового потенциала, как условие развития туризма в России» провела анализ по наличию профильных направлений ВУЗов. Было выявлено, что по направлению «Гостиничное дело» разнообразие профилей минимальное – 17, среди которых самые популярные: Гостиничное дело (50 вузов); Организация и управление в гостиничном и ресторанном бизнесе (16 вузов); Ресторанная деятельность (8 вузов); Управление бизнес-процессами в индустрии гостеприимства (7 вузов); Международный гостиничный бизнес (4 вуза); Индустрия гостеприимства и туризма (3 вуза); Сервис гостинично-ресторанных, туристских, спортивных и развлекательных комплексов (3 вуза); Управление гостиничным и санаторно-курортным комплексом (3 вуза); Проектирование комплексного обслуживания в индустрии гостеприимства (2 вуза). Также встречаются такие единичные профили, как: Технологии и организация деятельности мультифункциональных средств размещения; Санаторно-курортная деятельность; Управление технологическими и бизнес-процессами в гастрономии и другие [8].

На 2024 год мы можем сделать конкретный анализ ВУЗов, которые посвящены подготовке сотрудников индустрии гостеприимства. В настоящее время подготовку специалистов с высшим образованием для индустрии туризма и гостеприимства ведут 243 образовательных организации в восьми федеральных округах России. Это актуальные данные, которые отражены в работе В.П. Ердаковой «Вектор на повышение отраслевого кадрового потенциала, как условие развития туризма в России» [8]. Однако, существуют качественные проблемы. За последние 5 лет на 22 % сократилось число вузов, ведущих подготовку кадров для туристской отрасли и, как следствие, снижается количество обучающихся.

Лидерами по количеству студентов, обучающихся на этих направлениях подготовки, являются три федеральных округа – Центральный, Приволжский и Южный, в том числе и студентов-бюджетников. Одним из актуальных направлений является «Профессиональный менеджмент отелей и ресторанов». Сейчас цифры по выделению бюджетных мест активно повышают, но для решения федеральной проблемы взращивания молодых кадров этого недостаточно для отрасли гостеприимства. Во многих регионах оптимизируют направления и вводят направления обучения по туризму и гостеприимству. Так, в Вологодской области открываются в 2025 году новые направления по туризму, в том числе по управлению туристскими предприятиями. Однако, конкретно в данном регионе, например, крайне мало учебных заведений с направленностью по гостеприимству и гостиничному бизнесу по сравнению с увеличением величины спроса на молодых специалистов.

О.Р. Цаболова и Ю.О. Цунаева выделяют, что «вузы готовят не просто специалистов и руководителей, компетентных в области делового

администрирования, а высокопрофессиональные кадры, специализирующиеся именно на управлении гостиничным и ресторанным бизнесом. Сейчас, когда конкуренция с ушедшими брендами стремится к нулю, роль вузов, выпускающих управленцев этого профиля, обладающих соответствующими времени профессиональными компетенциями, многократно повышается» [34].

Вопрос высших учебных заведений и их рейтинга по качеству образования исследуют глубже М.А. Жукова и В.А. Жуков в статье «Перспективы развития отечественного гостиничного бизнеса и подготовки кадров» и приводят конкретную статистику ВУЗов, которая вызывает некоторые сомнения: «Ведущими вузами следует назвать Государственный университет управления (ГУУ), Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российский государственный социальный университет (РГСУ), Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (РЭУ им. Плеханова), Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) и многие другие» [9]. Тем не менее авторы обесценивают и другие учебные заведения, в которых ведется усиленная подготовка управленческих кадров и которые более доступны по поступлению и условиям обучения, такие как, например, ФГБОУ ВО «РГУТИС», РМАТ и т.д. Здесь стоит сделать упор и на распределение работников индустрии гостеприимства по уровню образования, который заметно отличается от российской экономики в целом. Очевидны значительный дефицит занятых с высшим образованием и избыток — со средним профессиональным и общим образование. Данный анализ предоставляют такие исследователи как Ж.В. Шкуратова и Д.А. Рубан в работе «Проблема накопления интеллектуального капитала в Российской индустрии гостеприимства» [37].

Особо можно отметить, что многие ведущие вузы, такие как, например, «Российский Государственный Университет туризма и сервиса» стараются прогрессивно смотреть на систему образования и образовательный процесс. Пожалуй, это один из немногих высших учебных заведений, который использует максимальное количество открытых практических мероприятий, привлечение спикеров-практиков отрасли на лекции в «живом» и онлайн форматах, постоянные выезды на гостиничные объекты для ознакомления с практической стороной деятельности средств размещения, а также выстраивание деловых взаимоотношений с партнерскими отелями. Только практическая направленность и вовлеченность в течение занятий студентов в реальную ситуацию рынка дает расширение понимания отрасли, знакомит с ведущими экспертами рынка, управляющими, сотрудниками, которые предоставляют максимально прозрачную обратную связь по работе в средствах размещениях.

Если говорить об отраслевых частных компаниях, которые обеспечивают работу гостиничных предприятий, стоит отметить работу компании «TravelLine», которая несколько лет назад запустила уникальный

проект по обучению студентов работе в программе бронирования системы «TravelLine» во главе с амбассадором компании Федором Тимоховым, куратором по взаимодействию с вузами. Именно взращивание цифровых компетенций, работы с программами управления гостиничными предприятиями администраторами, управленцами и менеджерами гостиниц, навыков в автоматизации процессов является крайне ценным. Студенты учатся работать на платформах, бронировать, использовать маркетинговые инструменты и т.д. Данные шаги представителей бизнес-сообществ крайне позитивно отражаются на повышении качества образования.

Огромное значение имеет научная деятельность, которая представлена в высших учебных заведениях, а также участие студентов в российских и международных научно-практических конференциях сферы гостеприимства, организуемых при высших учебных заведениях. Такие вузы, как «Южный Федеральный Университет», «Российский Государственный Университет туризма и сервиса» и ряд других проводят качественные конференции и научные мероприятия, на которых большее количество спикеров и участников составляют эксперты-практики, представители региональных органов исполнительной власти в сфере контроля деятельности гостиничных предприятий, управляющие средств размещения, администраторы, эксперты и т.д. Существенно расширяется круг знакомств и вовлеченности в практическую сторону индустрии. Студенты имеют возможность встречаться с практиками, представителями гостиничных предприятий, крупных компаний для дальнейшего возможного трудоустройства или ознакомления с отраслью. И если ранее списки участников были в основном из представителей академической среды – преподавателей, то сейчас участниками являются практики. Несмотря на наличие указа Президента РФ В.В. Путина о наименовании данного Десятилетия - Десятилетием Науки и Технологии, многие высшие учебные заведения, к сожалению, приостанавливают деятельность научных журналов, которые крайне важны для развития научной среды страны. Так, Российский Университет Туризма и Сервиса приостановил финансирование с начала 2025 года таких научных журналов как «Сервис в России и за рубежом».

Однако, наличие высшего образования в отрасли гостеприимства, успешно освоенного вне зависимости от ВУЗа, или же среднего профессионального – колледжа, не гарантирует трудоустройство. Само понятие «молодой специалист», которое имело ранее некий социальный статус, гарантировавший трудоустройство после окончания учебного заведения, а также дополнительные трудовые права и социальные гарантии, осталось позади. «Сегодня «молодой специалист» – выпускник учебного заведения, готовый реализовать свои способности к труду и испытывающий сложности при устройстве на работу. Ограничение спроса на рынке труда снижает возможности трудоустройства. Возможность трудоустройства новой рабочей силы, вступающей на рынок труда впервые, сокращается» – отмечает О.В. Чабанюк [35]. Это также отражает проблему отсутствия должной

кооперации со стороны бизнес-сообществ и учебных заведений в объемах всей страны, которая должна регулироваться государственными рычагами. И только после трудоустройства сотрудник, молодой специалист получает возможность расти дальше и получать профессиональную переподготовку и карьерное развитие.

Как отмечает Е.Л. Сысоева, «настоящее время отельеры предпочитают брать на работу кандидатов без опыта работы в гостиничном бизнесе на первичные позиции, чтобы переучить под стандарты предприятия, а также быстро «закрыть производственные вопросы нехватки персонала», более того с точки зрения реальных предпринимателей заработная плата на первоначальном этапе может быть ниже рыночной в связи с отсутствием опыта [29].Также стоит отметить, что в связи с резким увеличением различных форматов средств размещений – от хостелов до баз отдыха, к сожалению, привлекаются на одно предприятие и специалисты с профильным образованием, и с отсутствием опыта и образованием вовсе, что порождает психологическое и моральное напряжение от несправедливости у молодых образованных специалистов, которые вынужден получать такой же размер заработной платы, что обесценивает профессию в целом. Этот факт заставляет поднимать самую главную проблему – это снижение престижа профессий индустрии гостеприимства – от горничных до управляющих. Часто этому способствуют и сами предприниматели, которые в связи с отсутствием должного управленческого опыта не ведут соответствующие кадровые политики, а ставят решение лишь глобальной производственной задачи – обеспечение бесперебойной работы предприятия, без детального внимания к каждому сотруднику.

Заключение

В процессе исследования автором была выявлена острая необходимость трансформации имиджа самой профессии в сфере туризма и ухода от роли обслуживающего персонала. На сегодняшний день туризм и индустрия гостеприимства – это не только экономика впечатлений, но и экономика счастья, в которой счастливы в своем роде должны быть все стороны процесса производства, оказания и получения гостиничных услуг. Соответственно, основные «белые пятна» заключаются в привлечении экспертов-практиков в образовательный сектор по части написания современной учебной литературы, проведение мероприятий по улучшению условий гостиничных тренировочных классов в колледжах и вузах, повышения компетенций педагогов и преподавателей, увеличение вовлеченности студентов в учебную и практическую практику на производствах, усиление государственного контроля и выработка рычагов контроля гостиниц и иных средств размещения, которые принимают студентов на практику для более качественного и прозрачного процесса обучения. Внесение изменений в Постановление 1951 от 27.12.2024 г. также должны быть произведены с учетом внесения критерия оценки гостиничного предприятия, претендующего на «звездность» - наличие практики студентов в гостиничных предприятиях, а также реально

пройденных курсов повышения квалификации, а не формально представленных документов.

Рычаги региональных органов исполнительной власти в направлении государственного контроля отрасти туризма и гостеприимства также должны включать в годовые бюджеты суммы на реализацию в рамках программ государственного контракта курсов повышения квалификации именно с практико-ориентированными направлениями обучения – от экспертов-практиков. На сегодняшний день Федеральный Ресурсный Центр не справляется с данными задачами в полной мере. Повышение престижа профессий индустрии могут быть достигнуты в том числе за счет взаимодействия бизнеса, РОИВ (региональных органов исполнительной власти) и образовательных учреждений за счет проведения Уроков гостеприимства, плотных практических мероприятий и качественного процесса вовлечения молодежи в практику на средствах размещения.

Литература

1. Абрамков Г.М. Интеграция подготовки специалистов по гостеприимству в системе "колледж–вуз": дис. … кандидата педагогических наук: 13.00.08. М., 2010. 24 с.
2. Анзина Т.И. Формирование корпоративной компетенции будущих специалистов индустрии гостеприимства в процессе профессионального образования в вузе: дис. … кандидата педагогических наук: 13.00.08. М., 2015. 25 с.
3. Арсений Р.М. Профессионально ориентированные задачи в подготовке студентов к туристской деятельности: дис. … кандидата педагогических наук: 13.00.08. Грозный, 2019. 19 с.
4. Афанасьев В.Я., Грабчак Е.П., Корытный М.А., Мищеряков С. В., Черезов А.В., Человеческий капитал для цифровой модернизации экономики // Управление. 2019. № 2.
5. Бондаренко О.В. Формирование профессионально значимых качеств студентов – будущих специалистов по сервису и туризму: дис. … кандидата педагогических наук: 13.00.08. Ставрополь, 2006. 167 с.
6. Галанин Ю.Г. Социальное партнёрство вуза и гостиничного предприятия в профессиональной подготовке туристских кадров: дис. … кандидата педагогических наук: 13.00.08. М., 2011. 192 с.
7. Гринь С.В. Формирование профессионально-информационной культуры специалистов по сервису и туризму в образовательном процессе вуза, 2010 г.
8. Ердакова В.П. Вектор на повышение отраслевого кадрового потенциала, как условие развития туризма в России // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. 2024. №1 (21). С. 12–23.

9. Жукова М.А., Жуков В.А., Цаболова О.Р. Перспективы развития отечественного гостиничного бизнеса и подготовки кадров // Управление. 2023. № 3. С. 15–27.

10. Иванова С.С. Искусство подбора персонала. М.: Альпина Паблишер, 2015.

11. Кибанов А.Я. Управление персоналом в России: теория, отечественная и зарубежная практика. Кн. 2: монография / А.Я. Кибанов и др.; под ред. А.Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 2014. 283 с.

12. Курдакова М.Е. Педагогическая технология формирования профессиональной компетентности будущих специалистов гостиничного сервиса, 2006 г.

13. Матвеева Л.Д., Борнеман Е.П. Социальные предпосылки актуализации системы подготовки будущих специалистов гостиничного сервиса // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2021. №4 (38). С. 148–156.

14. Морозова Н.С. Взаимодействие вузов и работодателей по подготовке кадров для индустрии туризма // Профессиональное образование в сфере туризма как условие повышения качества туристских услуг: Материалы международной научно-практической конференции. Москва: ФГБОУ ВПО «РГУТИС». 2012. С. 219–224.

15. Наумова Г.Р. Развитие общих компетенций в профессиональной подготовке специалистов гостиничного сервиса: дис. … кандидата педагогических наук: 13.00.08. Екатеринбург, 2012.

16. Официальный сайт Новостей. Новые реалии гостиничного рынка России. Июль 2022. URL: http:// www.logistics.ru.

17. Официальный сайт Правительства РФ. Дмитрий Чернышенко: Более 73 тыс. бюджетных мест выделено в колледжах и вузах для студентов по специальностям в сфере туризма и гостеприимства. URL http://government.ru/news/52474/.

18. Официальный сайт. Известия URL: https://iz.ru/1858804/2025-03-24/v-rossii-nacali-gotovit-masstabnye-izmenenia-v-obrazovanii-v-sfere-turizma.

19. Официальный интернет-портал правовой информации. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2024 № 1951 «Об утверждении Положения о классификации средств размещения». URL http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412310014.

20. Официальный сайт Правительства РФ. Постановлении Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему улучшению обслуживания населения в гостиницах РСФСР». URL http://government.ru/docs/all/125591/.

21. Осин В.С. Профессиональная подготовка студентов к управлению персоналом в сфере гостеприимства, 2002 г.

22. Официальный сайт Правительства РФ. Приказ Министерства жилищно-коммунального хозяйства были утверждены «Квалификационные характеристики должности диспетчера по приёму и обслуживанию граждан в гостинице». URL: http://government.ru/docs/all/125591/.

23. Сандлер Д.Г. Стратегии повышения конкурентоспособности российского высшего образования на основе обеспечения экономической устойчивости университетов: дис. … доктора экономических наук: 08.00.10. М., 2023. 611 с.

24. Селезнева А.А. Реализация стратегии подготовки кадрового потенциала индустрии гостеприимства // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2019. № 2. С. 153–158.

25. Семенова Л.В. К вопросу о формировании принципов профессионального образования сферы гостеприимства // МНИЖ. 2022. №3-3 (117). С. 86–89.

26. Сербина Н.В., Малыгина О.Г. Управление личностным развитием как фактор удержания сотрудников в организации // Лидерство и менеджмент. 2023. Т. 10. № 4. С. 1323–1336.

27. Сеселкин А.И. Диверсификация профессионального туристского образования: дис. … доктора педагогических наук: 13.00.08. М., 2005.

28. Стрельников А.В. Организационно-экономический механизм обеспечения конкурентоспособности образовательных услуг вузов, занимающихся подготовкой кадров для сервиса и туризма: дис. … кандидата экономических наук: 08.00.05. М., 2012. 232 с.

29. Сысова Е.Л., Мусоян В.А. Возможности карьерного роста и профессионального развития в гостиничных организациях // Вестник индустрии гостеприимства : международный научный сборник. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2016. С. 35–43.

30. Тимохина Т.Л. Технологическая подготовка студентов туристского вуза в области гостиничного сервиса: дис. … кандидата педагогических наук: 13.00.08. М., 2009. 27 с.

31. Федулин А. А. Туристское образование: новые горизонты развития // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. №1. С. 72–76.

32. Филатов А.В. Методика профессиональной подготовки специалистов для сферы гостеприимства на базе учебно-производственных комплексов : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.08. Москва, 2001. 166 с.

33. Филатова М.С., Дехтярь Г.М., Авилова Н.Л., Чурилина И.Н. Персонал как драйвер инновационного развития гостиничных компаний: подходы к определению роли и методов управления // Современные проблемы сервиса и туризма. 2020. № 4. С. 44–56.

34. Цаболова О.Р., Цунаева Ю.О. Особенности подготовки управленческих кадров для Отечественной индустрии туризма и гостеприимства в новых реалиях // Олимпийское наследие и крупномасштабные мероприятия: влияние на экономику, экологию и социокультурную сферу принимающих дестинаций: материалы XIV Международной научно-практической конференции. Сочи: Сочинский государственный университет, 2023. С. 115–119.

35. Чабанюк О.В. Проблема трудоустройства специалистов сферы гостеприимства: экономические аспекты // Вестник МФЮА. 2022. № 2. С. 185–189.

36. Чебыкина О. Кто работать-то будет? URL: https://www.dk.ru/news/237181228

37. Шкуратова Ж.В., Рубан Д.А. Проблема накопления интеллектуального капитала в Российской индустрии гостеприимства // Крымский научный вестник. 2020. № 4 (29). С. 24–31.

38. Шуляк Н.Н. Формирование полифункциональной профессиональной компетентности менеджеров гостиничного хозяйства малого бизнеса санаторно-курортного региона в вузе: дис. … кандидата педагогических наук: 13.00.08. М., 2008. 24 с.

39. Элиарова Т.С. Содержание и организация профессиональной подготовки специалистов для предприятия сферы гостеприимства: дис. … кандидата педагогических наук: 13.00.08. М., 2001. 187 с.

40. Chung K.Y. Hotel management curriculum reform based on required competencies of hotel employees and career success in hotel industry // Department of Hotel and Tourism Management. 1999. P. 473–487.

41. Dewey J. Experience and education. New York: Macmillan Publishing Company. 1938.

42. Evans N. Experiential learning for all. London : Cassell, 1994. p.

43. Olsen M.D., Reid R.D. How to judge the hospitality program // The Cornell Hotel and Restaurant Administration Quarterly. 1983. Vol. 24 (2). P. 37–40.

44. Riegel C.D., Dallas M. Hospitality and tourism: Careers in the world's largest industry. Council on Hotel Restaurant and Institutional Education (ed.). A guide to Collage Programs in Culinary Arts. Hospitality and Tourism (6th ed.). New York: John Wiley and Sons, 1999.

45. Ritchie J. R. B. Design and development of tourism: Hospitality management curriculum // Tourism Recreation Research. 1995. Vol. 20(2). P. 7–13.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/strategiya-diversifikaczii-ekonomiki-regiona-na-primere-ulyanovskoj-oblasti/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 332.1
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_117



СТРАТЕГИЯ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Копытов А.В., *аспирант института экономики и бизнеса, Ульяновский Государственный Университет, г. Ульяновск, Россия*

Аннотация. Целью статьи является изучение стратегий диверсификации экономии регионов и предложения по повышению устойчивости развития региональной экономики на примере Ульяновской области. В статье было установлено, что диверсификация экономики региона экономики – это стратегия разнообразия и расширения экономической деятельности в рамках конкретного региона с целью снижения зависимости от отдельных отраслей или ресурсов. В статье рассматриваются различные подходы к диверсификации, такие как развитие новых отраслей, модернизация существующих секторов, стимулирование инноваций и развитие сферы услуг. Подчеркивается роль органов власти и бизнес-сообщества в поддержке диверсификации экономики региона посредством экономической политики, финансирования и создания благоприятной бизнес-среды. Рассмотрены причины, по которым диверсификация становится важной стратегией, Ульяновской области позволяющей устранить риски, связанные с зависимостью от определенных отраслей, и создающей более стабильную экономическую ситуацию. В статье были определены структуры, способствующие повышению конкурентоспособности Ульяновской области и созданию новых возможностей для экспорта, привлечения инвестиций и создания рабочих мест. Автор сделал вывод о важности стратегии диверсификации Ульяновской области для повышения стабильности, снижения рисков и стимулирования развития региона.

Ключевые слова: стратегия диверсификации, экономика региона, инвестиции, Ульяновская область.

THE STRATEGY OF ECONOMIC DIVERSIFICATION OF THE REGION ON THE EXAMPLE OF THE ULYANOVSK REGION

Kopytov A.V., *Postgraduate Student at the Institute of Economics and Business, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia*

Abstract. The purpose of the article is to study strategies for diversifying regional economies and increasing the sustainability of the regional economy using the example of the Ulyanovsk region. The article found that economic diversification in a region of the economy is a strategy for the diversity and expansion of economic activity within a particular region in order to reduce dependence on individual industries or resources. The article discusses various approaches to diversification, such as the development of new industries, the modernization of existing sectors, the promotion of innovation and the development of the service sector. The role of government authorities and the business community in supporting the diversification of the region's economy through economic policy, financing and the creation of a favorable business environment is emphasized. The reasons why diversification is becoming an important strategy in the Ulyanovsk region, which makes it possible to eliminate the risks associated with dependence on certain industries and creates a more stable economic situation, are considered. The article identifies structures that contribute to improving the competitiveness of the Ulyanovsk region and creating new opportunities for exports, attracting investment and creating jobs. The author concluded that the strategy of diversification of the Ulyanovsk region is important for increasing stability, reducing risks and stimulating the development of the region.

Keywords: diversification strategy, regional economy, investments, Ulyanovsk region.

JEL classification: R13, R58, O18.

Для цитирования: Копытов А.В. Стратегия диверсификации экономики региона на примере Ульяновской области // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 117–128. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_117.

Статья поступила в редакцию: 06.06.2025 г. Одобрена после рецензирования: 16.06.2025 г. Принята к публикации: 17.06.2025 г.

For citation: Kopytov A.V. The strategy of economic diversification of the region on the example of the Ulyanovsk region // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 117–128. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_117.

The article was submitted to the editorial office: 06/06/2025. Approved after review: 16/06/2025. Accepted for publication: 17/06/2025.

Введение

В настоящее время на развитие региональной экономики России заметное влияние оказывают процессы деглобализации и фрагментации. Указанные трансформации способствуют формированию новых сфер хозяйственной деятельности и внедрению принципиально иных подходов к ведению бизнеса на региональном уровне. Региональное развитие осуществляется в условиях преодоления факторов, сдерживающих устойчивый экономический рост. Существенная часть проблем региональных экономик связана не только с общими макроэкономическими показателями, но и с дисбалансом в отраслевой структуре, где преобладают сырьевые сектора. Опыт успешных в экономическом плане регионов и региональных комплексов России свидетельствует, что для выхода из кризиса данные регионы используют разнообразные стратегии. Например, Нижегородская область, которой в мае 2022 года, прогнозировали снижение экономики на 7,8% по сравнению с 2021 годом, по итогам 2022 года экономика области показала положительную динамику.

Прирост ВРП составил 0,1%, что произошло благодаря стратегии диверсификации экспортных рынков. Нижегородская область переориентировала поставки с ЕС на Азию и СНГ. Основной акцент был сделан на машиностроении (ГАЗ, судостроение) и химической продукции. В 2024 году экспорт в Китай вырос на 15% по сравнению с 2022 годом [1]. Республика Татарстан, реализуя с 2022 года стратегию импортозамещения, сосредоточила усилия на химической и нефтехимической промышленности, а также машиностроении, что привело в 2024 году к тому, что ВРП достиг 5 трлн рублей, что почти на 1 трлн больше, чем прогнозировали власти республики в декабре 2023 года [2].

Но не всем регионам России удалось справиться с внешними вызовами, так санкции 2022 года вызвали спад ВРП Ульяновской области из-за сокращения экспорта машиностроения (-16,7%) и роста издержек в промышленности (+15-25%). Частичное восстановление в 2024 году связано с переориентацией торговли на Азию и субсидиями (5 млрд рублей в 2022 году), но низкий рост (+0,5%) указывает на ограниченную адаптивность выбранной стратегии развития экономики в данный период. В настоящий момент, устойчивость экономики Ульяновской области поддерживается внутренним спросом, субсидиями и переориентацией торговли, но без усиления адаптивных мер (импортозамещение, диверсификация) дальнейшее давление может превысить предел прочности, приведя к кризису [3].

Стратегия только тогда становится успешной, когда она соответствует определенному региону и учитывает его специфику, а также потенциал развития региона. Одной из наиболее успешных стратегий, которая способна не только учитывать специфику регионов, но и способствовать их противостоянию современным вызовам является стратегия диверсификации, которая должна предусматривать выбор оптимальных направлений повышения конкурентоспособности в региональном пространстве.

Исходя из проблем, с которыми сталкиваются регионы России приоритетной стратегией регионального развития может стать ускоренная диверсификация экономики региона. Тем не менее, важно понимать, что кардинально изменить структуру экономики мгновенно невозможно в силу того, что в определенных регионах, например, слишком большую долю занимают газовая, угольная, металлургическая, лесная промышленность, которые также составляют основу совокупного объема экспорта страны. Поэтому диверсификацию экономики региона представляется целесообразным проводить в постепенно, избегая негативных последствий со стороны социальной сферы.

Таким образом, целью статьи является изучение стратегий диверсификации экономии регионов и предложения по повышению устойчивости развития региональной экономики на примере Ульяновской области экономике, основанной на знаниях, основным фактором обеспечения конкурентоспособности является создание инноваций на основе результатов научных исследований, которые оформляются в качестве объектов интеллектуальной собственности. Интеллектуальная собственность играет важную роль в обеспечении конкурентоспособности современных предприятий, поэтому ее интеграция в коммерческую деятельность является сущностью инновационной работы. Для эффективного развития и поддержания конкурентоспособности на рынке каждая компания должна сосредоточиться на создании инноваций и внедрении инновационных решений, а также уметь защищать результаты своей деятельности.

Обзор литературы

Проблема диверсификации экономики регионов изучается и исследуется многими учеными и экономистами в области региональной экономики. Самые всемирно известные исследователи, занимавшиеся проблемой диверсификации региональной экономики: Майкл Портер – американский экономист, автор концепции конкурентных преимуществ регионов (кластеров) и исследователь диверсификации экономики, его работы [4] содержат много полезных идей по диверсификации региональной экономики. Ричард Флорида – американский социолог и экономист, исследует вопросы диверсификации экономики и вовлеченности высококвалифицированных работников в регионы [5]. Энрико Моретти – итальяно-американский экономист, специализирующийся в области региональной экономики и трудовой мобильности [6], его исследования посвящены взаимосвязи между инновациями, ростом и диверсификацией экономики регионов. Джейн Джейкобс – канадско-американский писатель и активист, известная своими работой о городской жизни и развитии, ее работе о разнообразии и взаимодействие различных отраслей и предприятий в городской среде влияют на исследования в области диверсификации региональной экономики [7].

В настоящий момент проблематика стратегии диверсификации экономика региона является актуальным направлением научной дискуссии

российских ученых. В.Я. Ахметов, Э.А. Диваева обосновывают целесообразность применения стратегии диверсификация для экономики Республики Башкортостан, так как именно данная стратегия, по их мнению, является приоритетным направлением устойчивого развития [8].

И.В. Гришина, А.О. Полынев и А.А. Угрюмова в своем исследовании, проведя анализ данных Росстата и расчета индекса диверсификации отмечают положительном влиянии стратегии диверсификации на рост экономики региона [9]. Ю.С. Жукова в своей статье проводит сравнение регионов России по среднему объему ВРП на душу населения и по объему инвестиций. Автор, на основании проведенного анализа регионов указывает на то, что на современном этапе, когда на экономику регионов России влияют санкции западных стран, именно стратегия диверсификации способствует росту показателей экономики регионов [10].

В статье О.Б. Скрипника проводится анализ ВВП России, а период воздействия ограничительных мер на экономику России. С точки зрения автора, обеспечить экономическую безопасность экономики России, можно только при условии реализации стратегии диверсификации экономики России, поскольку именно данная стратегия может помочь как экономики России в целом, так и ее регионам в частности адаптироваться к вызовам внешней среды, тем самых смягчив их влияние на экономику [11].

Как указывает К.А. Кирсанов, санкции западных стран, а также, оказываемое постоянное давление на стратегических партнеров России и попытка изолировать Россию и ее граждан от остального мира, приводят к снижению социально-экономического развития регионов России. Автором, на основании изученного мирового опыта и проведенного исследования экономики Калининградской области, определено, что для обеспечения устойчивого развития экономики российских регионов в условиях западных санкций, необходимо применение стратегии диверсификации. Также автор отмечает, что нет единого определения «диверсификация экономики региона», которое бы отражало признаки данного определение, а также ключевые установки данного процесса [12].

Анализ научных источников указывает, на обоснованность применение стратегии диверсификации экономики, однако в экономической литературе не до конца изучены вопросы о важности применения стратегии диверсификации для регионального развития в условиях санкций западных стран, кроме того, нет единого понятия «диверсификация экономики региона», что во многом затрудняет проведения исследований в данной области. Можно также сказать, что стратегии диверсификации должны учитывать уникальные особенности регионов. Здесь имеет место быть ограниченность подходов, которые рассматривают все регионы в целом.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют анализ сравнение и обобщение существующих подходов к определению «диверсификация экономики региона» как российских, так и зарубежных ученных. Также был

проведен анализ статистических данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и отчётов Министерства экономического развития и промышленности Ульяновской области за 2023–2024 гг.

Результаты и обсуждение

Диверсификация региональной экономики является стратегическим подходом, направленным на разнообразие и расширение экономической деятельности в рамках конкретного региона с целью развития различных отраслей, секторов и индустрий, чтобы уменьшить зависимость региона от одного или нескольких основных источников дохода. В современной экономической литературе существует большое количество разнообразных подходов к определению сущности диверсификации (таблица 1).

Таблица 1

Научные подходы к определению содержания понятия «диверсификация экономики регионов»

Автор	Трактовка определения
М. Портер [4]	Процесс развития новых отраслей и продуктов, способных увеличить количество и качество рабочих мест, повышение доходов и улучшить конкурентоспособность региона
Р. Флорида [5]	Разнообразие отраслей и секторов экономики в регионе, которые способствуют притоку креативного класса, стимулируют инновации и создают благоприятную среду для развития городской жизнь.
Э. Морекkиа [6]	Процесс развития новых отраслей и индустрий, способных увеличить экономическую активность, привлечь инвестиции и улучшить конкурентоспособность региона
Дж. Джейкобс [7]	Создание и поддержание разнообразия экономической активности в городе или регионе, где различные отрасли и предприятия взаимодействуют и поддерживают друг друга, способствуя экономическому росту и процветанию.
М.М. Авезова [13]	Понятие, охватывающее, три основных аспекта: разделение труда в глубину и ширину, специализацию и расширение объектов производственной деятельности, реагирования и адаптацию экономической системы к технологических, экономических и социальных изменений
Е.А. Олейник [14]	количественные и качественные структурные преобразования экономики направлены на повышение эффективности функционирования приоритетных сфер хозяйствования и связанных с ним видов экономической деятельности, которые вызывают мультипликационный эффект в сфере производства, занятости, доходах и уровне жизни населения.

Источник: составлено автором

Эти определения отражают общую идею диверсификации как стратегического подхода к разнообразию и расширению экономической активности в регионе. Таким образом, стратегия направлена на:

– снижение экономической уязвимости: диверсификация позволяет регионам сглаживать колебания экономической активности, поскольку изменения в отрасли или секторе компенсируются развитием других;

– повышение конкурентоспособности: регионы, владеющие разнообразным экономическим портфелем, обеспечивают себе преимущество в условиях глобализации и быстро меняющейся экономической среды;

– создание новых рабочих мест: диверсификация экономики ведет к появления новых отраслей, что способствует созданию новых рабочих мест и улучшению жизненного уровня населения.

На основании изучения основных подходов к определению диверсификация экономики региона» была предложена авторская формулировка данного понятия. Диверсификация экономики региона – это стратегия, направленная на разнообразие и расширение экономического портфеля региона, имеющего решающее влияние на развитие различных отраслей и секторов экономики, и даже расширение спектра товаров и услуг, произведенных и предложенных в регионе.

Основная цель диверсификации заключается в снижении зависимости региональной экономики из ограниченного числа отраслей и источников дохода. Когда экономика сосредоточено в основном вокруг одного или нескольких узкоспециализированных секторов, она становится уязвимой перед различными внешними и внутренними факторами, такими как изменения в мировом спросе, конкуренция, изменение технологических трендов, природные катаклизмы. В случае кризиса или изменения условий регион теряет значительный экономический потенциал.

Диверсификация региональной экономики предусматривает развитие нескольких отраслей и секторов, которые будут дополнять друг друга и будут обеспечивать более устойчивый и уравновешенный рост. Например, регион, который зависит от добычи и экспорта одного типа сырья, может развивать производство товаров на его основе, разработку соответствующих технологий, а также различные сферы услуг, связанные с этой отраслью. Другой подход к диверсификации заключаться в развитии новых отраслей с высоким потенциалом роста и инноваций, что станет новыми источниками дохода для региона.

Внешнее давление, оказываемое на Россию в последние годы, привело к тому, что повысилось стоимость и риски поставок сырья и материалов, которые необходимы для функционирования экономики регионов России.

Например, Ульяновская область под воздействием санкционного давления, начавшегося в 2014 году и резко усиленного в 2022 году, произвела значительный структурный сдвиг, отражающий утрату сбалансированности между отраслями и усиление зависимости от ограниченного числа секторов. Этот процесс связан с сокращением роли высокотехнологичных и экспортно-ориентированных отраслей, таких как машиностроение, при одновременном росте значения менее капиталоёмких и низкотехнологичных направлений, таких как сельское хозяйство и торговля.

Проведенный автором данной статьи, анализ статистических данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [15] и отчётов Министерства экономического развития и промышленности Ульяновской области за 2022–2024 гг. [3] позволил сделать следующие выводы.

Сокращение импорта Ульяновской области с 630 млн долларов в 2021 году до 550 млн долларов в 2024 году (-12,7%), включая спад поставок комплектующих (-20%) для машиностроения, где импорт составляет 30–40% себестоимости (авиастроение – 40%, автомобилестроение – 30%), привело к спаду производства. Основная причина – нехватка электронных компонентов (чипы, системы управления), импортируемых из стран Запада.

По данным Министерства экономического развития Ульяновской области, доля импортных комплектующих в производстве ПАО «УАЗ» составляла около 30%, что увеличило издержки на 15–20% из-за необходимости поиска альтернативных поставщиков, и сократило выпуск продукции [3]. Так ПАО «УАЗ», производитель внедорожников и лёгких коммерческих автомобилей, снизил выпуск с 38 тыс. автомобилей в 2021 году до 33,4 тыс. в 2022 году, а в 2023 году выпуск составил всего 27,9 тыс. автомобилей, несмотря на рост в 2024 до 31,3 тыс. автомобилей, данным показателям далеко до выпуска 2021 года (рис.1).

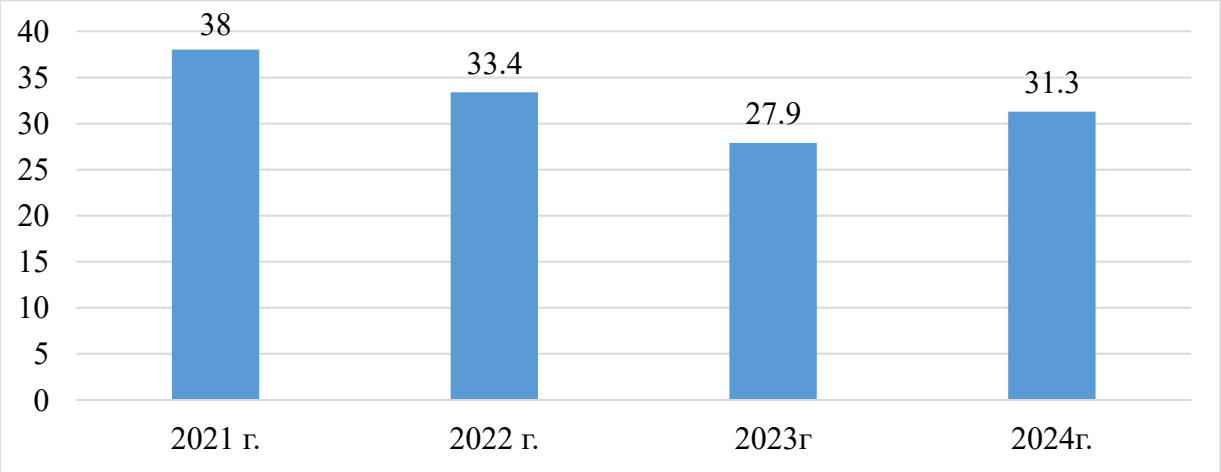


Рис. 1. Выпуск автомобилей ПАО «УАЗ» за 2021–2024 гг., тыс. шт.

Источник: составлено автором по данным [15]

А так как машиностроение является ключевой подотраслью ВРП Ульяновкой области, на которую приходится более 50% промышленного производства, то сокращение импорта отразилось на динамике ВРП (рисунок 2).

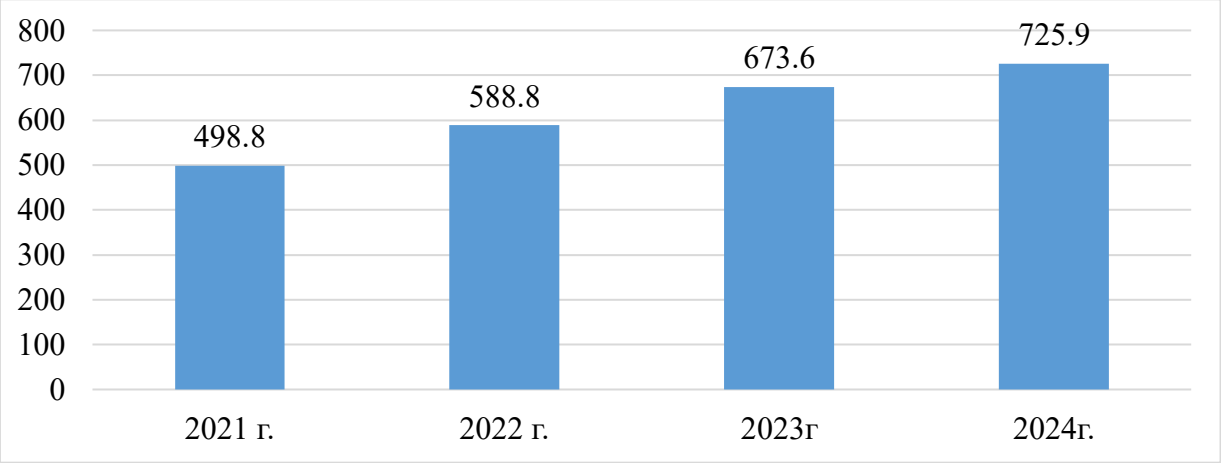


Рис. 2. Объем ВРП Ульяновской области в 2021–2024 гг., млрд рублей

Источник: составлено автором по данным [3]

Согласно рис.2. темп рост в 2024 году по сравнению с 2023 годом, составил 7,8%, что ниже темпа роста в 2023 году по сравнению с 2022 годом (14,4%). До 2022 года экспорт ПАО «УАЗ» в страны Восточной Европы составлял 30%, закрытие западных рынков, сильно ударило не только по отрасли машиностроения, но и по ориентированным на экспорт производствам, таким, как Ульяновский патронный завод или Инзенский деревообрабатывающий завод. Кроме того, сокращение машиностроения привело к снижению экспорта [3].

Экспорт промышленной продукции, составляющий значительную часть внешнеторгового оборота региона, сократился на 16,7% в 2024 году (с 780 млн. долл. в 2022 году до 650 млн долл. в 2024 году), что связано с потерей западных рынков, на которые в 2021 году приходилось около 20% экспорта машиностроения. Переориентация на рынки Азии и СНГ (доля выросла с 70% до 80%) частично компенсировала потери, но потребовала адаптации продукции и логистики, что снизило рентабельность на 10% в 2024 году.

Кроме того, объем инвестиций в основной капитал в 2024 году сократился на 16,3 млрд. рублей по сравнению с 2023 годом (рис. 3).

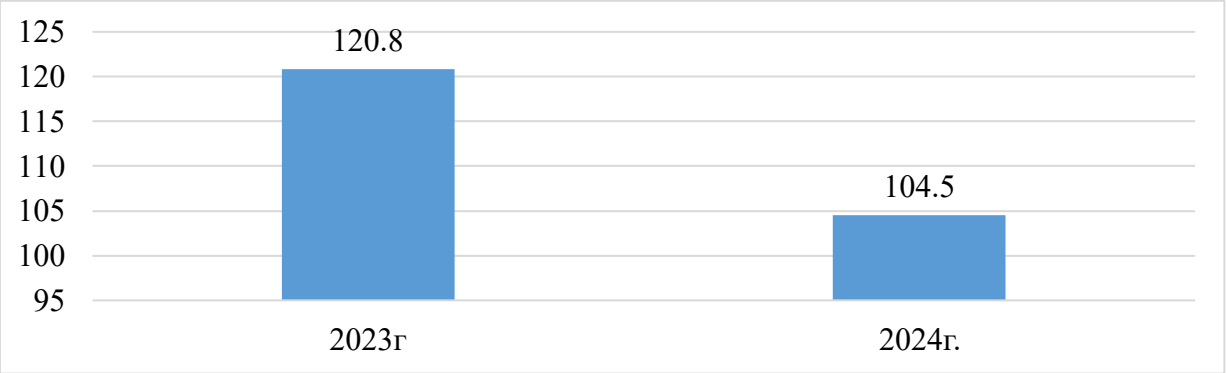


Рис. 3. Объём инвестиций в основной капитал, в 2023–2024 гг., млрд рублей

Источник: составлено автором по данным [3]

Таким образом, снижение вклада машиностроения в ВРП и снижение инвестиций в промышленность и привело к ограничению развития высокотехнологичных секторов и усилению зависимости от низкотехнологичных секторов. Доля сельского хозяйства, лесного хозяйства и рыболовства в структуре ВРП выросла до 10% в 2024 году, хотя ранее составляла не более 9% (рис.4).

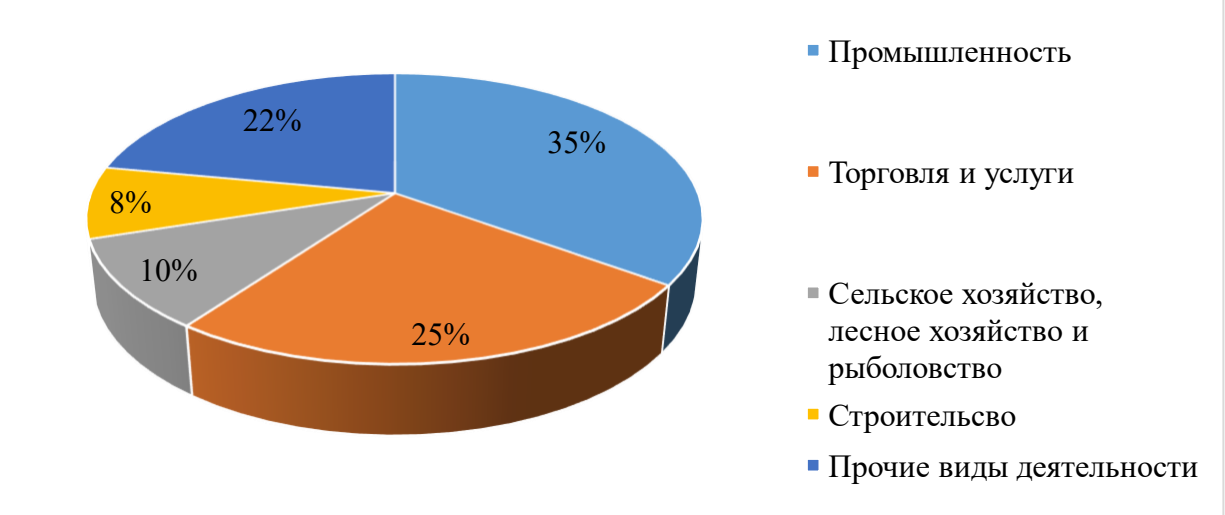


Рис. 4. Структура ВРП Ульяновской области за 2024 год

Источник: составлено автором по данным [3]

Торговля и услуги – с 22% в 2022 году выросли до 25% в 2024 году. до 26%. В номинале вклад торговли и услуг – с 63,2 млрд рублей до 161,2 млрд рублей. Следовательно, экономика Ульяновской области под воздействием санкций характеризуется сокращением роли машиностроения и высокотехнологичных отраслей из-за спада экспорта, и ограниченного канала импорта, что привело к усилению зависимости от сельского хозяйства, торговли и услуг, которые хотя компенсирует потери, но увеличивает концентрацию в низкотехнологичных секторах с меньшей добавленной стоимостью.

На основании полученных результатов, была предложена стратегия диверсификации для Ульяновской области, которая будет направлена на повышение высокотехнологичных и экспортных отраслей в экономике региона путем повышения импортозамещения, внедрения инновационных цифровых инструментов и технологической модернизации отрасли машиностроения.

Машиностроение является ведущей отраслью Ульяновской области, обеспечивающей более 88 000 рабочих мест (14,4% от общей занятости в регионе) в 2024 году Она включает два основных направления: авиастроение (Ключевой игрок – АО «Авиастар-СП», выпускающее транспортные самолеты [3]) и автомобилестроение, как отмечали выше данная отрасль столкнулась с рядом трудностей, поэтому для преодоления текущих вызовов и реализации потенциала машиностроения предлагаются следующие меры в рамках реализации стратегии диверсификации:

1. Увеличение объемов производства.

Цель: достичь выпуска более 15 самолетов и 40 000 автомобилей ежегодно к 2027 году.

Меры:

Выделение субсидий на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в размере 1 млрд рублей ежегодно для разработки отечественных технологий. Это позволит снизить импортозависимость с текущих 30–40% до 25%.

Кооперация с Самарской областью (например, через ОЭЗ «Тольятти») для поставки комплектующих (двигатели, запчасти для ПАО «УАЗ»), что сократит издержки на 10-15%.

2. Модернизация оборудования.

Цель: снизить износ оборудования с 50% до 40%, что повысит производительность труда на 10% (с текущих показателей до 2,1 млн рублей на человека в год), что потребует инвестиций 3 млрд. рублей до 2027 года.

3. Экспортная переориентация.

Цель: переход на рынки Азии (Китай, Индия) и СНГ (Казахстан).

Выделение субсидий на логистику в размере 500 млн рублей, что увеличит экспорт на 10–15% (до 500–520 млн долларов) к 2027 году.

Ожидаемый эффект:

– экономический рост: Увеличение вклада машиностроения в ВРП на 5-7 млрд. рублей ежегодно;

– социальный эффект: Создание 2000-3000 новых рабочих мест в машиностроении и смежных отраслях.

Таким образом, предложенные меры в рамках стратегии диверсификации позволяют Ульяновской области преодолеть текущие санкционные вызовы и выйти на траекторию устойчивого роста к 2027 году.

Заключение

В процессе исследования автором было выявлено, что стратегия диверсификация приносит ряд преимуществ для регионов, включая увеличение рабочих мест, развитие новых отраслей, повышение уровня жизни населения, привлечение инвестиций и разнообразие экономической активности В статье автором был проведен анализ социально-экономического положения Ульяновской области под воздействием санкций, на основании которого была предложена стратегия диверсификации, которая включала себя следующие направления: повышения импортозамещения, внедрения инновационных цифровых инструментов и технологической модернизации отрасли машиностроения. Дальнейшие исследования в этой области будут способствовать более эффективной реализации стратегии диверсификации и устойчивому развитию Ульяновской области.

Литература

1. Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года. URL: https://strategy.nobl.ru/assets/content/main/proyekt-strategii-nizhegorodskoy-oblasti-2035.pdf?ysclid=mbsqoly6o28312006.

2. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан на период до 2030 г. URL: http:// www.garant.ru.

3. Стратегия социально-экономического развития Ульяновской области до 2030 года, утвержденная постановлением Правительства Ульяновской области от 13.07.2015 N 16/319-П (редакция от 04.04.2025). URL: https://ekonom73.ru.

4. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations // Harvard Business Review. 1990. Vol. 68. № 2. P. 73–93.

5. Florida R. The Rise of the Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. New York: Perseus Book Group, 2002. 168p.

6. Moretti Enrico. The new geography of jobs. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2012. 294 p.

7. Jacobs J. Cities and the wealth of nations. New York: Random House, 1984. 257 p.

8. Ахметов В.Я. Диверсификация экономики сельских территорий как фактор их устойчивого развития (на примере юго- и северо-восточных районов Республики Башкортостан) // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 5. С. 1–11.

9. Гришина И.В., Полынев А.О., Угрюмова А.А. Влияние диверсификации экономики на производительность труда в российских регионах // Регионология. 2024. Т. 32. № 4. С. 24–45.

10. Жукова Ю.С. Актуальные проблемы диверсификации экономики на региональном уровне // Вестник Вятского ГАТУ. 2023. № 2. С. 10–23.

11. Скрипник О.Б. Стратегия диверсификации экономики России как инструмент управления рисками экономической безопасности // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 4. С. 789–800.

12. Кирсанов К.А. Диверсификация экономики региона как инструмент его социально-экономического развития в условиях международных экономических санкций // Экономика и предпринимательство. 2024. № 12 (161). С. 663–669.

13. Авезова М.М. Приоритетные направления повышения диверсификации экономики региона // Управление. 2021. Т. 9. № 1. С. 1–15.

14. Олейник Е.А. Развитие, инновации и диверсификация регионов // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2020. № 1. С. 133–135.

15. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ульяновской области. URL: https://73.rosstat.gov.ru/about.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/mehanizm-vnedreniya-proczessnyh-innovaczij-v-tekushhuyu-deyatelnost-aviakompanij/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 339.137.22:656.7
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_129



МЕХАНИЗМ ВНЕДРЕНИЯ ПРОЦЕССНЫХ ИННОВАЦИЙ В ТЕКУЩУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АВИАКОМПАНИЙ

Яшин С.Н., *доктор экономических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия*

Капарулин Д.Л., *соискатель, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия*

Аннотация. Целью статьи является уточнение понятия процессных инноваций для компаний сферы услуг, рассмотрение их отличительных особенностей и формулирование механизма внедрения процессных инноваций в организационную структуру организации на основании особенностей их жизненных циклов. Актуальность поставленной цели обусловлена тем, что внедрение инноваций представляет собой необходимое условие для выживания и развития любой организации. Процессные инновации в широком смысле – это нововведения, приводящие не к созданию нового продукта, а к введению новых подходов, технологий в существующие процессы создания продукта или услуги. Внедрение процессных инноваций в деятельность компаний, работающих в сфере предоставления услуг, существенно отличается от производственных предприятий, что связано с отсутствием прямого влияния на себестоимость продукта. Для промышленных компаний покупка нового оборудования, организация новой технологии, что и относится к процессным инновациям, прямо влияет на структуру цены производимого изделия. В случае же компаний, продуктом деятельности которых является услуга, основным объектом для внедрения процессных инноваций являются отдельные бизнес-процессы компании. Результатом внедрения подобных инноваций является снижение переменных затрат в структуре себестоимости продукта, в основном за счет сокращения временных затрат на реализацию той или иной функции. В данной работе проблема внедрения процессных инноваций рассмотрена в контексте деятельности авиакомпаний. В результате проведенного исследования был сформулирован механизм, которым предлагается руководствоваться при внедрении процессных инноваций в существующую организационную структуру бизнес-единицы.

Ключевые слова: инновации, процессные инновации, инновационное развитие, авиакомпания, организационные инновации.

THE MECHANISM OF INTRODUCING PROCESS INNOVATIONS INTO THE CURRENT ACTIVITIES OF AIRLINES

Yashin S.N., *Doctor of Economics, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia*

Kaparulin D.L., *Applicant, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia*

Abstract. The purpose of the article is to clarify the concept of process innovations for service companies, consider their distinctive features and formulate a mechanism for introducing process innovations into the organizational structure of an organization based on the characteristics of their life cycles. The relevance of this goal is due to the fact that the introduction of innovations is a necessary condition for the survival and development of any organization. Process innovations in the broadest sense are innovations that lead not to the creation of a new product, but to the introduction of new approaches and technologies into existing processes of creating a product or service. The introduction of process innovations into the activities of companies operating in the service sector differs significantly from manufacturing enterprises, which is due to the lack of a direct impact on the cost of the product. For industrial companies, the purchase of new equipment and the organization of new technology, which refers to process innovations, directly affects the price structure of the manufactured product. In the case of companies whose product is a service, the main object for the introduction of process innovations are the individual business processes of the company. The result of such innovations is a reduction in variable costs in the cost structure of the product, mainly by reducing the time required to implement a particular function. In this paper, the problem of introducing process innovations is considered in the context of airline operations. As a result of the research, a mechanism was formulated that is proposed to guide the implementation of process innovations in the existing organizational structure of a business unit.

Keywords: innovation, process innovation, innovative development, airline, organizational innovation.

JEL classification: R10, R49, O39.

Для цитирования: Яшин С.Н., Капарулин Д.Л. Механизм внедрения процессных инноваций в текущую деятельность авиакомпаний // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 129–139. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_129.

Статья поступила в редакцию: 08.06.2025 г. Одобрена после рецензирования: 17.06.2025 г. Принята к публикации: 18.06.2025 г.

For citation: Yashin S.N., Kaparulin D.L. The mechanism of introducing process innovations into the current activities of airlines // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 129–139. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_129.

The article was submitted to the editorial office: 08/06/2025. Approved after review: 17/06/2025. Accepted for publication: 18/06/2025.

Введение

В экономике вопросам внедрения инноваций уделяется значительное внимание, поскольку они необходимы для сохранения высокой конкурентоспособности на всех уровнях рынка. В первую очередь инновационные решения воспринимаются как инструмент повышения прибыльности и доходности бизнеса. Достижение этих целей обеспечивается за счёт выхода на новые рынки, укрепления позиций на уже освоенных направлениях, повышения операционной эффективности и снижения затрат. С точки зрения государственного и муниципального управления инновационные преобразования выступают важнейшим фактором ускорения экономического роста и усиления конкурентных позиций на фоне глобализации мировых рынков.

Существует множество вариантов классификаций инноваций. Авторами работы [1] было сформулировано обобщение вариативности типов инноваций. В числе прочего выделяют продуктовые и процессные инноваций. Продуктовые – это нововведения, направленные на создание принципиально новых продуктов или на глубокую модернизацию существующих. Отличительной особенностью процессных же инноваций является ориентация на улучшение методов организации производства. В случае промышленного предприятия процессной инновацией будет, например, внедрение новой технологии производства, позволяющей существенно сократить время выпуска продукции, что приведет к уменьшению себестоимости, а значит и к росту прибыльности или к появлению более устойчивых конкурентных позиций, в зависимости от рыночных задач. Также новое технологическое решение может быть направлено на повышение качества выпускаемой продукции, а значит, повышению лояльности потребителей. Или это может быть установка более высокопроизводительного или технологичного оборудования в рамках существующей производственной цепочки с теми же целями и т.д.

В случае же компании, работающей в сфере услуг, вопрос о процессных инновациях приобретает более дискуссионный характер, в связи с отсутствием непосредственно процесса производства. Продуктом деятельности таких организаций является оказание услуги, а значит в некотором смысле «технология производства» этого продукта – это отлаженные и эффективно функционирующие бизнес-процессы компании. А результатом этого «производства» является решение клиента обратится именно к ним по тем или иным причинам. Таким образом внедрение процессных инноваций для компаний, работающих в сфере услуг, это, в первую очередь, эффективный инструмент для повышения её конкурентоспособности. При рассмотрении деятельности авиакомпаний в России, задача инновационного развития также является высокоприоритетной, что связано, в том числе, с наличием безусловного

лидера отрасли – группы компаний «Аэрофлот», что приводит к высокой конкуренции среди остальных игроков.

Таким образом, целью статьи является уточнение понятия процессных инноваций для компаний сферы услуг, рассмотрение их отличительных особенностей и формулирование механизма внедрения процессных инноваций в организационную структуру организации на основании особенностей их жизненных циклов.

Обзор литературы

С учётом географических масштабов и пространственной специфики Российской Федерации обеспечение устойчивого авиасообщения на внутренних и международных направлениях приобретает особую значимость. Несмотря на незначительную долю авиационного транспорта в общем объёме пассажирских и грузовых перевозок за последние три десятилетия (менее 1%, согласно данным таблиц 1 и 2), его роль остаётся стратегически важной.

Существенным фактором в данном контексте выступает наличие территорий с ограниченной доступностью для других видов транспорта. Воздушное сообщение характеризуется рядом преимуществ, включая высокую скорость доставки, однако сопровождается и существенными ограничениями, среди которых основным является высокая стоимость авиауслуг по сравнению с альтернативными способами перевозки.

Таблица 1

Объем перевозки грузов универсальными видами транспорта за 1992 – 2023 гг. (млн. тонн).

	1990	2000	2005	2010	2013	2015	2017	2023
Транспорт - всего	19 265	7 907	9 167	7 750	8 264	7 898	7 985	8 657
в том числе:								
Железнодорожный	2 140	1 047	1 273	1 312	1 381	1 329	1 266	1 235
автомобильный	15 347	5 878	6 685	5 236	5 635	5 357	5 447	6 225
трубопроводный	1 101	829	1 048	1 061	1 095	1 071	1 138	1 060
морской	112	35	26	37	17	19	25	33
воздушный	2,5	0,8	0,8	1,1	1,2	1,2	1,2	0,5

Источник: составлено авторами по данным [2; 3]

Таблица 2

Количество перевезенных пассажиров универсальными видами транспорта в России за 1992 – 2023 гг. (млн. чел.)

	1990	2000	2005	2010	2013	2015	2017	2023
Транспорт - всего	47 885	44 854	30 128	22 065	19 652	19 122	18 479	10 159
в том числе:								
железнодорожный	3 143	1 419	1 339	947	1 080	1 025	1 121	1 209
автомобильный	28 626	23 001	16 374	13 434	11 587	11 523	11 184	8 832
воздушный	91	23	37	59	86	94	108	105
речной	44	28	21	16	13	14	13	11
морской	9	1,1	1,3	1,5	0,5	9,6	11,7	2,8

Источник: составлено авторами по данным [2; 3]

Как уже было отмечено, внедрение процессных инноваций имеет важное значение для стратегического развития любой компании. Теоретически эти вопросы были исследованы в многих работах современных учётных. В работе [6] анализировался процесс внедрения процессных инноваций в организациях, применяющих систему менеджмента качества. Были исследованы преимущества процессных инноваций и представлен графически процесс их внедрения на примере ФДО ТОСУР.

Киселевым Р. О. [7] был рассмотрен процесс внедрения процессных инноваций в контексте цифровой трансформации. Был построен алгоритм из десяти основных шагов для повышения инновационной активности, был предложен механизм управления инновационной активностью. Кроме того, была предложена методика проведения оценки возможности осуществления компанией инноваций (рисунок 1).

Отечественными учеными были проведены также обзоры эмпирических исследований от влияния продуктовых и процессных инноваций на финансовые результаты [4] и производительность [5] компаний. В рамках этих работ были сделаны выводы об общем положительном влиянии как продуктовых, так и процессных инноваций на данные параметры, однако отмечена сложность однозначной трактовки статистических и эмпирических данных в силу влияния совокупности факторов на финансовый результат и производительность.

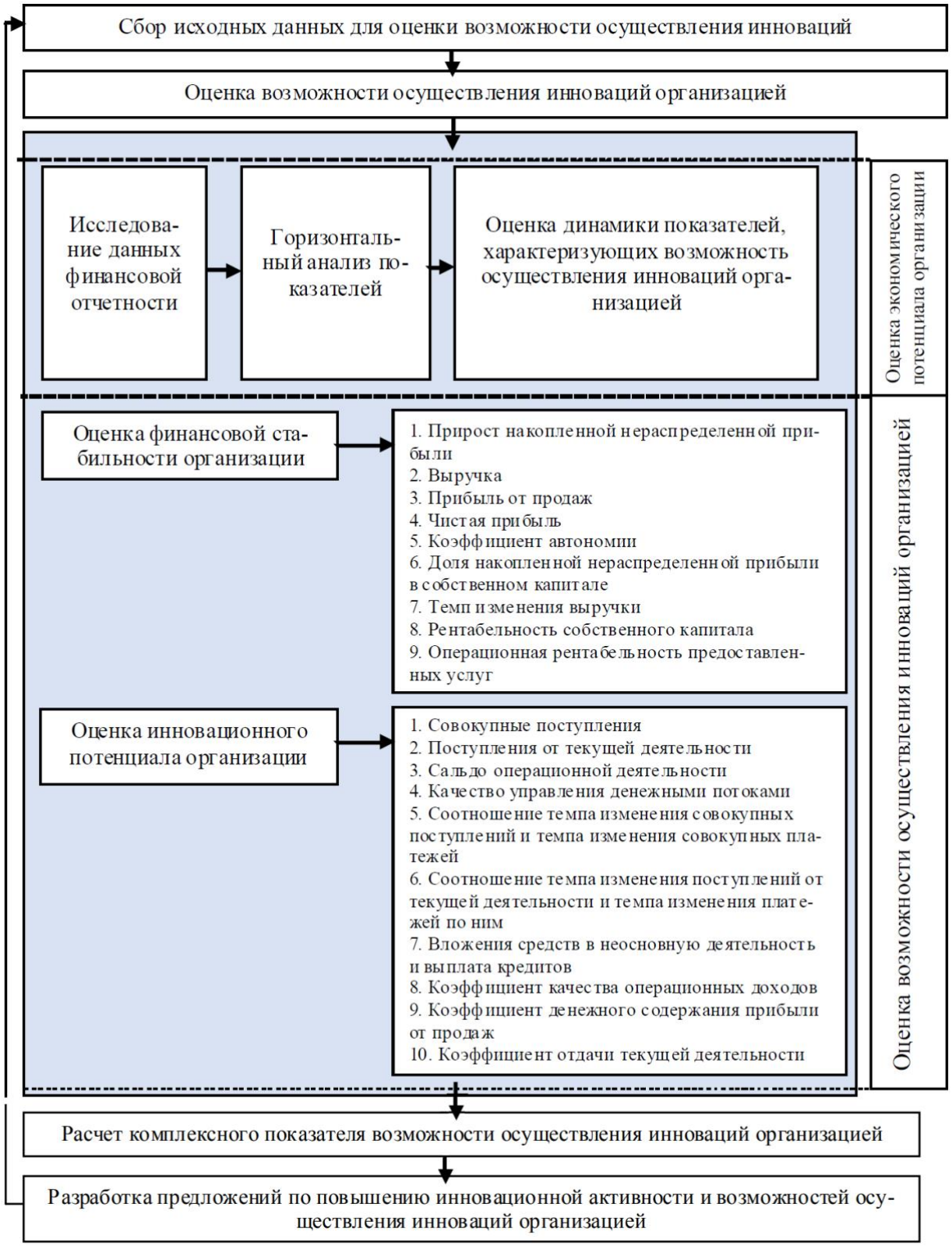


Рис. 1. Методика проведения оценки возможности осуществления компанией инноваций [7]

Источник: составлено авторами

Анализ научных источников показал, что проблеме внедрения процессных инноваций уделяется достаточное внимание со стороны современных ученых, однако специфика реализации данной задачи в рамках компаний сферы услуг изучена недостаточно.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют классические методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, институциональный, системный, процессный, функциональный подходы с учетом информационной базы исследования.

Результаты и обсуждение

Специфика процессных инноваций заключается в их точке приложения. Продуктом авиакомпании является услуга транспортировки пассажира из точки А в точку Б, а этот фактор существенно сокращает возможности для внедрения нововведений. В основном можно выделить два направления, которые наиболее целесообразно оптимизировать и улучшать применительно к сфере услуг. Это совершенствование бизнес-процессов компании с целью сокращения издержек и роста маржинальности продукта и внедрение новых цифровых решений. Цифровые решения могут быть внутреннего пользования (для оптимизации деятельности компании внутри, без клиентского интерфейса) и для внешнего пользования потребителями. Первые решения относятся фактически к направлению совершенствования бизнес-процессов, но с точки зрения цифровой трансформации, и результатом их внедрения также является сокращение переменных затрат в структуре себестоимости. Второй же тип цифровых решений ориентирован на потребителя и имеет своей задачей повышение лояльности клиентов компании.

Глобально можно выделить четыре приоритетных для инноваций направления деятельности авиакомпании:

1. Обеспечение основной деятельности (формирование расписаний, планов полетов, регистрации, обслуживанием воздушных судов и т.д.)
2. Обеспечение движения информации авиакомпания – пассажир (отслеживание багажа, логистический сервис, продажа авиабилетов и т.д.)
3. Обеспечение оперативного информационного обмена (в основном обеспечение пилотов оперативной информацией по полету)
4. Обеспечение деятельности аэропортов (управление персоналом, зданиями и т.д.)

Как уже было отмечено повышение конкурентоспособности компании на рынке – это основная цель внедрения процессных инноваций. С этой точки зрения можно представить их жизненный цикл в виде, представленном на рисунке 2.



Рис. 2. Жизненный цикл процессных инноваций как инструмента повышения конкурентоспособности

Источник: составлено авторами по данным [8 – 11]

Преимущество представленного на рисунке 2 процесса заключается в комплексности предлагаемого подхода, структурировании инновационной деятельности, ориентации её на конкретный результат в условиях контроля над ресурсами. Также стоит отметить, что особенностью реализации процессных инноваций в компаниях, работающих в сфере услуг, является возможность оперативной корректировки программы инновационного развития, что не всегда реализуемо в продуктовых инновациях [12]. Данная особенность связана с тем, что при разработке продукта как правило требуется реализовать весь цикл научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, на которые уходят значительные ресурсы, но зачастую достигается отрицательный результат [13]. В этом смысле процессные инновации менее капиталоёмкие.

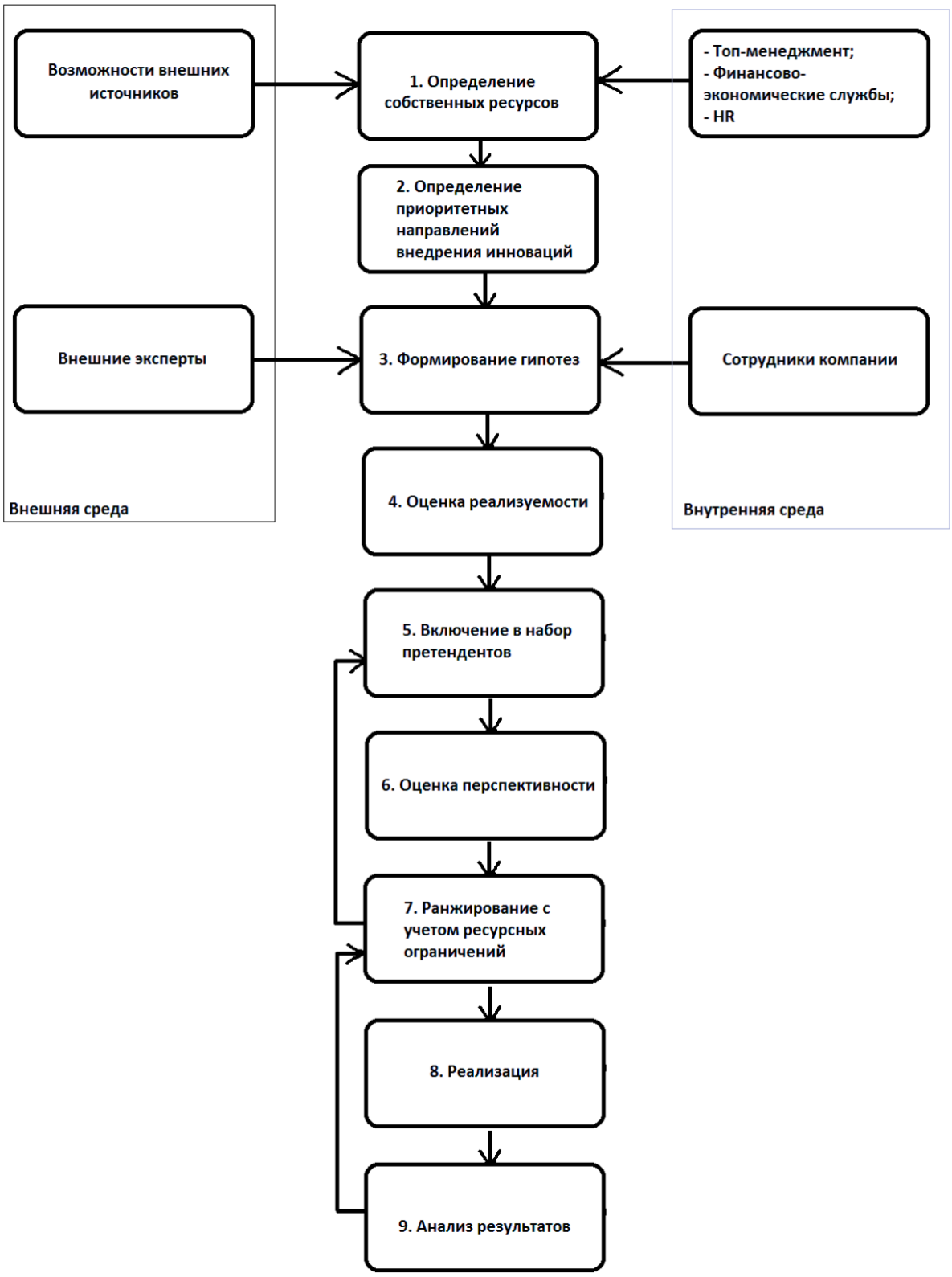


Рис. 3. Механизм внедрения процессных инноваций в организационный процесс компании, работающей в сфере услуг

Источник: составлено авторами

На рисунке 3 в центральном боксе представлены этапы, реализуемые проектной командой, в левом – внешняя среда, в правом – внутренняя среда компании, не включенная в проектную команду. Первым этапом является

определение собственных ресурсов с помощью соответствующих служб компании, определение возможности привлечения недостающих ресурсов извне. Например, привлечение кредитного финансирования, использование заделов других проектных команд, сотрудничество с научными организациями. На втором этапе определяются приоритетные направления внедрения процессных инноваций. Как уже было определено, для авиакомпаний, работающих в рыночном секторе оказания услуг таких направлений два: внедрение цифровых сервисов, что приводит в конечном счете к расширению клиентской базы и совершенствование бизнес-процессов, приводящее к сокращению издержек и, как следствие, к повышению доходности.

На третьем этапе происходит формирование гипотез, инновационных идей. Целесообразно на данном шаге привлекать внешних и внутренних экспертов в тех направлениях, которые были определены наиболее приоритетными. На четвертом этапе происходит оценка реализуемости сгенерированных идей и те гипотезы, которые будут признаны реализуемыми включаются в набор претендентов к реализации. Далее на шестом и седьмом этапах происходит оценка перспективности и ранжирование с учетом имеющихся ресурсных ограничений.

Проекты, невозможные для реализации в данный момент возвращаются в набор претендентов для рассмотрения позже. Обсчитанный и ранжированный перечень гипотез, приобретшие вид инновационного проекта, поступают в реализацию, а после проводится анализ полученных результатов параметрам изначальной бизнес-модели. В случае положительного эффекта проект далее в соответствии с рисунком 2 рекомендуется к масштабированию, в случае отрицательного эффекта – возвращается в перечень инновационных проектов для уточнения, пересмотра и, если понадобится, завершения.

Заключение

В процессе исследования авторами было уточнено понятие процессных инноваций для компаний сферы услуг, рассмотрение их отличительных особенностей и формулирование механизма внедрения процессных инноваций в организационную структуру организации на основании особенностей их жизненных циклов. В дальнейшем авторы планируют представить методики оценки реализуемости и перспективности процессных инноваций.

Литература

1. Мищенко А.А. Обобщенная классификация инноваций // Инновации в науке. 2012. № 12-2. С. 29–41.
2. Транспорт России. Информационно-статистический бюллетень. 2023 г. URL: https://mintrans.gov.ru/documents/7/13259
3. Транспортный комплекс РФ, 1990-2011. URL: http://www.ieie.nsc.ru/kazancev/BAZA/transport.pdf.
4. Орловцева О.М., Губанова О.М. Влияние продуктовых и процессных инноваций на финансовые результаты: эмпирическое исследование российских компаний // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2023. Т. 14. № 3. С. 278–291.
5. Домнич Е. Влияние продуктовых и процессных инноваций на производительность: обзор эмпирических исследований // Форсайт. 2022. Т. 16. № 3. С. 68–82.
6. Грекова А.Д. Внедрение процессных инноваций в организации, применяющей систему менеджмента качества / А. Д. Грекова // Инноватика-2024 : Сборник материалов XX Международной школы-конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск: ООО "СТТ", 2024. С. 468–472.
7. Киселев Р.О. Оценка возможности осуществления инноваций организацией, процессный подход в условиях цифровой трансформации / Р. О. Киселев // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2024. № 4 (69). С. 150–167.
8. Peterková J., Czerna, K., Macurová, P. Evaluation of Innovation Activities and Innovation Management Model of Selected Innovative Companies // SHS Web of Conferences. 2020. № 74. С. 1–8.
9. Гурков И.Б. Инновационное развитие и конкурентоспособность (очерки развития российских предприятий). М.: ТЭИС, 2003. 236 с.
10. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б. З. Мильнера. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2021. 624 с.
11. Трачук А.В., Линдер Н.В. Ключевые показатели эффективности инновационной деятельности: восприятие значимости и практическое применение // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2021. № 12 (4). С. 284–298.
12. Цуцкарёв В.К. Прогнозирование рисков предприятия по наземному обслуживанию рейсов бизнес-авиации на основе стратегического потенциала // Прогрессивная экономика. 2024. № 6. С. 74–84.
13. Тодорович С. Внедрение организационных инновации на основе цифровой трансформации для повышения конкурентоспособности // Прогрессивная экономика. 2024. № 11. С. 39–50.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/povyshenie-investiczionnoj-privlekatelnosti-krasnodarskogo-kraya-faktory-napravleniya-prognozy/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 338.45:332.1
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_140



ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ФАКТОРЫ, НАПРАВЛЕНИЯ, ПРОГНОЗЫ

Халяпин А.А., *кандидат экономических наук, доцент кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента, Кубанский Государственный Аграрный Университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия*

Симоненко Я.А., *студент, Кубанский Государственный Аграрный Университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия*

Тащян Д.С., *студент, Кубанский Государственный Аграрный Университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия*

Макарова А.А., *студент, Кубанский Государственный Аграрный Университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия*

Аннотация. Статья посвящена анализу факторов и направлений повышения инвестиционной привлекательности Краснодарского края. Своей целью статья рассматривает возможность повышения инвестиционной привлекательности Краснодарского края. Цель достигается путём анализа существующего инвестиционного климата региона, рассмотрения теоретической базы, отдельных факторов. Рассматриваются ключевые аспекты, влияющие на привлечение инвестиций в регион, такие как инфраструктура, налоговая политика, административные барьеры и доступность финансовых ресурсов. Авторы выделяют основные отрасли, в которых Краснодарский край имеет потенциал для увеличения инвестиций, включая сельское хозяйство, туризм, логистику и высокие технологии. Особое внимание уделяется вопросам модернизации инфраструктуры и созданию благоприятных условий для реализации крупных инвестиционных проектов через внедрение технологий, таких как интернет вещей и искусственный интеллект. В статье также акцентируется внимание на проблемах, сдерживающих инвестиционный процесс, таких как дефицит высококвалифицированных кадров, сложные административные процедуры и недостаточная интеграция местных и

федеральных механизмов поддержки. По мере развития темы также моделируются основные прогнозы, опирающиеся на существующее положение, внутренние и внешние факторы. По результатам работы предложен комплекс рекомендаций, выполнение которых позволило бы повысить инвестиционную привлекательность Краснодарского края.

Ключевые слова: инновации, инвестиционная привлекательность, Краснодарский край, инфраструктура, инновации, налоговая политика, социальная ответственность.

INCREASING THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE KRASNODAR TERRITORY: FACTORS, DIRECTIONS, FORECASTS

Khalyapin A.A., *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management, I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia*

Simonenko Ya.A., *Student, I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia*

Taschyan D.S., *Student, I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia*

Makarova A.A., *Student, I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia*

Abstract. The article is devoted to the analysis of factors and directions of increasing the investment attractiveness of the Krasnodar Territory. The purpose of the article is to consider the possibility of increasing the investment attractiveness of the Krasnodar Territory. The goal is achieved by analyzing the existing investment climate in the region, considering the theoretical framework, and individual factors. The key aspects influencing investment attraction in the region, such as infrastructure, tax policy, administrative barriers and availability of financial resources, are considered. The authors identify the main industries in which the Krasnodar Territory has the potential to increase investment, including agriculture, tourism, logistics and high technology. Particular attention is paid to infrastructure modernization and the creation of favorable conditions for the implementation of major investment projects through the introduction of technologies such as the Internet of Things and artificial intelligence. The article also focuses on the problems hindering the investment process, such as a shortage of highly qualified personnel, complex administrative procedures, and insufficient integration of local and federal support mechanisms. As the topic develops, the main forecasts based on the current situation, internal and external factors are also modeled. Based on the results of the work, a set of recommendations has been proposed, the implementation of which would increase the investment attractiveness of the Krasnodar Territory.

Keywords: innovation, investment attractiveness, Krasnodar region, infrastructure, innovation, tax policy, social responsibility.

JEL classification: O18, R11, E22.

Для цитирования: Халяпин А.А., Симоненко Я.А., Тащян Д.С., Макарова А.А. Повышение инвестиционной привлекательности Краснодарского края: факторы, направления, прогнозы // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 140–156. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_140.

Статья поступила в редакцию: 09.06.2025 г. Одобрена после рецензирования: 19.06.2025 г. Принята к публикации: 20.06.2025 г.

For citation: Khalyapin A.A., Simonenko Ya.A., Taschyan D.S., Makarova A.A. Increasing the investment attractiveness of the Krasnodar Territory: factors, directions, forecasts // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 140–156. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_140.

The article was submitted to the editorial office: 09/06/2025. Approved after review: 19/06/2025. Accepted for publication: 20/06/2025.

Введение

На современном этапе социально-экономического развития Российской Федерации вопросы активизации инвестиционной деятельности в регионах приобретают особую значимость, определяя вектор будущего экономического роста страны в условиях глобальной конкуренции за капитал. Краснодарский край, обладая значительным ресурсным, аграрным, рекреационным и промышленным потенциалом, рассматривается как один из ключевых субъектов, способных стать драйвером устойчивого развития южного федерального макрорегиона [1]. Тем не менее, несмотря на благоприятные природно-климатические условия, выгодное географическое положение и динамичную инфраструктуру, уровень фактического привлечения инвестиций в экономику края не полностью соответствует его объективным возможностям. Это обуславливает необходимость всестороннего научного анализа факторов инвестиционной привлекательности, формулирования направлений её целенаправленного повышения и разработки достоверных прогнозных моделей.

Актуальность научной разработки обусловлена несколькими ключевыми обстоятельствами. Во-первых, в условиях роста мировой нестабильности, санкционного давления и изменения инвестиционных потоков, региональная инвестиционная политика требует адаптивных и гибких решений, что обостряет потребность в разработке новых теоретико-методологических подходов к оценке и улучшению инвестиционной привлекательности территорий [2]. Во-вторых, Краснодарский край занимает особую позицию в структуре экономической безопасности Юга России, и эффективность привлечения инвестиций в данный субъект оказывает значительное влияние на общее состояние инвестиционного климата в стране. В-третьих, существующие научные исследования, как правило, концентрируются на общих аспектах привлечения капитала, недостаточно учитывая специфику отдельных территорий, что затрудняет практическое применение их результатов в условиях конкретного региона.

Общая характеристика рассматриваемой проблемы включает в себя комплекс внутренних и внешних факторов, влияющих на инвестиционную привлекательность Краснодарского края [3]. Среди внутренних факторов выделяются: уровень развития инфраструктуры, административные барьеры, эффективность государственной поддержки бизнеса, качество человеческого капитала, налоговая политика, правовая защищенность инвесторов. Среди внешних факторов важнейшее значение имеют макроэкономическая ситуация в стране, внешнеэкономические ограничения, конкурентоспособность соседних регионов и международные тенденции перераспределения инвестиций. Проблема усугубляется тем, что, несмотря на наличие программ развития и улучшения инвестиционного климата, на практике сохраняется ряд препятствий, в том числе связанных с административными издержками, нехваткой высококвалифицированных кадров в ряде отраслей, дефицитом крупных инфраструктурных проектов и недостаточной диверсификацией экономики края.

Обзор литературы

Для соответствия методологии научных исследований и объективности рассматриваемых данных был проанализирован ряд научных статей, среди которых такие работы как Инвестиционная политика Краснодарского края как направление развития региона под авторством А.Р. Тарасовой и А.А. Халяпина, в рамках которой проведён обзор существующих статистических данных об объёмах инвестиций и направлений внутренней государственной политики края, Концептуальные детерминанты финансового инструментария инвестирования под авторством А.А. Халяпина, раскрывающая методологическую основу анализа эффективности инвестиционных проектов.

Теория формирования предпринимательских структур в аграрном секторе экономики также под авторством А.А. Халяпина, раскрывающая особенности сельского хозяйства как отдельного сектора экономики региона, Факторы и пути повышения инвестиционной привлекательности региона под авторством В.В. Литвиновой и В.В. Голдобина, проводящая оценку эффективности основных теорий и подходов к увеличению потоков инвестиций. Также следует отметить работу научную работу «Инвестиционная привлекательность российского агропромышленного комплекса в условиях санкционного давления» под авторством Е.П. Гусаковой, Т.Е. Степановой, Н.А. Рязанова и А.В. Белова, рассматривающих воздействие актуальных внешних факторов на инвестиционную инфраструктуру и нынешние бюджетные возможности России.

Анализ научных источников позволил отразить в настоящей научной статье наиболее объективную оценку рассматриваемой сферы с учётом числовых и факторных корректировок.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, комбинирующий как анализ теоретической базы вопроса, так и

использование отдельных методов исследования таких как моделирование, синтез, анализ, а также полноценная расчётно-аналитическая работа.

Результаты и обсуждение

Вопрос повышения инвестиционной привлекательности Краснодарского края занимает важное место в современном научном и прикладном дискурсе регионального развития Российской Федерации. Регион характеризуется уникальным сочетанием природно-ресурсного, аграрного, рекреационного и промышленного потенциала, а его географическое положение на пересечении крупнейших транспортных коридоров придает ему особое стратегическое значение в обеспечении экономической безопасности и устойчивого роста Юга России. Вместе с тем существующие исследования показывают, что фактический уровень инвестиционной активности в крае не в полной мере соответствует его возможностям, что обусловливает необходимость детального анализа факторов, сдерживающих развитие, и поиска эффективных направлений повышения инвестиционной привлекательности [4].

С точки зрения нормативно-правового регулирования, инвестиционная политика Краснодарского края основывается на федеральных стратегиях, включая Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года, а также на региональных документах, таких как Стратегия социально–экономического развития Краснодарского края до 2030 года и региональная госпрограмма «Развитие инвестиционной деятельности». Эти документы фиксируют приоритетные направления привлечения инвестиций: агропромышленный комплекс, туристическую индустрию, транспортную и логистическую инфраструктуру, промышленное производство и энергетический сектор. Однако анализ действующего законодательства выявляет ряд проблем, связанных с недостаточной детализацией механизмов поддержки инвестиционных проектов на муниципальном уровне, слабой интеграцией региональных инструментов с федеральными мерами стимулирования, а также отсутствием комплексной системы мониторинга инвестиционной привлекательности, адаптированной к быстро меняющимся условиям рынка.

Практический анализ ситуации в Краснодарском крае показывает, что в регионе активно реализуются крупные инвестиционные проекты: например, развитие агротехнологических парков в Тимашевском и Динском районах, реконструкция портовой инфраструктуры в Новороссийске, создание туристических кластеров в Анапе и Геленджике [5]. По данным Агентства инвестиционного развития Краснодарского края, за 2024 год объём привлечённых инвестиций в регион составил порядка 530 млрд рублей, что на 12% выше показателей 2023 года. Однако структура инвестиций остается несбалансированной: около 65% вложений приходится на аграрный сектор и недвижимость, тогда как сферы высоких технологий, инновационной промышленности и энергетики пока развиваются недостаточными темпами.

Среди основных проблем, препятствующих росту инвестиционной привлекательности края, выделяются: недостаточная доступность инженерной инфраструктуры в ряде муниципалитетов, длительные сроки получения разрешений на строительство, ограниченное количество промышленных парков с готовыми коммуникациями, сложные процедуры межведомственного согласования проектов, а также дефицит квалифицированных инженерных и технических кадров. Кроме того, наблюдается высокая концентрация инвестиций в прибрежных районах (Сочи, Новороссийск), тогда как внутренние территории (например, Курганинский, Новопокровский районы) испытывают дефицит капиталовложений [6].

Перспективные направления повышения инвестиционной привлекательности Краснодарского края, выявленные на основе комплексного анализа, включают в себя следующие меры. Во-первых, необходимо активное развитие инженерной инфраструктуры за пределами крупных городских агломераций через реализацию программ государственно–частного партнерства. Во-вторых, требуется формирование специализированных инвестиционных площадок (индустриальных парков, технопарков), сертифицированных по международным стандартам. В-третьих, следует оптимизировать административные процедуры, например, через внедрение цифровых платформ для сопровождения инвестпроектов и создания «единого окна» на уровне муниципалитетов [7].

Отдельное внимание должно быть уделено развитию человеческого капитала: расширение программ подготовки и переподготовки кадров в рамках взаимодействия бизнеса и образовательных учреждений позволит устранить дефицит специалистов, востребованных на инвестиционных площадках. Существенное значение имеет также совершенствование налоговой политики края: целесообразным видится предоставление дополнительных налоговых льгот для проектов в области переработки сельскохозяйственной продукции, альтернативной энергетики и высоких технологий [8].

Анализ мировой практики показывает, что успешные регионы-инвестопулы (например, Бавария в Германии, Альберта в Канаде) акцентируют внимание на создании инновационных экосистем, в рамках которых сочетаются научные разработки, предпринимательские инициативы и эффективная государственная поддержка. Краснодарский край обладает потенциалом для реализации аналогичной модели, особенно в сферах агротехнологий, «зелёной» энергетики, IT-индустрии и туризма. Для этого необходимо активизировать работу по привлечению якорных инвесторов, стимулированию научно-исследовательских кластеров и формированию бренда региона как благоприятного инвестиционного пространства [9].

Таким образом, повышение инвестиционной привлекательности Краснодарского края является комплексной задачей, требующей согласованных действий на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Успех в этом направлении обеспечит не только рост валового

регионального продукта, но и повысит качество жизни населения, диверсифицирует экономику региона, укрепит его позиции как одного из наиболее динамично развивающихся субъектов Российской Федерации.

Одной из новых тенденций является необходимость перехода к более устойчивым и экологически чистым моделям экономики [10]. В последние годы растёт интерес к «зелёным» технологиям, и Краснодарский край не является исключением. В частности, вопросы экологии и устойчивого развития становятся важным элементом для привлечения международных инвесторов, особенно в таких секторах, как альтернативная энергетика (солнечная и ветровая энергетика) и переработка отходов.

Согласно исследованию Экспертного центра «Экология и устойчивое развитие», выпущенному в 2023 году, Южный федеральный округ в целом, и Краснодарский край в частности, имеет уникальные природные ресурсы для развития «зелёных» технологий. В частности, в регионе наблюдается высокий уровень солнечной активности, что делает его привлекательным для инвестиций в солнечные электростанции. Примером такого проекта является солнечная электростанция «Восток», запущенная в 2022 году, мощность которой составляет 50 МВт. Этот проект стал одним из крупнейших в России, что подтверждает растущий интерес со стороны инвесторов к таким экологическим инициативам [11].

Однако для полноценного развития «зелёной» экономики в Краснодарском крае необходимо решить несколько проблем. Одной из них является недостаточная государственная поддержка экологически чистых проектов. На федеральном уровне существуют льготы для таких предприятий, но местные органы власти должны разработать механизмы дополнительной финансовой и административной поддержки для привлечения инвесторов в эту сферу. Важным шагом будет создание системы сертификации «зелёных» проектов, которая позволила бы не только снизить риски для инвесторов, но и дать им дополнительные налоговые льготы.

Новые направления для повышения инвестиционной привлекательности:

1. Цифровизация и внедрение технологий искусственного интеллекта. Современные инвестиционные процессы в регионах России тесно связаны с использованием передовых технологий, в том числе искусственного интеллекта и больших данных. В Краснодарском крае существует значительный потенциал для внедрения технологий в аграрную сферу (например, в сельскохозяйственные кооперативы и фермерские хозяйства), что может значительно повысить производительность и привлечь как отечественные, так и международные инвестиции. Развитие умных фермерских хозяйств, основанных на IoT (Internet of Things) и AI, позволит повысить эффективность и снизить затраты на производство [12].

2. Реорганизация инфраструктуры края в инновационном направлении. Научные проекты позволяют повысить уровень жизни населения не только в крупных городах края, включая административный центр и прибережные

населённые пункты, но и более малочисленных городов, станиц, деревень и сёл. Делается это благодаря улучшению транспортной сети, замены недостающего рабочего ресурса автоматизированными процессами, а также упрощением взаимодействия с государственным аппаратом. Подобные «сглаживания» углов открывают для инвестиций большее количество территорий, а следовательно, растёт и общая привлекательность края для привлечения капиталовложений.

3. Упрощение туристических задач через внедрение единообразных и обновлённых сервисов. Бронирование отелей, запись на экскурсии, поездки и транспортировка с вокзалов и аэропортов напрямую отражаются на удобстве посещения местных курортов жителями других регионов России и других стран. Логика следующая – если человеку во время своего отпуска удобнее всего запланировать отпуск в Анапе, а не в Сухуме, то скорее всего он поедет в Анапу даже если доступность отдельных видов отдыха в ней будет незначительно уступать. В свою очередь, увеличенное количество туристов вызовет интерес инвесторов к реализации более крупных проектов.

Таблица 1

Сравнительная характеристика инвестиционной привлекательности Краснодарского края и других регионов России, 2024 г.

Параметры	Краснодарский край	Московская область	Татарстан	Свердловская область
Объем привлеченных инвестиций (млрд руб.)	530	1200	650	400
Процент роста инвестиционной активности	12%	8%	10%	5%
Основные сферы инвестирования	АПК, туризм, инфраструктура	Технологии, металлургия, строительство	Нефтехимия, машиностроение	Энергетика, металлургия
Налоговая льгота для инвесторов	5% (для агробизнеса)	10%	7%	6%
Число реализованных крупных проектов	25	80	35	20
Уровень поддержки со стороны местных властей	Средний	Высокий	Высокий	Средний
Инфраструктура для инвесторов	Средний	Высокий	Средний	Средний

Источник: составлено авторами по данным [9]

Среди рассматриваемых регионов Краснодарский край заметно выделяется по проценту роста инвестиционной активности с показателем 12% за год, однако неверным будет из-за данного первенства игнорировать остальные показатели. Согласно остальным данным таблицы видно, что Краснодарский край ориентируется в основном на агропромышленный комплекс, туризм и инфраструктуру, и в нем предоставляются налоговые

льготы в размере 5% для агробизнеса, что стимулирует развитие этих секторов. В других регионах налоговые льготы для инвесторов несколько выше, что может служить дополнительным стимулом для привлечения капитала. Кроме того, отсутствие упора на технологическое развитие может со временем лишить край преимущества в темпах роста за счёт скорее экстенсивных, а не интенсивных улучшений сектора

Рассмотрим далее три сценария прогноза роста объема инвестиций в Краснодарском крае до 2030 года [13].

1. Оптимистический сценарий предполагает активную поддержку государства, успешную реализацию инфраструктурных проектов, рост доверия инвесторов, улучшение макроэкономической среды и внедрение инновационных технологий. Объем инвестиций достигает 1120 млрд рублей к 2030 году.

2. Базовый сценарий отражает сохранение текущей динамики развития с умеренными темпами роста. Предполагается постепенное устранение инфраструктурных и административных барьеров. К 2030 году объём инвестиций составит около 950 млрд рублей.

3. Пессимистический сценарий моделирует ситуацию при ухудшении внешнеэкономической конъюнктуры, санкционном давлении и неэффективной региональной политике. Рост инвестиций замедляется, к 2030 году достигая лишь 740 млрд рублей. В прогнозе использован экстраполяционный метод с учётом сценарного анализа, основанный на:

– анализе официальных данных за 2019–2024 гг. (по данным Росстата и регионального Минэкономразвития);

– расчётах среднегодового темпа прироста инвестиций за последние годы;

– экспертной корректировке на макроэкономические и региональные условия;

– построении трендовых сценариев: базового, оптимистического и пессимистического.

Исходные данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Исходные данные (фактические)

Год	Объем инвестиций (млрд руб.)
2019	410
2020	445
2021	470
2022	500
2023	530
2024	590 (расчетный, согласно тренду)

Источник: составлено авторами по данным [14]

Расчет среднегодового темпа роста (CAGR) за 2019–2024 гг.: CAGR = (590\410)-1=0,077 или 7,7%. На основе рассчитанного CAGR = 7,7% построены три сценария (таблица 3).

Таблица 3

Сценарии среднегодовых темпов роста согласно рассчитанному значению

Тип сценария	Среднегодовой темп роста, %	Обоснование
Оптимистический	8,5%	Активная господдержка, рост внешнего капитала, инфраструктура
Базовый	7,5%	Поддержание текущей динамики, без кризисов
Пессимистический	4,5%	Ухудшение макросреды, санкции, стагнация

Источник: составлено авторами

Рассчитаем в таблицах 4–6 показатели объёма инвестиций при представленных выше сценариях (ставка роста 8,5%).

Таблица 4

Расчёт оптимистичного сценария

Год	Расчет	Значение (млрд руб.)
2025	$590 \times 1{,}085$	640,15
2026	$590 \times 1{,}085^2$	694,56
2027	$590 \times 1{,}085^3$	752,63
2028	$590 \times 1{,}085^4$	814,61
2029	$590 \times 1{,}085^5$	880,74
2030	$590 \times 1{,}085^6$	951,27

Источник: составлено авторами

Таблица 5

Расчёт базового сценария

Год	Расчет	Значение (млрд руб.)
2025	$590 \times 1{,}075$	634,25
2026	$590 \times 1{,}075^2$	681,0
2027	$590 \times 1{,}075^3$	730,1
2028	$590 \times 1{,}075^4$	781,9
2029	$590 \times 1{,}075^5$	836,6
2030	$590 \times 1{,}075^6$	894,4

Источник: составлено авторами

Таблица 6

Расчёт пессимистичного сценария

Год	Расчет	Значение (млрд руб.)
2025	$590 \times 1{,}045$	616,55
2026	$590 \times 1{,}045^2$	644,31
2027	$590 \times 1{,}045^3$	673,29
2028	$590 \times 1{,}045^4$	703,58
2029	$590 \times 1{,}045^5$	735,24
2030	$590 \times 1{,}045^6$	768,33

Источник: составлено авторами

Таким образом, использован сценарный подход с применением среднегодовых темпов роста, подтвержденный ретроспективной динамикой инвестиций 2019–2024 гг. [14]

Таблица 7

Динамика объема инвестиций в основной капитал в Краснодарском крае (2019–2024 гг.)

Год	Инвестиции, млрд руб. (оптимист.)	Инвестиции, млрд руб. (баз.)	Инвестиции, млрд руб. (пессимист.)	Темп роста, %
2025	640,2	634,3	616,6	+8,5 / +7,5 / +4,5
2026	694,6	681,0	644,3	–
2027	752,6	730,1	673,3	–
2028	814,6	781,9	703,6	–
2029	880,7	836,6	735,2	–
2030	951,3	894,4	768,3	–

Источник: составлено авторами

Оптимистический сценарий отражает наилучшие условия реализации инвестиционной политики – активное участие государства в инфраструктурных проектах, приток внешнего капитала и внедрение инноваций. В этом случае объём инвестиций способен превысить 950 млрд рублей к 2030 году. Базовый сценарий предполагает сохранение текущих макроэкономических условий и институциональной среды, при которых темпы роста остаются стабильными, а объём инвестиций достигает около 894 млрд рублей. Пессимистический сценарий, в свою очередь, учитывает негативные внешние и внутренние факторы – санкционное давление, снижение инвестиционной активности и ограниченность региональных ресурсов, при которых рост замедляется, а инвестиции достигают лишь 768 млрд рублей. Сценарный прогноз инвестиций в Краснодарском крае и показатели АПК России представлены в таблице 8.

Значение 590 млрд руб. принято как базовое (расчетное) значение по Краснодарскому краю в 2024 году на основании предыдущей динамики.

Сводная таблица представляет собой интеграцию двух аналитических подходов – статистической оценки состояния агропромышленного комплекса России за 2022–2024 годы и долгосрочного прогнозирования инвестиций в основной капитал Краснодарского края по зарубежной методике CAGR [15]. Такая структура позволяет комплексно оценить инвестиционную динамику в региональном разрезе на фоне федеральных отраслевых трендов.

Показатели АПК РФ демонстрируют устойчивый рост инвестиционной и производственной активности: в частности, объём инвестиций в основной капитал вырос с 844,2 млрд руб. в 2022 году до 1033 млрд руб. в 2023 году, а объём производства сельхозпродукции – с 7,71 до 8,34 трлн руб. Наряду с этим наблюдается улучшение финансовой устойчивости сектора: доля прибыльных хозяйств составляет 81%, а рентабельность по итогам 2023 года достигла 19%

[10]. Эти данные подтверждают общее укрепление аграрного сектора и создают макроэкономическую основу для роста региональных инвестиций, в том числе в Краснодарском крае.

Таблица 8

Сценарный прогноз инвестиций в Краснодарском крае и показатели АПК России (2022–2030 гг.)

Показатель / Год	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Факт: инвестиции в основной капитал АПК РФ, млрд руб.	844,2	1033,0	–	–	–	–	–	–	–
Индекс сельхозпроизводства (2020=100), %	109,8	110	–	–	–	–	–	–	–
Производство сельхозпродукции, трлн руб.	7,71	8,34	–	–	–	–	–	–	–
Рентабельность отрасли, %	–	19	–	–	–	–	–	–	–
Доля прибыльных хозяйств, %	–	81	–	–	–	–	–	–	–
Прогноз инвестиций в Краснодарском крае по сценариям (млрд руб.):			590[1]						
– Оптимистический сценарий (CAGR = 8,5%)	–	–	590	640,2	694,6	752,6	814,6	880,7	951,3
– Базовый сценарий (CAGR = 7,5%)	–	–	590	634,3	681,0	730,1	781,9	836,6	894,4
– Пессимистический сценарий (CAGR = 4,5%)	–	–	590	616,6	644,3	673,3	703,6	735,2	768,3

Источник: составлено авторами

Прогнозные сценарии для Краснодарского края, рассчитанные на период 2025–2030 гг., показывают существенные расхождения в зависимости от темпов роста. Согласно оптимистическому сценарию (среднегодовой темп роста 8,5%), объём инвестиций к 2030 году может достичь 951,3 млрд руб., что почти в 1,6 раза превышает уровень 2024 года. При базовом сценарии (7,5%) прогноз составляет 894,4 млрд руб., а в случае пессимистического развития событий (4,5%) объём инвестиций составит лишь 768,3 млрд руб. [16] Такой диапазон наглядно демонстрирует чувствительность региональной инвестиционной активности к внешним и внутренним условиям, включая уровень господдержки, макроэкономическую стабильность, развитие инфраструктуры и эффективность отраслевого управления.

Таблица 9

Структура инвестиций, отраслевые показатели АПК и прогноз по зарубежной методике

Показатель / Источник данных	2022	2023	2024 (факт)	2025	2026	2027	2028	2029	2030
I. Инвестиции в основной капитал АПК (РФ)	844,2 млрд руб.	1033,0 млрд руб.	–	–	–	–	–	–	–
Индекс сельхозпроизводства (2020=100), %	109,8	110	–	–	–	–	–	–	–
Объем сельхозпродукции, трлн руб.	7,71	8,34	–	–	–	–	–	–	–
Рентабельность отрасли, %	–	19	–	–	–	–	–	–	–
Доля прибыльных хозяйств, %	–	81	–	–	–	–	–	–	–
II. Структура инвестиций в Краснодарском крае (2024 г.)									
– Собственные средства предприятий	–	–	260 млрд руб. (44,1 %)	–	–	–	–	–	–
– Бюджетные средства	–	–	90 млрд руб. (15,3 %)	–	–	–	–	–	–
– Иностранные инвестиции	–	–	80 млрд руб. (13,6 %)	–	–	–	–	–	–
– Банковские кредиты	–	–	100 млрд руб. (16,9 %)	–	–	–	–	–	–
– Прочие источники (займы, лизинг и т.п.)	–	–	60 млрд руб. (10,1 %)	–	–	–	–	–	–
III. Прогноз инвестиций в основной капитал в Краснодарском крае (зарубежная методика, CAGR):			590 млрд руб.						
– Оптимистический сценарий (8,5 %)	–	–	590	640,2	694,6	752,6	814,6	880,7	951,3
– Базовый сценарий (7,5 %)	–	–	590	634,3	681,0	730,1	781,9	836,6	894,4
– Пессимистический сценарий (4,5 %)	–	–	590	616,6	644,3	673,3			

Источник: составлено авторами

Блок отраслевых данных по АПК РФ за 2022–2024 гг. отражает устойчивую положительную динамику в сельском хозяйстве: рост объёмов производства с 7,71 до 8,34 трлн рублей, стабильный индекс сельхозпроизводства на уровне 110%, высокая рентабельность (19%) и доля прибыльных хозяйств (81%). Показатели подтверждают, что аграрная отрасль остаётся одним из ключевых драйверов экономического роста и приоритетным направлением инвестиционной активности в стране.

Следующий блок таблицы 9 демонстрирует структуру источников инвестиций в Краснодарском крае в 2024 году [17]. Основную нагрузку по формированию инвестиционного капитала несут собственные средства предприятий (44,1%), что свидетельствует о достаточной внутренней капитализации бизнеса. Наряду с этим важную роль играют банковские кредиты (16,9%) и бюджетные средства (15,3%). Интерес представляет также доля иностранных инвестиций (13,6%), которая остаётся стабильной даже в условиях глобальной геополитической напряжённости – это указывает на сохраняющуюся привлекательность региона для внешнего капитала. Структура в целом сбалансирована, что говорит о диверсификации финансовых потоков и инвестиционной устойчивости региона.

Третий блок таблицы 9 – прогноз на 2025–2030 годы – основан на зарубежной методике CAGR (Compound Annual Growth Rate), что усиливает научную значимость исследования. Расчёт по трём сценариям (оптимистическому, базовому и пессимистическому) позволяет смоделировать различные траектории развития инвестиционного климата в Краснодарском крае. В оптимистическом сценарии объём инвестиций возрастает до 951,3 млрд рублей к 2030 году, в базовом – до 894,4 млрд, в пессимистическом – до 768,3 млрд. Такие различия позволяют не только оценивать возможные колебания в зависимости от макроэкономических условий, но и адаптировать инвестиционную стратегию региона к потенциальным вызовам.

Таблица 10

Сравнение объема инвестиций в Краснодарском крае и соседних регионах (2024 г.)

Регион	Объем инвестиций (млрд руб.)	Рост по сравнению с 2023 г. (%)
Краснодарский край	530	12
Ростовская область	420	8
Ставропольский край	360	7
Республика Калмыкия	90	5

Источник: составлено авторами по данным [2]

Краснодарский край не только лидирует по абсолютному объему инвестиций среди южных субъектов РФ, но и демонстрирует наивысшие темпы прироста. Это указывает на наличие благоприятных условий для развития частного капитала и активную политику региона в сфере привлечения инвесторов.

Заключение

На основе проведённого анализа инвестиционной привлекательности Краснодарского края можно выделить несколько ключевых выводов и предложений по улучшению ситуации в данной области. Во-первых, Краснодарский край обладает значительным потенциалом для привлечения инвестиций, однако существующие проблемы в инфраструктуре, налоговой политике и административных барьерах сдерживают этот процесс. Особенно остро стоит вопрос недостаточной доступности инженерной инфраструктуры в удалённых территориях, что ограничивает возможность реализации крупных инвестиционных проектов. В связи с этим необходимо сосредоточиться на масштабной модернизации инфраструктуры, прежде всего транспортной сети и логистических объектов. Развитие портовой и железнодорожной инфраструктуры в Новороссийске и других крупных транспортных узлах региона позволит существенно улучшить логистику и повысить привлекательность края как важного логистического хаба на юге России.

Во-вторых, следует активизировать работу по созданию специализированных индустриальных и технопарков, которые смогут стать центрами притяжения для инвесторов в такие перспективные секторы, как высокие технологии, альтернативная энергетика и агротехнологии. Притом в этом направлении недостаточно просто предоставления налоговых льгот и субсидий, необходимо также сформировать единую платформу связи с администрацией и получением от неё консультативной информации [18]. Чем меньше будут бюрократические издержки в получении льгот и ведении деятельности в целом, тем привлекательнее будет становиться регион.

И, наконец, в-третьих – для поддержания высоких темпов развития необходим технологический упор, позволяющий получить структурные преимущества перед другими регионами и даже странами. Это могут быть автоматизированные базы данных с анализом массивов информации, могут быть и принципиально новые для края решения в аграрной сфере – к примеру, единая сеть автоматизированных поливов (перенаправление субсидий сельскому хозяйству в датчики влажности почвы и капельное орошение увеличит урожайность всех типов фермерских хозяйств, включая малые и средние предприятия) или создание полноценного парка арендуемых дронов для обработки полей химикатами.

Важно помнить, что проблемы аграрного направления у края не всегда связаны с инфраструктурой или управлением – не менее важно уделять повышенное внимание природным и экологическим факторам. Именно поэтому Краснодарский край, с его солнечной активностью и природными ресурсами, обладает потенциалом для реализации крупных инновационных проектов во всём, что только возможно найти в иностранных и отечественных практиках. Нейтрализация природных рисков – главное направление развития технологий, минимизирующее риски для жителей и инвесторов и,

следовательно, позволяющее значительно повысить привлекательность территории.

Четвёртым важным направлением является улучшение социальной ответственности бизнеса. В условиях растущего интереса к экологически чистым и социально ответственным проектам, Краснодарский край должен активно поддерживать инициативы бизнеса, направленные на решение социальных и экологических проблем. Важно стимулировать компании к внедрению практик, соответствующих международным стандартам корпоративной социальной ответственности (КСО), что позволит привлечь инвестиции, ориентированные на долгосрочные устойчивые проекты.

Кроме того, необходимо улучшить взаимодействие между различными уровнями власти – федеральным, региональным и муниципальным. Одной из приоритетных задач является внедрение цифровых решений для упрощения административных процедур и улучшения координации между органами власти и бизнесом. В частности, создание единой платформы для сопровождения инвесторов и мониторинга инвестиционных проектов позволит повысить прозрачность и ускорить процесс реализации проектов.

Литература

1. Литвинова В.В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: к вопросу о дефинициях и оценке // Финансы: Теория и практика. 2024. № 1. С. 138–152.

2. Еремин Р.В., Халяпин, А. А. Х., Халяпин А. А. Мониторинг социально-экономического развития региона // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 31. С. 33–38.

3. Гусакова Е.П., Степанова Т.Е., Рязанов Н.А., Белов А.В. Инвестиционная привлекательность российского агропромышленного комплекса в условиях санкционного давления // Продовольственная политика и безопасность. 2024. Т. 11, № 1. С. 59–76.

4. Гейбель Е.Э., Халяпин А.А. Финансовый менеджмент в организации // Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 24 (2). С. 18–21.

5. Gayduk V., Khaliapin A. Theoretical Aspects of State Regulation of Agrarian and Industrial Complex // E3S Web of Conferences : International Conference on Advances in Agrobusiness and Biotechnology Research (ABR 2024), Kuban State Agrarian University named after. I.T. Trubilina, 23–24 января 2024 года. Vol. 493. EDP Sciences: EDP Sciences, 2024. P. 01016.

6. Халяпин А.А., Красуля А.Д., Тарчоков Т.А., Шукалов Н.С. Прогнозы и сценарии развития отраслей АПК России // Экономика и предпринимательство. 2025. № 2(175). С. 681–687.

7. Халяпин А.А., Васильева Н.В. Прогнозирование банкротства организации как фактор стабилизации ее финансовой устойчивости // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 120. С. 924–953.

8. Севостьянов Д.С. Инвестиционная привлекательность как фактор регионального развития (на примере Тверской области) // Прогрессивная экономика. 2023. № 10. С. 43–57.

9. Тарасова А.Р., Халяпин А.А. Инвестиционная политика Краснодарского края как направление развития региона // Управление проектами в контексте стратегического развития экономики: Материалы VI Национальной научно-практической конференции. Краснодар: ИП Алзидан М., 2025. С. 517–524.

10. Халяпин А.А., Юркевич А.Ю., Кочка М.С. Особенности использования методики оценки camels при оценке инвестиционной привлекательности банка с точки зрения инвестора // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 27 (1). С. 215–221.

11. Gayduk V., Khaliapin A., Kukharenko A. Impact of government support measures on increasing the digitalization of the agro-industrial complex // Revista Juridica. 2023. Vol. 4. No. 76. P. 99–112.

12. Халяпин А. А. Теория формирования предпринимательских структур в аграрном секторе экономики // Новые технологии. 2012. № 3. С. 212–216.

13. Литвинова В.В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: монография. М.: Финансовый университет, 2023. 116 с.

14 Халяпин А.А., Фролов Д.В., Мордовин М.А., Полторацкий Е.А. Оценка эффективности государственной инвестиционной политики сельского хозяйства Краснодарского края // Экономика и предпринимательство. 2025. № 2 (175). С. 153–159.

15 Мзарелуа Л.П., Халяпин А.А. Особенности инвестирования в стартапы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 5–2 (63). С. 86–89.

16. Халяпин А.А. Концептуальные детерминанты финансового инструментария инвестирования // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 112. С. 1279–1294.

17. Gayduk V., Kovalchuk M., Khaliapin A. Improving institutional forms of state support for small agricultural businesses // Revista Juridica. 2023. Vol. 3, No. 75. P. 679–695.

18. Литвинова В.В., Голдобина А.А. Факторы и пути повышения инвестиционной привлекательности региона // Идеи и идеалы. 2019. № 4–2. С. 243–266.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/sravnitelnyj-analiz-praktiki-mezhbyudzhetnogo-vyravnivaniya-v-rossijskoj-federaczii-i-ssha/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.4
УДК 336.143
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_157



СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ МЕЖБЮДЖЕТНОГО ВЫРАВНИВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И США

Шептура А.В., *аспирант кафедры экономики, Северо-Западный Институт Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной службы, г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье проведено сравнительное исследование систем межбюджетного выравнивания в России и США. Рассматриваются методики распределения межбюджетных трансфертов, роль федерального центра и уровень дотационности регионов (штатов). Показано, что в России действует единая формульная методика распределения (дотации на выравнивание), утверждаемая Правительством РФ, а общий объём этих трансфертов ежегодно индексируется минимум на величину инфляции. Федеральный центр осуществляет централизованный контроль и при необходимости адресно поддерживает беднейшие субъекты. Было продемонстрировано, что некоторые регионы находятся в чрезмерной зависимости от трансфертов (трансферты формируют более 80% от дохода), но в целом наблюдаются положительные тенденции по выравниванию межбюджетной обеспеченности. В США, напротив, отсутствует единый «выравнивающий» трансферт: государственная помощь штатам реализуется через множество формульных и целевых грантов (главным образом – медицинских и социальных), часть которых содержит компоненты выравнивания (например, повышенный FMAP в Medicaid). Доля федеральных переводов в доходах штатов в целом существенно ниже, чем в российских регионах: в среднем это около пятой части доходов, а самые зависимые – порядка 30%. Сделанные выводы обобщают различия в подходах к бюджетному федерализму в обеих странах.

Ключевые слова: межбюджетные отношения, выравнивание бюджетов, федеральные трансферты, бюджетный федерализм, Российская Федерация, США, обеспеченность регионов.

COMPARATIVE ANALYSIS OF BUDGET EQUALIZATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE USA

Sheptura A.V., *postgraduate student, North-West Institute of Management of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia*

Abstract. The article presents a comparative study of intergovernmental equalization systems in Russia and the United States. It examines the methods of intergovernmental transfer distribution, the role of the federal center, and the level of fiscal dependence among regions/states. It is shown that Russia employs a unified formula-based redistribution methodology (equalization grants) approved by the Government of the Russian Federation, with the total volume of these transfers indexed annually by at least the rate of inflation. The federal center exercises centralized oversight and, when necessary, provides targeted support to the poorest regions. It was shown that some regions depend strongly on these transfers (transfers form more than 80% of their income), but in general positive trends are visible in fiscal equalization. In contrast, the United States does not have a single equalization transfer. Federal assistance to the states is implemented through a wide range of formula-based and categorical grants (primarily in healthcare and social services), some of which contain equalization components (e.g., enhanced FMAP in Medicaid). The share of federal transfers in state revenues is generally much lower than in Russian regions: on average, it accounts for about one-fifth of revenues, with the most dependent states receiving around 30%. The conclusions summarize the differences in approaches to fiscal federalism in the two countries.

Keywords: intergovernmental relations, budget equalization, federal transfers, fiscal federalism, Russian Federation, United States of America, regional fiscal capacity.

JEL classification: H77, H71, H72.

Для цитирования: Шептура А.В. Сравнительный анализ практики межбюджетного выравнивания в Российской Федерации и США // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 157–166. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_157.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025 г. Одобрена после рецензирования: 20.06.2025 г. Принята к публикации: 21.06.2025 г.

For citation: Sheptura A.V. Comparative analysis of budget equalization in the Russian Federation and the USA // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 157–166. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_157.

The article was submitted to the editorial office: 10/06/2025. Approved after review: 20/06/2025. Accepted for publication: 21/06/2025.

Введение

Межбюджетное выравнивание – одна из ключевых задач бюджетной политики в крупных федерациях, направленная на сглаживание региональных различий в доходной базе и социальной обеспеченности. Сравнительный анализ таких систем важен для понимания эффективности финансового федерализма. В России выравнивающие трансферты регулируются Бюджетным кодексом и законодательством, а в США – через совокупность федеральных программ и законов. Актуальность исследования обоснована «последним десятилетием» изменений: в обеих странах после 2020 года значительно выросли объемы трансфертов за счет антикризисных мер. В США «пандемийные» бюджеты штатов компенсировались федеральными субсидиями (из статистики следует, что с 2019 по 2021 год объём федеральной помощи штатам вырос более чем на $400 млрд [1]). В России к изначально имеющимся регионам добавились новые (ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области), где федеральные дотации составляли существенный объём доходов этих субъектов (от 80 до 90% доходов бюджетов) [2]. Целью статьи являются анализ и сравнение современных (по состоянию на 2020 год и позднее) механизмов перераспределения бюджетных средств в РФ и США по трём направлениям, а именно: методик расчёта, роли федерального центра при распределении и уровня дотационности регионов (штатов).

Обзор литературы

Проблематика межбюджетного выравнивания активно исследуется как российскими, так и зарубежными учёными. Из наиболее авторитетных исследователей в данной области можно выделить, например, Уоллеса Оутса, работы которого заложили основу для понимания оптимального распределения полномочий по расходам и налогообложению между уровнями власти [3]. Также можно выделить труд Бева Далби и Джонатана Роддена, в котором ими были исследованы проблемы дисбалансов в бюджетных системах, с акцентом на риски слишком сильной зависимости субъектов от федерального центра [4].

Среди российских учёных проблему межбюджетного выравнивания исследовали такие авторы, как, например, Л.Р. Ахметжанова. В одном из своих трудов она акцентировала внимание на том, что необходимо повышать эффективность формульного распределения дотаций, а также на важности специфических региональных особенностей, которые невозможно учесть в ходе расчётов [5]. Арлашкин И.Ю. подробно проанализировал российскую практику межбюджетного регулирования и выявил возрастающую роль межбюджетных трансфертов для стимулирования экономического роста региона [6]. Ещё один автор – Н.В. Апатова – рассматривала бюджетную политику государства в качестве важнейшего инструмента обеспечения социально-экономического выравнивания и устойчивого развития субъектов Российской Федерации [7]. Исследования данных авторов показывают, что при всей кажущейся универсальности формульного подхода, он часто игнорирует

реальные различия в доходной и расходной базах субъектов, из чего в дальнейшем вытекает неравномерность их развития.

Актуальность темы межбюджетного выравнивания начала активно возрастать начиная с 2020 года, когда в обеих рассматриваемых странах были введены масштабные антиковидные меры. С течением времени препятствий становилось только больше – Российская Федерация присоединила новые регионы, а прошлое правительство США запустило раздачу вертолётных денег (тогда как новое создаёт другие проблемы в виде торговых войн). Анализ различных источников позволяет проследить, как правительства Российской Федерации и США выстраивают свои системы межбюджетного выравнивания, направленные на сглаживание последствий возникающих проблем.

Несмотря на большой объём литературы в данной области, не до конца раскрыты такие вопросы, как: долгосрочная эффективность межбюджетного выравнивания, сравнительная роль трансфертов в обеспечении финансовой устойчивости субъектов в различных экономических моделях, а также баланс между бюджетной самостоятельностью и централизацией. В частности, в российской литературе в недостаточном объёме представлены эмпирические сопоставления систем выравнивания в разных странах.

Так, проведённый обзор литературы показывает, что тема межбюджетного выравнивания является одной из ключевых в области государственных финансов и требует дальнейшего междисциплинарного анализа с учётом различных теоретических подходов и эмпирических данных из разных стран.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили сравнительный анализ, синтез и обобщение практик межбюджетного выравнивания, применяемых в Российской Федерации и Соединённых Штатах Америки. В ходе работы были использованы нормативные документы, регламентирующие распределение межбюджетных трансфертов в России (включая Бюджетный Кодекс РФ), аналитические материалы, а также публикации средств массовой информации. Для анализа практики, сложившейся в США, были использованы данные федеральных агентств, а также статистические данные распределения грантов между штатами. Также были использованы публикации российских и зарубежных авторов по вопросам бюджетного федерализма, бюджетного выравнивания и государственной поддержки регионов за период с 2020 по 2024 годы.

Результаты и обсуждение

В Российской Федерации подход к выравниванию бюджетной обеспеченности установлен Бюджетным кодексом (ст. 131 БК РФ). Направленные на это дотации распределяются по единой методике, утверждаемой Правительством РФ. В основе лежат «расчётные бюджеты» регионов: определяется нормативная потребность (нормативные расходы по федеральным стандартам) и ожидаемые доходы в расчете на душу населения. Субъекты, чья расчетная бюджетная обеспеченность (расчетный доход на

душу населения) не превышает определённого критерия выравнивания, получают дотации. У этой системы, по мнению специалистов, есть изъяны. В расчётах используются именно нормированные (стандартные) показатели, а не фактические доходы и расходы регионов [8]. Использование нормативных значений доходов и расходов нивелирует индивидуальные особенности регионов, приводя к необоснованным перекосам. Общий объём дотаций на выравнивание ежегодно утверждается в федеральном бюджете на текущий год и плановый период; закон гарантирует, что этот объём не снизится относительно предыдущего года (с учётом инфляции).

Помимо дотаций существуют также субвенции и субсидии – целевые трансферты на финансирование отдельных полномочий и проектов (например, на образование, медицину, жилищно-коммунальное хозяйство и др.). Целевые трансферты являются основным инструментом стимулирования регионального экономического роста. Таким образом, в России применяется централизованная формульная методика, предназначенная для выравнивания бюджетной обеспеченности регионов в масштабе страны. Трансферты в целом направлены на то, чтобы регионы с различной структурой экономики могли одинаково качественно исполнять свои обязательства перед населением, зачастую средства уходят на развитие социальной сферы (например, на здравоохранение или образование). Согласно Стратегии пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года, эффективность действующего механизма в целом возрастает: межрегиональная дифференциация по уровню бюджетной обеспеченности после распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности сокращалась, начиная с 2,6 раза в 2017 году до разницы в 2,11 раза в 2023 году [9].

Стоит отметить, что роль межбюджетных трансфертов среди доходов регионов в России весьма существенна. Согласно исследованиям агентства РА Эксперт, в среднем они занимают 17,3% в доходах регионов [10].

В Соединённых Штатах нет единого национального механизма выравнивания. Федеральные средства передаются штатам в форме грантов по различным программам. Основных видов два: формульные гранты и блочные гранты. Формульные гранты (formula grants) распределяются согласно предписанным формулам: они могут учитывать такие показатели, как численность населения, уровень бедности, показатели нуждаемости и т.п. Например, крупнейший федеральный трансферт – программа Medicaid – финансируется по так называемой FMAP-формуле, где федеральный коэффициент софинансирования выше для «бедных» штатов (прибл. до 80%) и ниже для более богатых (около 50%). Подобным образом распределяются и средства в рамках программ в сфере образования и социальных услуг (например, образовательная «IDEA», помощь по безработице) [11].

Блочные гранты (block grants) предполагают фиксированное ежегодное финансирование, часто с учётом числа лиц, нуждающихся в помощи. К ним относятся, например, гранты TANF на пособия малоимущим семьям, в рамках реализации которых на ежегодной основе выделяются $16,6 млрд [12].

Ключевым отличием от российских дотаций является то, что все гранты предопределены конкретными законами о финансировании программ, общий «фонд выравнивания» отсутствует.

В Российской Федерации решающую роль в системе межбюджетного выравнивания играет федеральный центр. Правительство РФ определяет правила распределения (то есть, методику), а также контролирует исполнение трансфертов. Федеральный бюджет гарантированно предусматривает определенный объём выравнивающих дотаций – он ежегодно индексируется по инфляции.

Кроме того, при необходимости центральная власть может направлять поддержку как напрямую, так и через внебюджетные каналы: например, текущие расходы по крупным инфраструктурным объектам в новых регионах частично осуществляются федеральными органами напрямую (через подряды или закупки), не отражаясь в региональных бюджетах. Федеральный центр также устанавливает ограничения для сильно дотационных регионов: субъекты, получающие более 40% расходов бюджета за счёт трансфертов, признаются «высокодотационными» и ограничиваются в росте госрасходов (в частности, по зарплатному фонду). Таким образом, в России межбюджетное выравнивание происходит под строгим надзором Правительства: методика утверждается на федеральном уровне, а сам механизм служит инструментом выравнивания и финансового контроля над регионами.

Роль федерального правительства Соединённых Штатов Америки в выравнивании доходов штатов является более опосредованной. Федеральная власть здесь вправе задавать условия предоставления помощи (например, требования к софинансированию, соблюдению стандартов), но традиционно штаты сохраняют широкую бюджетную самостоятельность. Федеральный центр обычно не гарантирует штатам постоянное увеличение трансфертов (это вопрос ежегодных бюджетных переговоров в Конгрессе). Тем не менее, федеральные органы могут влиять на равновесие регионов через масштабные межбюджетные программы. Так, на федеральном уровне в кризис выделялись чрезвычайные средства: в 2020–2021 годах по антикризисным законам (CARES Act и др.) штаты получили значительные прямые дотации и займы, что резко увеличило их доходы. В бюджете штатов роль центра проявляется прежде всего через ключевые федеральные программы. Например, около 69% всех федеральных грантов на штаты приходится на Medicaid, и этот тип помощи более существенно поддерживает бедные штаты (за счёт высокой доли федерального финансирования). Из статистики за 2022 г. следует, что федеральные гранты составили примерно пятую часть совокупных доходов штатов [13]. Таким образом, в США федерация обеспечивает выравнивание преимущественно инструментами грантового финансирования и поручений (federal mandates), а не централизованной бюджетной политикой как в России.

Что касается дотационности субъектов, в России она характеризует степень зависимости бюджета субъекта от федеральной помощи. По показателю доли дотаций в собственных доходах регионы классифицируются

как дотационные или нет. В современных данных видно, что большинство российских субъектов являются дотационными. Особенно высокая дотационность в традиционных малообеспеченных регионах на юге страны, среди которых: Ингушетия, Дагестан, Чечня, Тыва, Алтай и Камчатка – у них доля межбюджетных трансфертов превышает 40%. После 2022 года к числу «высокодотационных» добавились и вновь присоединённые регионы. Так, в первое время значительную поддержку получали бюджеты ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей. Но всё-таки наиболее «бедные» довоенные российские регионы также имели крайне высокий уровень поддержки (примерно 80–82%). Стоит отметить, что статус высокодотационного субъекта налагает на регион финансовые ограничения (снижение темпов роста расходов), отражая стремление центра контролировать бюджетное равновесие. Среди наиболее зависимых от дотаций регионов находятся: Республика Ингушетия (87,1%), Чеченская Республика (83,3%), Республика Тыва (82,9%), Республика Дагестан (76,3%) и Кабардино-Балкарская Республика (71,0%). В 2023 году лидировали новые, присоединённые регионы, но по состоянию на 2024 год наблюдалось снижение: в Донецкой Народной Республике (ДНР) до 65% с 82%, в Луганской (ЛНР) – до 63% с 80%, в Херсонской области – до 76% с 90%, а в Запорожской – до 65% с 89% [14].

В США прямой аналог российских «дотационных регионов» отсутствует, но всё же возможно оценить финансовую зависимость штатов от федеральных средств. Общие цифры позволяют сравнить «субсидирование» по-разному. К примеру, в 2022 году 36,4 % доходов (порядка $ 1,1 трлн) штатов формировалось за счёт федеральных грантов — это лишь незначительно меньше рекордных 36,7 % в 2021 году [15]. В 2024 году эта сумма вновь составила $ 1,1 трлн [16]. В целом ни один штат не «зависим» от правительства в плане дотаций так сильно, как многие российские субъекты: даже 30% доходов – редкость. В США большинство бюджетов формируется на основе собственных налоговых и неналоговых доходов (где федеральное участие чаще не превышает 15–20% доходов).

Среди наиболее дотационных штатов главные пять – это: Нью-Мексико (30,7%), Аляска (29,02%), Западная Вирджиния (27,03%), Алабама (26,72%) и Миссисипи (25,91%), что отражает разницу в экономическом развитии и демографии регионов. Примечательно, что четыре из этих штатов – республиканские, и только Нью-Мексико является демократическим [17]. Есть мнение, что поддержка красных штатов будет только увеличиваться с течением времени, поскольку их лояльность важна для действующего правительства [18]. А вот донорскими штатами являются уже демократические – Нью-Джерси, Калифорния, Массачусетс, Юта и Вашингтон.

В целом, здесь можно выделить проблему, аналогичную российской – бедные и малочисленные штаты получают больше, чем отдают, обеспечивая социальное и инфраструктурное финансирование, а экономически развитые штаты-доноры, как правило, получают меньше, чем платят. Но всё же штаты и

близко не находятся в такой же зависимости от центра, как многие российские регионы.

Заключение

В процессе исследования автором было выявлено, что системы межбюджетного выравнивания в России и Соединённых Штатах Америки имеют принципиальные отличия. В Российской Федерации применяется централизованная «классическая» модель, то есть, федеральный центр утверждает формульную методику расчёта дотаций, гарантирует их объёмы и активно регулирует поддержку регионов. В результате, значительная часть регионов остаётся дотационной, особенно учитывая новые субъекты с почти полной зависимостью от федерации. В США же экономика федерализма является более децентрализованной – федеральное правительство распределяет средства через многочисленные целевые программы. В результате доля федеральных трансфертов в доходах штатов в среднем гораздо ниже, и финансовая «дотационность» штатов менее выражена, хотя и присутствуют значительные межрегиональные различия (бюджетная обеспеченность варьируется от $ 2693 до $ 8628 на душу населения). Таким образом, российская модель характеризуется строгой вертикальной координацией и формальным выравниванием, в то время как американская – множественностью грантовых инструментов с менее централизованной ролью правительства. Современные тенденции (среди которых можно выделить раздачу «вертолётных денег» в США при прошлом правительстве в лице Джо Байдена и Камалы Харрис, а также расширение России за счёт присоединения новых территорий) лишь усилили уже существующие различия между странами: как в России, так и в США после 2020 года роль центральных трансфертов возросла, но механизмы их распределения и зависимость субъектов от них остались принципиально разными, что создаёт обширные возможности для проведения дальнейшего исследования.

Так, в качестве наиболее перспективных направлений для дальнейшего исследования автору представляются такие вопросы, как: сравнительное исследование субфедерального уровня (анализ применяемых практик выравнивания в России и США на уровне муниципалитетов с выявлением различий в подходах к распределению на более низких уровнях управления), а также упомянутое углублённое исследование влияния политических факторов на объём и структуру межбюджетных трансфертов (в том числе, влияние лояльности региональных властей и политической конкуренции).

Литература

1. Which states rely the most on federal aid? // USA Facts. URL: https://usafacts.org/articles/which-states-rely-the-most-on-federal-aid/.

2. Доля федеральных средств в новых регионах России. // РБК. 21.04.2023. URL: https://www.rbc.ru/economics/21/04/2023/6440f0559a7947983b98d930.

3. Oates Wallace E. An Essay on Fiscal Federalism // Journal of Economic Literature. 1999. Vol. 37. No. 3, P. 1120–49.

4. Dahlby B., Rodden J. A Political Economy Model of the Vertical Fiscal Gap and Vertical Fiscal Imbalances in a Federation // IEB Working Paper No. 2013/018.

5. Ахметжанова Л.Р. Теоретические подходы к эффективности межбюджетных трансфертов на региональном уровне // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5, № 1. С. 61–76.

6. Арлашкин И.Ю. Межбюджетные инструменты стимулирования регионального экономического роста в России // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 6. С. 54–68.

7. Апатова Н.В. Бюджетная политика как основная компонента экономической политики государства в обеспечении социально-экономического развития региона // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2023. № 2 (63). С. 24–35.

8. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗю // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/.

9. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года // Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/3b8e3a39329ce7949978d271195fdb6d/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda.pdf.

10. Рейтинг регионов России по дотационности бюджетов – 2024. // RAEX. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/regional_budgets_2024/.

11. Record federal grants to states keep federal share of state budgets high // Pew Research Center. 10.09.2024. URL: https://www.pew.org/en/research-and-analysis/articles/2024/09/10/record-federal-grants-to-states-keep-federal-share-of-state-budgets-high.

12. Office of Family Assistance About TANF // Administration for Children & Families. URL: https://acf.gov/ofa/programs/tanf/about.

13. Record federal grants to states keep federal share of state budgets high // Pew Research Center. URL: https://www.pew.org/en/research-and-

analysis/articles/2024/09/10/record-federal-grants-to-states-keep-federal-share-of-state-budgets-high.

14. Новые регионы уменьшили зависимость от дотаций // Ведомости. 13.02.2025. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/02/13/1091837-novie-regioni-umenshili-zavisimost-ot-dotatsii.

15. Record federal grants to states keep federal share of state budgets high // Pew Research Center. URL: https://www.pew.org/en/research-and-analysis/articles/2024/09/10/record-federal-grants-to-states-keep-federal-share-of-state-budgets-high.

16. How much money does the federal government provide to state and local governments? // USA Facts. URL: https://usafacts.org/answers/how-much-money-does-the-federal-government-provide-state-and-local-governments/country/united-states/.

17. States Most Reliant on the Federal Government // MoneyGeek. URL: https://www.moneygeek.com/resources/states-most-reliant-on-federal-government/.

18. Axios Macro Newsletter, 2025 // Axios. URL: https://www.axios.com/newsletters/axios-macro-188136e0-a748-11ef-83b5-191f2d55e738.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/politicheskie-i-energeticheskie-transformaczii-germanii-v-kontekste-vyborov-2025-goda-i-vneshneekonomicheskih-vyzovov/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.5
УДК 330.34:339.9
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_167



ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ ВЫБОРОВ 2025 ГОДА И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Ганат В.О., *лаборант института интеллектуальных кибернетических систем НИЯУ МИФИ, Национальный Исследовательский Ядерный Университет «МИФИ», г. Москва, Россия*

Аннотация. Статья посвящена комплексной оценке политических и институциональных трансформаций в Германии после досрочных парламентских выборов 2025 года, с акцентом на их влияние на реализацию климатической повестки, пересмотр энергетической стратегии и трансформацию внешнеэкономических ориентиров. Целью исследования является выявление взаимосвязей между изменением внутриполитической конфигурации, снижением институциональной поддержки «зелёного курса» и переориентацией внешнеэкономической политики ФРГ в условиях растущей геоэкономической нестабильности. В центре внимания – анализ трансформации партийного ландшафта, электоральных предпочтений, сложности коалиционного процесса, а также институциональной устойчивости экологических инициатив в новых условиях. Методологическую основу составляют политико-экономический и сравнительно-аналитический подходы, контент-анализ программ партий и коалиционных соглашений, обобщение статистических и социологических данных. В работе особое внимание уделяется переосмыслению роли Германии в международной климатической политике, укреплению трансатлантической зависимости. Новизна исследования заключается в установлении связи между политическим сдвигом и снижением институционального потенциала экологической стратегии. Сделан вывод о переориентации германской внешнеэкономической политики в сторону прагматических интересов и формировании предпосылок для корректировки её глобального позиционирования.

Ключевые слова: Германия, досрочные парламентские выборы, зелёная повестка, энергетическая стратегия, энергетический разворот, внешнеэкономическая политика.

POLITICAL AND ENERGY TRANSFORMATIONS IN GERMANY IN THE CONTEXT OF THE 2025 ELECTIONS AND EXTERNAL ECONOMIC CHALLENGES

Ganat V.O., *Laboratory Assistant, Institute of Intelligent Cybernetic Systems, National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia*

Abstract. The article provides a comprehensive assessment of the political and institutional transformations in Germany following the early parliamentary elections of 2025, with a focus on their impact on the implementation of the climate agenda, the revision of the energy strategy, and the transformation of foreign economic orientations. The aim of the study is to identify the interrelations between changes in the domestic political configuration, the decline of institutional support for the "green course," and the reorientation of Germany's foreign economic policy amid growing geoeconomic instability. The study centers on the analysis of party landscape shifts, electoral preferences, the complexity of the coalition-building process, and the institutional resilience of environmental initiatives under new conditions. The methodological framework includes political-economic and comparative-analytical approaches, content analysis of party programs and coalition agreements, as well as the synthesis of statistical and sociological data. Particular attention is paid to the reassessment of Germany's role in international climate policy, the strengthening of transatlantic dependence. The novelty of the research lies in establishing the link between political shifts and the weakening of the institutional potential of the environmental strategy. The study concludes that Germany's foreign economic policy is shifting toward pragmatic national interests and that the prerequisites are emerging for a revision of its global positioning.

Keywords: Germany, early parliamentary elections, green agenda, energy strategy, energy transition (Energiewende), foreign economic policy.

JEL classification: F15, F51, F55, Q58.

Для цитирования: Ганат В.О. Политические и энергетические трансформации Германии в контексте выборов 2025 года и внешнеэкономических вызовов // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 167–181. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_167.

Статья поступила в редакцию: 11.06.2025 г. Одобрена после рецензирования: 23.06.2025 г. Принята к публикации: 23.06.2025 г.

For citation: Ganat V.O. Political and energy transformations in Germany in the context of the 2025 elections and external economic challenges // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 167–181. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_167.

The article was submitted to the editorial office: 11/06/2025. Approved after review: 23/06/2025. Accepted for publication: 23/06/2025.

Введение

Современная мировая экономика вступает в фазу структурной перестройки, в которой ключевым фактором устойчивого развития и глобальной конкурентоспособности становятся не только технологические инновации, но и способность государств адаптироваться к многоуровневым политико-экономическим вызовам. Одним из таких базовых трансформационных векторов в последние два десятилетия стала экологическая повестка, охватывающая вопросы энергетики, климатической устойчивости, ресурсной безопасности и правового регулирования в сфере «зелёного» развития.

Германия традиционно рассматривалась как один из флагманов «зелёного курса» в рамках Европейского союза. Политика устойчивого развития, основанная на высоком уровне технологической культуры и социальной поддержки населения, позволила стране эффективно выстраивать имидж климатического лидера на международной арене. Однако, начиная с 2022 года, внутренние и внешние вызовы резко усилились: энергетическая зависимость от внешних поставок, последствия санкционной политики в отношении России, замедление темпов экономического роста, рост инфляции и миграционное давление на рынок труда, что вызвало критику со стороны оппозиционных партий и делового сообщества, ставящих под сомнение реалистичность и приоритетность «зелёной» повестки в её прежнем виде. Параллельно с этим происходит сдвиг геополитических центров влияния. Административное давление со стороны США, противоречия внутри Европейского союза, а также растущая конкуренция с Китаем, как лидером в области зелёных технологий, обостряют дилемму- следовать экологическим целям в ущерб экономической гибкости или же отказаться от амбициозных стратегий в пользу прагматизма. Особенно остро этот вопрос проявился в Германии после досрочных парламентских выборов 23 февраля 2025 года, результаты которых обозначили существенные изменения в партийной структуре и идеологическом балансе.

Изменившаяся электоральная карта, снижение поддержки традиционных политических сил, усиление позиций оппозиции, как и рост общественного скепсиса в отношении экологической повестки требуют внимания и анализа. Кроме того, обострение противоречий между участниками потенциальной правящей коалиции создает определенные риски для консенсуса по ключевым направлениям внешнеэкономической и энергетической политики, что приобретает особую значимость в условиях деградации российско-германского диалога, ранее опиравшегося на тесные торгово-энергетические связи. Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью анализа последствий электоральной трансформации в Германии для её климатической стратегии, внешнеэкономической субъектности и возможностей для перезапуска конструктивных отношений с Российской Федерацией, а сложившаяся ситуация требует комплексного научного осмысления.

Целью статьи является анализ влияния политических изменений в Германии после выборов 2025 года на устойчивость «зелёной» повестки и оценка перспектив российско-германского сотрудничества в новых международных условиях, с учётом текущего перераспределения политических сил и институционального давления со стороны транснациональных структур. Исследование исходит из гипотезы, что ослабление позиций «Зелёных» и рост влияния консерваторов в 2025 году частично объясняются накопленным напряжением в обществе вокруг экологической повестки, реализуемой в ущерб экономической стабильности. В этом контексте Германия становится примером страны, где издержки радикальной экополитики трансформируются в реальные политические последствия.

Обзор литературы

В российском научном дискурсе прослеживается институциональный сдвиг, сущность которого заключается в переосмыслении подходов к устойчивому развитию и экономической политике под воздействием как внешнеполитических факторов, так и внутренней социоэкономической динамики [1]. Сдвиг проявляется, прежде всего, в изменении роли государства в процессе энергетической трансформации, где приоритеты смещаются в сторону экологизации и адаптации к глобальным изменениям. В рамках данной парадигмы Германия становится предметом особого аналитического интереса как пример развитой экономики, находящейся в эпицентре одновременно экологических, политических и институциональных изменений.

Согласно материалам ведущих аналитических центров, таких как Carnegie Endowment и Немецкое общество внешней политики (DGAP), наблюдается тенденция к переосмыслению роли Германии в Европейском союзе и в мировой экономике в целом [2; 3]. Усиление внутриполитической поляризации, включая протесты и напряженность в общественных группах [4], что оказывает влияние на экономические приоритеты и регуляторную политику. Политические трансформации отражают глубокий процесс институциональной перестройки, затрагивающий экономическую стратегию, энергетическую политику и международную субъектность Германии.

Указанные процессы рассматриваются не только в академической литературе, но и получают широкое освещение в зарубежных медиа. В частности, в публикациях The Guardian обращается внимание на снижение электоральной поддержки партии «Зелёных», что свидетельствует о сдвиге общественных настроений на фоне экономических трудностей и роста тарифной нагрузки [5]. Наряду с этим Financial Times и Reuters освещают эволюцию внешнеполитического дискурса, включая вопросы зависимости от США, реструктуризации бюджетной политики и новых подходов к миграционному регулированию, что позволяет говорить о постепенной переориентации стратегического курса Германии в международных отношениях [6; 7].

На статистическом уровне структурные сдвиги подтверждаются данными Statistisches Bundesamt [8], согласно которым экономика Германии демонстрирует признаки рецессии в 2023–2024 годах, ВВП Германии сократился на 0,1 % в 2023 году и на 0,2 % в 2024 году (рис. 1). Прогноз EU Economic Forecast Germany (2025) публикует ожидаемые темпы роста на 1,1 % в 2026 году, что трактуется как попытка восстановления в условиях смены приоритетов. Однако на основании указанных данных можно сделать вывод о наличии экономических оснований для смещения курса в сторону прагматизма и отказа от прежних «зелёных» амбиций.

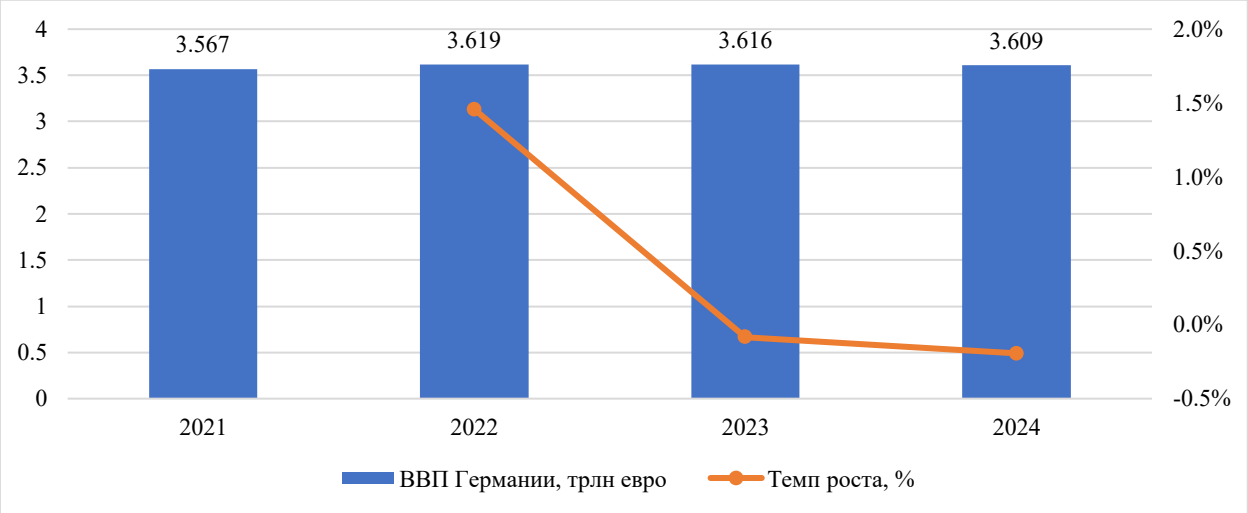


Рис. 1. Динамика ВВП Германии

Источник: составлено автором по данным [8]

При этом, несмотря на накопление эмпирических данных, остаются слабо разработанными взаимосвязи между политическими изменениями, трансформацией климатической стратегии и корректировкой внешнеэкономических ориентиров. Настоящее исследование восполняет указанный научный пробел, предлагая системный анализ поствыборных трансформаций – от сдвигов в климатической повестке до переориентации энергетической стратегии и внешнеэкономических приоритетов.

В аналитическом обзоре, подготовленном экспертами Стамбульского центра политических исследований (IPC) совместно с фондом Mercator, отмечается, что досрочные парламентские выборы в Германии в 2025 году стали не только индикатором внутренних политических изменений, но и фактором, способствующим трансформации стратегических ориентиров страны на международной арене. Особое внимание уделяется влиянию избирательных результатов на климатическую политику: авторы подчеркивают ослабление парламентской поддержки амбициозных экологических инициатив и необходимость пересмотра механизмов реализации климатической повестки в условиях усиления общественного запроса на экономический прагматизм. Анализ также затрагивает внутренние институциональные вызовы и сложности коалиционного процесса, от которых зависит устойчивость Германии в качестве климатического лидера ЕС. Кроме

того, исследование Стамбульского центра указывает на потенциальный пересмотр внешнеполитических приоритетов Германии, в том числе в отношении Европейского союза и третьих стран, что связано с политическим переосмыслением роли ФРГ в архитектуре глобальной устойчивости. Авторы рассматривают возможные сценарии развития климатической дипломатии и внешнеэкономического курса страны, делая акцент на растущем влиянии трансатлантических связей и ограничениях, накладываемых геоэкономической турбулентностью. Полученные выводы согласуются с выдвигаемой гипотезой о том, что политические изменения в Германии оказывают системное воздействие на климатическую стратегию, энергетическую политику и международное позиционирование страны [9].

В исследовании, опубликованном в журнале Nature Energy, показано, как политическая нестабильность и электоральные изменения в странах Запада, включая Германию и США, влияют на темпы и характер энергетического перехода [10]. Выборы 2025 года в Германии способны оказать сдерживающее воздействие на реализацию климатических обязательств, осложнить долгосрочное финансирование зелёных проектов и усилить зависимость от внешнеполитических партнёров в вопросах энергетической безопасности. В центре внимания оказываются вопросы влияния климатической политики ЕС на транснациональные технологические альянсы и риски фрагментации в контексте фоне растущей геоэкономической конкуренции. Полученные наблюдения соответствуют гипотезе о связи внутриполитических сдвигов с институциональной устойчивостью климатической стратегии.

Анализ источников показал, что после досрочных выборов 2025 года Германия переживает не только внутриполитическую трансформацию, но и корректировку стратегических приоритетов в энергетике, климатической политике и внешнеэкономическом позиционировании. Исследования ведущих аналитических центров и академических журналов свидетельствуют о нарастающем запросе на пересмотр зелёной повестки в пользу экономического прагматизма, снижении институциональной устойчивости климатических инициатив и усилении зависимости от трансатлантических партнёров. Научный интерес к данным вопросам прослеживается как в отечественной литературе по устойчивому развитию, так и в зарубежных аналитических и академических материалах.

В совокупности проанализированные источники показывают, что взаимосвязи между электоральными сдвигами, внутренними институциональными изменениями и внешнеполитической стратегией требуют дальнейшего комплексного анализа, что обосновывает актуальность настоящего исследования и необходимость комплексного политико-экономического анализа поствыборного этапа в развитии Германии.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют современные подходы политико-экономического анализа, позволяющие выявить

структурные взаимосвязи между электоральными трансформациями, институциональной перестройкой и изменением внешнеэкономического курса страны. Эмпирическая база включает официальные макроэкономические и политико-правовые данные Германии за 2023–2025 годы. В качестве ключевых источников использовались статистические сведения Федеральной службы статистики Германии [8], прогнозные и аналитические документы Европейской комиссии, а также материалы Федерального избирательного комитета (Bundeswahlleiterin) о результатах парламентских выборов 2025 года [11].

Для оценки международного контекста и экспертных интерпретаций использовались отчёты ведущих аналитических центров – Carnegie Endowment [2], European Policy Centre [12], DGAP [3], отражающие внешнеполитическую и внутриполитическую реакцию на внутренние преобразования в Германии. Дополнительно был проведён контент-анализ публикаций в авторитетных международных изданиях (Reuters, Financial Times, The Guardian), предоставляющих актуальную информацию о реакции политико-экономических элит на корректировку климатической и энергетической стратегии ФРГ.

В рамках качественного анализа применялась адаптированная версия метода институционально-политического картирования, направленного на выявление причинно-следственных связей между изменением политических установок, трансформацией регуляторных механизмов и параметрами инновационной активности. Применение метода позволило выявить институциональные риски для трансграничного технологического обмена, оценить направления политики в области интеллектуальной собственности и определить факторы устойчивости инновационного развития.

Также использовалось сценарное моделирование для сопоставления динамики макроэкономических показателей, что обеспечило формирование прогнозных предпосылок развития энергетической и внешнеэкономической политики в среднесрочной перспективе. Кроме того, был применён критический дискурсивный анализ риторики ключевых политических и экономических субъектов, включая лидеров парламентских партий, представителей правительственных структур и транснациональных институтов. Целью анализа стало выявление скрытых трендов, отражающих смещение стратегических приоритетов и изменение баланса между экологическими целями и экономическим прагматизмом.

В дополнение к использованным методам, особое внимание уделялось междисциплинарному подходу, который сочетает политический, экономический и институциональный анализ. Такой комплексный подход позволяет не только выявлять причинно-следственные связи, но и учитывать влияние внешних факторов, в том числе геоэкономической турбулентности и транснационального институционального давления, на внутренние политические процессы в Германии. Учитывая высокую степень

неопределённости и быстрые трансформации в политико-экономической сфере, данный аспект требует особого внимания.

Кроме того, применялась методика микроанализа, направленная на изучение взаимодействия ключевых политических игроков и их стратегий в рамках партийно-коалиционных процессов. Такой подход позволил детально проанализировать изменения в риторике и поведении политических субъектов, выявить скрытые тренды и оценить потенциал институциональных изменений для устойчивости климатической и экономической политики. В совокупности, использование качественных и количественных методов обеспечило всестороннее понимание трансформации политико-экономической системы Германии в поствыборный период. Комплексное применение вышеуказанных методов обеспечило высокую степень аналитической точности и позволило обосновать выводы о трансформации системы политических стимулов и институциональных ориентиров Германии в условиях нарастающей геоэкономической турбулентности.

Результаты и обсуждение

Исследование выявило, что политические изменения в Германии после выборов 2025 года трансформировали институциональные условия для экономической политики и климатического курса страны. Укрепление влияния консервативных сил сопровождалось переориентацией приоритетов в сторону восстановления промышленного потенциала и обеспечения энергетической независимости, что привело к перераспределению приоритетов от «зелёной» стратегии к технологической и энергетической автономии. В результате ресурсы были перераспределены в сторону обеспечения технологического суверенитета и национальных приоритетов, тогда как климатическая устойчивость отошла на второй план.

Метод политико-институционального картирования выявил явную смену дискурса-риторика сместилась в сторону «стратегической автономии» и приоритета национальных технологических интересов, тогда как внимание к климатической устойчивости отошло на второй план. Таким образом, можно констатировать системную трансформацию модели экономического развития Германии – от экологически ориентированной к прагматичной, с акцентом на технологический суверенитет. При этом климатические задачи отнюдь не исчезают, но слегка отодвигаются в иерархии приоритетов.

9 апреля 2025 года новая правящая коалиция Германии, представила коалиционное соглашение, которое задаёт политический курс на предстоящий законодательный период с ключевыми направлениями в энергетике, промышленной трансформации и достижении климатической нейтральности. Коалиционное соглашение подтверждает приверженность Германии достижению климатической нейтральности к 2045 году в соответствии с целями Европейского Союза. Коалиция поддерживает промежуточную цель ЕС – сокращение выбросов парниковых газов на 90% к 2040 году по сравнению с уровнем 1990 года, при этом сохраняя национальную цель Германии – сокращение выбросов на 88% к 2040 году, а также предусмотрена

эффективная защита от углеродных утечек для сохранения конкурентоспособности промышленности [19]. Кроме того, в соглашении предусмотрены значительные инвестиции в инфраструктуру и климатические проекты, включая фонд объёмом 500 млрд евро для системной модернизации экономики и энергетической системы Германии.

Для ускорения реализации приоритетных проектов правительство планирует упростить процессы планирования, разрешений и финансирования. Ежегодно в Фонд климата и трансформации (Climate and Transformation Fund, CTF) планируется выделяться по 10 млрд евро, что указывает на готовность правительства финансово поддерживать переход к климатической нейтральности, обеспечивая при этом энергетическую безопасность и доступность энергии для граждан и бизнеса. Новое правительство Германии планирует представить комплексную программу мер, которая позволит стране выйти на курс достижения климатических целей уже к концу 2025 года, заявил новый министр окружающей среды и климата Карстен Шнайдер в своей первой речи в парламенте. В отчёте Совета экспертов по изменению климата вновь отмечены недостатки в климатических действиях, особенно в транспортном и строительном секторах, которые требуют срочного решения. Министр подчеркнул, что особое внимание будет уделено справедливому переходу, включая поддержку домохозяйств с низкими доходами. Правительство собирается представить программу мер по всем секторам экономики для обеспечения достижения целей по сокращению выбросов парниковых газов к 2030 и 2040 годам, причём окончательное решение по программе должно быть принято не позднее марта 2026 года [18]. Однако новый министр намерен согласовать её значительно раньше. Шнайдер также отметил, что охрана окружающей среды и природы является частью национальной безопасности Германии, включая обеспечение устойчивого снабжения питьевой водой, продовольствием, климатоустойчивой инфраструктурой и энергоснабжением.

На данный момент, после двух лет спада экономика Германии демонстрирует первые признаки восстановления, что подтверждают прогнозы ведущих экономических институтов страны и международных организаций. Согласно прогнозу Немецкого федерального банка (Bundesbank), в 2025 году ожидается стагнация ВВП, однако в 2026 году экономика Германии должна вырасти на 0,7%, а в 2027 – на 1,2% [13]. Одновременно, Bundesbank отмечает, что сдерживающим фактором в краткосрочной перспективе пока остаётся протекционистская торговая политика США, которая негативно влияет на экспорт и промышленное производство, замедляя рост и рынок труда (рис. 2).

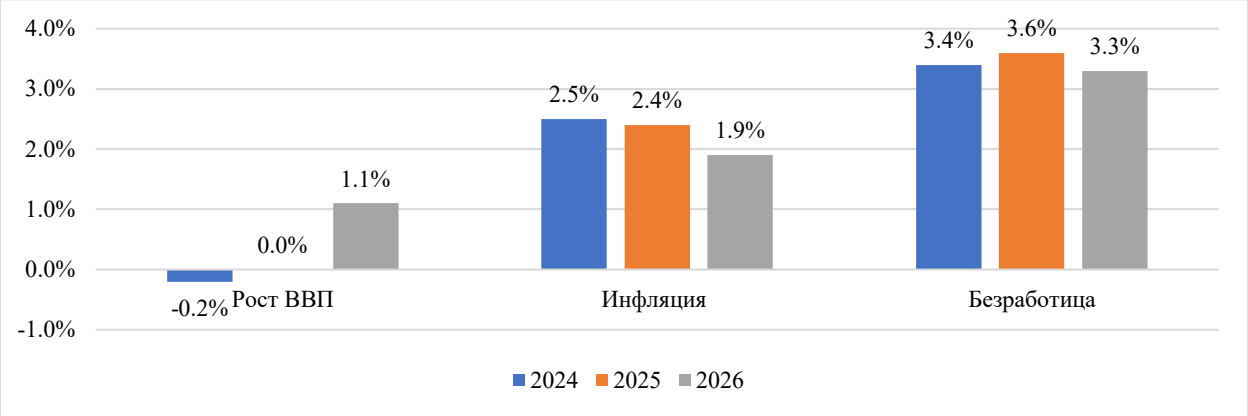


Рис. 2. Прогнозные изменения показателей экономического роста, инфляции и безработицы в Германии (по данным Bundesbank), %

Источник: составлено автором по данным [8]

Европейская комиссия прогнозирует аналогичный уровень роста: в 2025 году ВВП Германии останется без изменений, а в 2026 году вырастет на 1,1% [8]. OECD более оптимистична и ожидает рост ВВП на 0,4% в 2025 году и 1,2% в 2026 году, при этом рост будет обеспечен за счёт внутреннего потребления и инвестиций, несмотря на снижение экспорта на 0,3% в 2025 году и умеренное восстановление на 0,6% в 2026 году [14]. Ifo Institute, один из ведущих немецких экономических институтов, повысил прогноз роста ВВП Германии в 2025 году с 0,2% до 0,3%, а на 2026 год – с 0,8% до 1,5%. Согласно публичным заявлениям Тимо Вольмершаузера, руководителя отдела прогнозирования Ifo, «кризис достиг дна в зимнюю половину года», а основным драйвером роста станут масштабные фискальные меры нового правительства. В частности, правительство одобрило пакет налоговых льгот на сумму 46 млрд евро и инфраструктурный фонд объёмом 500 млрд евро, действующий до 2029 года [15]. Также Ifo Institute прогнозирует, что инфляция останется в пределах целевого ориентира Европейского центрального банка – 2,1% в 2025 году и 2,0% в 2026 году, а уровень безработицы стабилизируется на уровне 6,3% в 2025 году с последующим снижением до 6,1% в 2026 году.

Leibniz Institute for Economic Research (RWI) прогнозирует рост ВВП на 0,3% в 2025 году и 1,5% в 2026 году. Halle Institute for Economic Research (IWH) ожидает рост на 0,4% в 2025 году и 1,1% в 2026 году [16]. В свою очередь, Институт DIW Berlin также повысил прогноз роста ВВП Германии до 0,3% в 2025 году (ранее 0,1%) и ожидает рост на 1,7 % в 2026 году (против 1,1% ранее) [17]. По мнению экспертов DIW, динамичный старт 2025 года, когда экономика выросла на 0,4% в первом квартале, и масштабный инвестиционный пакет правительства обеспечат ускорение экономического роста во второй половине года.

Подводя итоги вышеизложенному, можно сказать, что в 2025 году экономика Германии будет находиться в состоянии стагнации или очень умеренного роста (0,0–0,4%), а в 2026 году ожидается более заметное оживление с ростом ВВП в диапазоне 1,1–1,7%, чему будут способствовать

реализуемые фискальные меры и повышение внутреннего спроса. Сценарное моделирование, основанное на электоральных данных и прогнозах Европейской комиссии, выделяет два возможных вектора развития Германии (рис. 3).

Первый консервативный сценарий основывается на приоритетах индустриализации и предполагает умеренное снижение степени «зелёной открытости» экономики. Концептуальная основа консервативного сценария заключается в усилении внутреннего технологического потенциала, развитии отечественного производственного сектора и снижении зависимости от внешних технологических и сырьевых цепочек. Центральным элементом данного сценария выступает курс на достижение технологического суверенитета посредством развития критически значимых отраслей, импортозамещения и стимулирования национальных инновационных кластеров. Результатом стабилизации макроэкономических параметров в условиях ограниченного участия в глобальных экологических инициативах будет являться достижение экономической устойчивости.

Альтернативный вектор развития представлен диверсифицированным сценарием, который предполагает интеграцию климатической повестки в стратегию роста на основе стимулирования инновационного развития и интенсификации международного сотрудничества. В данном случае ключевым механизмом устойчивого роста становится поддержка научно-технологического прогресса, цифровизация, а также формирование устойчивых трансграничных цепочек добавленной стоимости, адаптированных к требованиям низкоуглеродной экономики.



Рис. 3. Сценарный подход к развитию Германии в контексте трансформации глобальной повестки

Источник: составлено автором

Энергетическая трансформация Германии продолжает играть ключевую роль в структуре национальной экономики. В 2024 году доля возобновляемых источников энергии (ВИЭ) достигла 62,7% от общего объёма генерации электроэнергии, при этом около 14% пришлось на солнечную энергию [20]. По данным Bundesnetzagentur, ВИЭ обеспечили примерно 59% (254,9 ТВт·ч)

от общего производства электроэнергии в 431,7 ТВт·ч, что на 4,2% меньше, чем в 2023 году [21]. В целом, политические изменения после выборов 2025 года задали новый вектор развития Германии, характеризующийся смещением приоритетов в сторону технологического суверенитета и промышленного возрождения при сохранении обязательств по климатической нейтральности. Несмотря на временную стагнацию экономики в 2025 году, прогнозы ведущих институтов указывают на постепенное восстановление и умеренный рост ВВП в 2026–2027 годах, чему способствуют масштабные фискальные меры и инвестиционные программы. Одновременно с этим продолжается значимая энергетическая трансформация с ростом доли возобновляемых источников, хотя климатическая повестка частично уступает место прагматичным экономическим и технологическим задачам. Таким образом, Германия движется по пути сбалансированного развития, стремясь обеспечить экономическую устойчивость и технологическую независимость, не отказываясь от долгосрочных экологических целей.

Заключение

Исследование подтвердило, что политические изменения в Германии после выборов 2025 года стали важным триггером для трансформации институциональных условий, политико-экономических приоритетов и климатической стратегии страны. Усиление влияния консервативных сил и снижение позиций «зелёных» партий обусловили некоторый сдвиг национальной политики в сторону технологического суверенитета, восстановления промышленного потенциала и обеспечения энергетической независимости, что привело к перераспределению внимания от радикальной экологической повестки к прагматичному балансу между экономической стабильностью и климатическими обязательствами. В результате Германия переживает системную трансформацию модели экономического развития –к более прагматичной, с акцентом на технологический суверенитет и национальные интересы.

В то же время, несмотря на временное отодвигание климатической повестки, страна сохраняет твёрдую приверженность достижению климатической нейтральности к 2045 году, что отражено в коалиционном соглашении и масштабных инвестиционных программах, включая фонд объёмом 500 млрд евро и ежегодные выделения в Фонд климата и трансформации. Новое правительство намерено представить комплексную программу мер, направленную на достижение климатических целей уже к концу 2025 года, с особым вниманием к справедливому переходу и поддержке уязвимых групп населения.

Экономическая ситуация Германии после двух лет спада демонстрирует первые признаки стабилизации и умеренного роста, чему способствуют масштабные фискальные меры, инвестиционные пакеты и улучшение внутреннего спроса. Прогнозы ведущих экономических институтов и международных организаций указывают на стагнацию ВВП в 2025 году с

последующим ростом в диапазоне 1,1–1,7 % в 2026 году. Однако краткосрочные риски, связанные с протекционистской торговой политикой США и глобальной геоэкономической турбулентностью, сохраняются и требуют своевременной реакции.

Энергетическая трансформация остаётся одним из ключевых элементов национальной стратегии: в 2024 году доля возобновляемых источников энергии достигла более 60%, что свидетельствует о сохранении курса на устойчивое развитие. Вместе с тем, изменение политического дискурса и институциональных механизмов указывает на смещение баланса в сторону технологической автономии и национальных технологических интересов, что отражает адаптацию Германии к новым вызовам глобального геоэкономического контекста.

Германия находится на этапе комплексной адаптации к многоуровневым политико-экономическим вызовам, стремясь сохранить лидерство в области устойчивого развития, одновременно обеспечивая экономическую конкурентоспособность и энергетическую безопасность. Результаты исследования подчёркивают необходимость дальнейшего системного мониторинга и анализа политических и институциональных изменений, а также разработки сбалансированных стратегий , способных интегрировать климатические цели с экономическими и технологическими приоритетами в условиях усиливающейся геоэкономической нестабильности..

Исходя из заявленных целей, исследование показало, что ослабление позиций «зелёных» и усиление консервативных сил в Германии – это не просто внутриполитический сдвиг, а отражение глубоких общественных и экономических процессов, связанных с поиском оптимального баланса между экологией и экономикой. В этих условиях перспективы российско-германского сотрудничества и внешнеэкономической субъектности Германии требуют переосмысления с учётом новых политико-экономических реалий и транснационального институционального давления.

Литература

1. Савина Н.П., Пивоваров С.С. четвертый энергопереход: современные тренды и перспективы развития возобновляемой энергетики // Прогрессивная экономика. 2025. № 4. С. 8–19.

2. Why Germany’s Election Matters for Europe // Carnegie Endowment. URL: https://carnegieendowment.org/research/2025/02/why-germanys-election-matters-for-europe.

3. Germany after the 2025 Federal Election: A new role in Europe // DGAP. URL: https://dgap.org/en/press/news/germany-after-2025-federal-election-new-role-europe-new-responsibility-world.

4. Germany’s political polarization spills into the streets ahead of federal elections // ACLED. URL: https://www.acleddata.com/2025/02/17/germanys-political-polarization-spills-into-the-streets-ahead-of-federal-elections/.

5. German election shows how far green wave has receded in Europe // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2025/feb/24/german-election-shows-how-far-green-wave-has-receded-in-europe.

6. Germany’s Merz signals long-term US reliance after Donald Trump meeting // Financial Times. URL: https://www.ft.com/content/f2d583fb-6dac-4e56-a3e7-d578e63105e5.

7. Migration and cuts among Merz's priorities for German coalition talks // Reuters. URL: https://www.reuters.com/world/europe/migration-cuts-among-merzs-priorities-german-coalition-talks-2025-03-28/.

8. Germany’s real GDP contracted by 0.2% in 2024 following a 0.3% decline in 2023 // Statistisches Bundesamt (Destatis). URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-surveillance-eu-economies/germany/economic-forecast-germany_en.

9. Kreft H., Nas Ç., Turhan E., Wietschel J. German Elections: Implications for German Politics, Climate Policy, Foreign Policy, and Germany’s Relations with the EU and Turkey // IPC–Mercator Analysis. March 2025. 14 p. URL: https://ipc.sabanciuniv.edu/Content/Images/CKeditorImages/20250319-16030290.pdf.

10. Eckersley P., Haupt W., Kern K. Assessing the impact of Fridays for Future on climate policy and policymaking in German cities // Journal of Environmental Policy & Planning. 2025. Vol. 27. № 3. P. 280–293.

11. Federal Returning Officer (Bundeswahlleiterin). Официальные результаты выборов в Бундестаг 2025 г. URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/en/bundestagswahlen/2025/ergebnisse/bund-99.html.

12. What will Germany’s elections mean for the EU? // European Policy Centre. URL: https://www.epc.eu/publication/What-Will-Germanys-Elections-Mean-for-the-EU-416248/.

13. The Bundesbank’s forecast for Germany: Economic recovery slowly getting started // Deutsche Bundesbank. URL: https://www.bundesbank.de/en/press/press-releases/the-bundesbank-s-forecast-for-germany-economic-recovery-slowly-getting-started-959308.

14. OECD Economic Outlook, Volume 2025 Issue 1: Germany // Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook-volume-2025-issue-1_83363382-en/full-report/germany_39d4231a.html.

15. Germany updates: Economy expected to see growth boom in 2026 // Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/en/germany-updates-economy-expected-to-see-growth-boom-in-2026/live-72879749.

16. Germany to return to growth after two years of contraction, economists predict / Maria Martinez // Investing.com. URL: https://www.investing.com/news/economic-indicators/german-economy-to-grow-after-two-straight-years-of-contraction-ifw-says-4092390.

17. German economy expected to grow by 0.3% in 2025, DIW Berlin says // Global Banking and Finance Review. URL: https://www.globalbankingandfinance.com/UK-GERMANY-ECONOMY-c9ae4a13-dc89-41f3-b208-b90e572c6012.

18. New German environment minister promises climate action programme by end of 2025 // Clean Energy Wire. URL: https://www.cleanenergywire.org/news/new-german-environment-minister-promises-climate-action-programme-end-2025.

19. Kramer H.S. Germany's 2025 Coalition Agreement: What's Ahead for Energy and Climate Policy. 2025.URL: https://www.hsfkramer.com/notes/energy/2025-posts/germanys-2025-coalition-agreement-whats-ahead-for-energy-and-climate-policy.

20. Germany’s renewable energy share reaches 62.7% in 2024 // Eenergy.media. 2025. URL: https://eenergy.media/news/31320.

21. Bundesnetzagentur releases 2024 power market data // Bundesnetzagentur. 2025. URL: https://www.bundesnetzagentur.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/EN/2025/20250108_EE.html.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/czifrovye-platformy-kak-faktor-razvitiya-kreativnyh-industrij-v-regione/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 338.246.2
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_182



ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В РЕГИОНЕ

Зубова Ю.А., *генеральный директор, ООО «Академия городских технологий «Среда», г. Москва, Россия*

Аннотация. Статья посвящена исследованию мировых трендов использования цифровых платформ в развитии креативных индустрий и возможности их применения в регионах России. Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией экономики и необходимостью поиска эффективных инструментов поддержки креативного сектора, который демонстрирует опережающие темпы роста по сравнению с другими отраслями. С использованием комплекса научных методов, включающего системный анализ научных публикаций и нормативно-правовых документов, регулирующих сферу креативных индустрий, экспертных оценок, проектного подхода при выработке предложений по совершенствованию региональной политики анализируются ключевые аспекты цифровых платформ, такие как снижение транзакционных издержек, расширение доступа к рынкам и возможности масштабирования бизнеса. Особое внимание уделено классификации цифровых платформ (маркетплейсы, социальные медиа, краудфандинговые, экспертные и образовательные платформы) и их роли в различных сегментах креативной экономики. На основе выявленных барьеров (недостаток цифровых компетенций, сложности монетизации, правовые риски) предложены меры региональной политики, включая образовательные программы, финансовую поддержку и создание специализированных «гайдов» для предпринимателей. Подчеркивается необходимость адаптации региональной политики развития креативных индустрий к условиям цифровой экономики, а также важность кооперации в целях достижения синергетического эффекта в креативных индустриях и продвижения локальных брендов.

Ключевые слова: цифровые платформы, креативные индустрии, цифровизация экономики, маркетплейсы, креативная экономика.

DIGITAL PLATFORMS AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF CREATIVE INDUSTRIES IN THE REGION

Zubova Yu.A., *General Manager, Academy of urban technologies LLC, Moscow, Russia*

Abstract. The article examines global trends in the use of digital platforms for the development of creative industries and explores their potential application in Russian regions. The relevance of the study stems from the rapid digitalization of the economy and the need to identify effective tools for supporting the creative sector, which demonstrates faster growth rates compared to other industries. The research employs a set of scientific methods, including systematic analysis of academic publications and regulatory documents of the creative industries, expert assessments, and a project-based approach to formulating recommendations for improving regional policies. The author analyzes key aspects of digital platforms, such as the reduction of transaction costs, expanded market access, and business expansive opportunities. Special attention is given to the classification of digital platforms (marketplaces, social media, crowdfunding, and educational platforms) and their role in various segments of the creative economy. Based on identified barriers (lack of digital competencies, monetization challenges, legal risks), the study proposes regional policy measures, including educational programs, financial support, and the development of specialized guides for entrepreneurs. The research emphasizes the need to adapt regional policies for creative industries to the conditions of the digital economy, as well as the importance of cooperation to achieve synergistic effects in creative industries and promote local brands.

Keywords: digital platforms, creative industries, digitalization, marketplaces, creative economy.

JEL classification: R11, O32, Q48.

Для цитирования: Зубова Ю.А. Цифровые платформы как фактор развития креативных индустрий в регионе // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 182–193. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_182.

Статья поступила в редакцию: 12.06.2025 г. Одобрена после рецензирования: 23.06.2025 г. Принята к публикации: 24.06.2025 г.

For citation: Zubova Yu.A. Digital platforms as a factor in the development of creative industries in the region // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 182–193. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_182.

The article was submitted to the editorial office: 12/06/2025. Approved after review: 23/06/2025. Accepted for publication: 24/06/2025.

Введение

Цифровые платформы выступают ключевым фактором роста и трансформации креативных индустрий, особенно в условиях стремительной цифровизации экономики и общества. В последние годы наблюдается значительное увеличение роли цифровых платформ – социальных сетей, видеохостингов, специализированных сайтов и приложений – в обеспечении доступа к культурному контенту, образовательным ресурсам и бизнес-возможностям. Благодаря современному уровню цифровизации, креативные компании растут в 3–5 раз быстрее, чем вся экономика в целом [1, с.7].

Развитие креативных индустрий в значительной степени зависит от специфики и потенциала конкретных территорий. В России, согласно Рейтингу креативных регионов, составленному на основе данных НИУ ВШЭ, лидерами являются Москва, Санкт-Петербург, Новосибирская и Томская области [2]. При этом прирост добавленной стоимости в экономику России, который обеспечивается вложением 1 руб. в креативные индустрии, по оценке ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, составляет 1,37 руб. Этим обусловлена актуальность реализации активных мер политики региональными органами власти по стимулированию развития креативных индустрий, в том числе обеспечению возможности быстрого роста креативных секторов экономики в условиях высоких процентных ставок и дорогих инвестиционных ресурсов.

Экспертами НАФИ отмечается, что использование цифровых платформ – обязательное условие развития креативной экономики и ее выхода на международные рынки [1, с.7]. Таким образом, цифровые платформы являются ключевым фактором, обеспечивающим динамичное развитие креативных индустрий в регионах, способствуя их цифровизации, коммерциализации и интеграции в глобальные экономические процессы, что и обусловливает актуальность настоящего исследования.

Исходя из предположения о том, что цифровые платформы в целом стимулируют рост креативных индустрий и в целях повышения их эффективности необходимо реализовывать меры региональной государственной политики по поддержке развития креативных индустрий с использованием функций цифровых платформ для масштабирования регионального креативного бизнеса, целью настоящего исследования является разработка рекомендаций для региональных органов власти по использованию цифровых платформ в целях стимулирования роста креативных индустрий региона.

Задачами исследования являются:

– систематизация существующих исследований, посвященных влиянию цифровых технологий на креативный сектор экономики;

– выявление и систематизация ключевых цифровых платформ, используемых представителями креативных индустрий;

– анализ трудностей, с которыми сталкиваются креативные предприниматели при использовании цифровых платформ;

– разработка предложений по совершенствованию региональной политики поддержки креативных индустрий через цифровизацию экономики.

Материалы и методы

С использованием комплекса научных методов, включающего системный анализ научных публикаций и нормативно-правовых документов, регулирующих сферу креативных индустрий, на основе сравнительного анализа российских и зарубежных практик выявлены ключевые тенденции цифровизации креативного сектора. Для проведения эмпирической части исследования, выявления барьеров и разработки мер поддержки использованы методы экспертной оценки и классификации цифровых платформ, а также проведен анализ успешных региональных практик. При разработке рекомендаций по формированию региональной политики особое внимание уделено проектному подходу.

Теоретические основы использования цифровых платформ в развитии креативных индустрий

Достаточно большое количество научных исследований посвящено понятию и классификации креативных индустрий. Однако для разработки мер региональной экономической политики по развитию креативных индустрий представляется целесообразным опираться исключительно на понятие, установленное в законодательстве, определяющее креативную индустрию как экономическую деятельность, непосредственно связанную с созданием, продвижением на внутреннем и внешнем рынках, распространением и (или) реализацией креативного продукта, обладающего уникальностью и экономической ценностью [3]. При этом приказом Минэкономразвития России утвержден исчерпывающий перечень видов экономической деятельности (ОКВЭД), относящихся к креативному бизнесу [4].

Утвержденный перечень ОКВЭД можно разбить на три группы исходя из бизнес-моделей, способов монетизации и взаимодействия с потребителем, которые в дальнейшем могут быть усовершенствованы с помощью цифровых платформ:

1. Производство и продажа физических товаров: народные художественные промыслы и ремесла, мода (включая ювелирное дело), книжное дело (издание печатной продукции), гастрономия (физические продукты, локальные бренды).

2. Услуги и исполнительские практики: исполнительские искусства; музыка (живые концерты и выступления); культурное наследие (музеи, телевидение, кинотеатры, фестивали); отдых и развлечения (парки, квесты, ивенты).

3. Цифровые продукты и платформы: видеоигры (мобильные, PC/консольные), программное обеспечение (креативные SaaS-решения), медиа и СМИ (онлайн-издания, подкасты), музыка (стриминг, цифровые продажи).

4. Контент и интеллектуальная собственность: кино, ТВ и анимация (продажа прав, дистрибуция); книжное дело (электронные книги, аудиокниги); арт-индустрия (NFT, цифровое искусство).

5. Проектные и консалтинговые услуги: дизайн (графический, промышленный, интерьерный), архитектура и урбанистика, реклама и PR (креативные агентства).

Для успешного развития в регионе креативных индустрий необходимо создать условия, которые увеличат спрос на их продукцию и услуги, расширят клиентскую базу и повысят доступность креативных продуктов для разных аудиторий. Для решения этих задач целесообразно использовать цифровые платформы.

Цифровые платформы – это технологические инфраструктуры, соединяющие производителей и потребителей креативных продуктов. Цифровые платформы формируют новую модель экономических отношений между сетями участников на основе технологий и решений таким образом, чтобы, по сравнению с традиционными способами и каналами взаимодействия, минимизировать стоимость транзакций между отраслевыми участниками [5, с. 13]. В контексте цифровых платформ трансформируются и трудовые отношения. Формируется принципиально новая модель занятости: работники привлекаются на условиях почасовой оплаты через цифровые платформы для участия в ограниченных по времени проектах без возникновения долгосрочных трудовых обязательств [5, с.15].

Данный феномен получил в академической литературе несколько концептуальных обозначений:

1) freelancing economy (платформенная фриланс-экономика) [6];
2) gig economy (экономика временных работ/подработок) [7];
3) on-demand economy (экономика услуг по запросу) [8].

При этом концепция on-demand economy, помимо рынка труда, существенно шире повлияла на трансформацию бизнес-моделей компаний. В связи с появлением цифровых платформ «предоставление услуг по запросу», ключевым образом были трансформированы: транспортные услуги, программное обеспечение и облачные вычисления, видео по запросу, доставка продуктов питания, услуги на дом, услуги в области здоровья и красоты.

В результате исследования выявлены ключевые особенности цифровых платформ, важные с точки зрения возможного влияния на креативные отрасли:

1) экосистемный эффект: платформа представлена как система взаимосвязанных элементов, которая включает в себя некоторую головную организацию и ее окружение, а также связи между ними, создающие синергический эффект через предоставление доступа всех участников к дополнительным ресурсам для достижения поставленных целей [9, с. 26];

2) снижение транзакционных издержек и повышение доступности информации о потенциальных запросах и предложениях в систематизированном виде: платформа снижает затраты пользователей на поиск и транзакции и позволяет им эффективно обмениваться продуктами и

услугами [10], что способствует масштабированию спроса и предложения конкретного бизнеса в рамках цифровой платформы;

3) снижение неопределенности: платформа помогает уменьшить потребность во владении ресурсами [11], повышая эффективность работы организаций, за счет концентрации ресурсов на продуктах своей сферы деятельности и использования по запросу непрофильных услуг, повышая в целом их конкурентоспособность; позволяет отслеживать активы и отдельных лиц, управлять ими без официального владения или найма в такой степени, которая ранее была невозможна.

Результаты и обсуждение

В результате анализа доступных для российских предпринимателей цифровых платформ была проведена их систематизация в зависимости от основных функций и возможного влияния на развитие креативных индустрий и выделено несколько типов (табл. 1).

Таблица 1

Классификация цифровых платформ

Тип платформы	Примеры	Ценность платформы для региональных представителей креативных индустрий
Маркетплейсы	Авито, Etsy, Ярмарка Мастеров, Русские ремёсла (специализированная платформа), Ozon Handmade, VK Play, ЛитРес	Доступ к рынкам для локальных производителей
Социальные медиа	VK, Яндекс.Дзен, Telegram, Яндекс.Афиша (анонсы), VC.ru (корпоративные медиа), Rutube, KudaGo, Houzz (интерьерные решения)	Продвижение с низким бюджетом
Краудфандинговые платформы	Kickstarter, Planeta.ru	Альтернативное финансирование
Образовательные и рекламные платформы	Skillbox, Coursera, Stepik Яндекс.Директ	Повышение квалификации и продвижение
Платформы по привлечению трудовых ресурсов	KWORK, freelance.ru, АВИТО, Яндекс.Крауд	Продвижение услуг самозанятых, гибкое привлечение наемных сотрудников

Источник: составлено автором

Представленный перечень не носит исчерпывающего характера, так как на рынок постоянно выводятся новые специализированные цифровые платформы. При этом нужно обратить внимание что два самых массовых маркетплейса России с точки зрения продаж товаров населению – Wildberries и Ozon – не вошли в представленную классификацию в связи с тем, что предприятия креативных индустрий в категории «Мода», должны производить «товары, изготовленные по индивидуальному заказу населения», согласно утвержденному приказу Минэкономразвития России [4].

Говоря о политике региональных органов власти, направленной на развитие креативных индустрий, приоритетное внимание в целях достижения экосистемных эффектов развития бизнеса, его масштабирования и снижения транзакционных издержек пользователей целесообразно уделять улучшению доступа региональных организаций к цифровым платформам. В результате анализа существующих практик развития креативных индустрий Т.П. Бунеев, А.И. Зайончковский в 2023 г. пришли к выводу, что отечественная модель развития креативных индустрий находится на начальном этапе развития ввиду отсутствия достаточного нормативно-правового регулирования, а также государственных мер системной поддержки креативных индустрий [12]. При этом уже в исследовании 2024 года отмечается, что во многих регионах России существует практика разработки программных и стратегических документов: концепций развития отдельных креативных индустрий (экономики); планов (дорожных карт) по развитию креативных индустрий; комплексов мер по их поддержке; нормативно-правовых документов о развитии и поддержке креативных индустрий [13].

Однако в результате анализа научных публикаций установлено, что роли цифровых платформ в развитии креативных индустрий в регионах России уделяется недостаточное внимание. Исследователи концентрируют свое внимание на создании креативных пространств, обучающих акселерационных и инкубационных программ, на финансовых затратах и предоставлении налоговых льгот [12; 13].

Ярким примером стремительного развития креативных индустрий в зарубежных странах служит Китай, где с 2001 года реализуется целенаправленная политика развития креативного сектора. Отличительной чертой китайского подхода является тесная взаимосвязь креативных индустрий с ИКТ, активное использование цифровых платформ, моделей совместного потребления и геймифицированных инструментов [14, с. 70].

При проектировании региональной политики развития креативных индустрий предлагается с помощью цифровых платформ воздействовать на ключевые драйверы развития бизнеса, тем самым обеспечивая содействие местному бизнесу в цифровой трансформации его бизнес-модели.

Задачей региональной политики является обучение региональных предпринимателей пользованию цифровыми платформами, а также помощь в прохождении барьеров, связанных с использованием цифровой платформы. С целью устранения этих барьеров предложены приоритетные меры региональной политики по развитию креативных индустрий на основе драйверов роста бизнеса (табл. 2).

Цифровые платформы устраняют географические барьеры, позволяя региональным предприятиям креативных индустрий выходить на глобальные рынки. Однако это требует наличия цифровых компетенций для поиска и выхода на платформы, разработки и отладки вариантов монетизации, а также содействия в продвижении регионального бизнеса в части приоритезации предложений карточек товаров на платформах.

Таблица 2

Проектирование региональной политики по развитию креативных индустрий

Классификация креативных индустрий России на основе бизнес-модели	Драйверы и барьеры развития креативного сектора	Целевые меры поддержки
Производство и продажа физических товаров (народные художественные промыслы и ремесла, изделия пошива и др.)	Цель: масштабирование бизнеса, возможность выхода на глобальные рынки через международные платформы. Барьеры входа на платформу: низкая видимость из-за алгоритмов ранжирования. Важно: поиск служб логистики и фулфилмента	1. Субсидии на продвижение. 2. Правовая защита: - защита дизайнов и авторских прав; - борьба с контрафактом на цифровых площадках. 3. Образовательные программы e-commerce для производителей. 4. Разработка «гайдов» по выходу на платформы Ярмарка Мастеров, Etsy. Возможность многоразового использования «гайда» для типовых кейсов 5. Поиск вариантов сервисов логистических операторов и фулфилмента.
Услуги и исполнительские практики (концерты, музеи и др.)	Цель: переход к гибридным форматам бизнеса (офлайн / онлайн); использование платформ для продвижения и бронирования услуг (Timepad, Яндекс.Афиша). Барьеры развития: - нехватка оборудования для качественных трансляций и записей; - отсутствие цифровых компетенций у артистов/исполнителей; - необходимость инвестиций в продвижение	1. Создание креативных пространств, оборудованных для цифровых трансляций и качественной записи контента. 2. Программы защиты цифрового авторского права, в том числе с использованием NFT. 3. Разработка «гайдов», например: по созданию онлайн-школы; проведению «гибридных (офлайн / онлайн) мероприятий
Цифровые продукты и платформы (видеоигры,	Цель: повышение представленности и узнаваемости региональных цифровых продуктов.	1. Реализация программ для молодежи, игровых акселераторов и курсов по геймдизайну

программное обеспечение и др.)	Барьеры: - сложности монетизации в условиях бесплатного контента; - ограничения на трансграничные данные и платежи; - сложности при выходе в цифровые маркетплейсы, например App Store и Google Play	2. Гранты на разработку приложений и симуляторов для сферы образования (колледжи, школы). 3. Стимулирование использования локализованных сюжетов и дальнейшее их продвижение
Контент и интеллектуальная собственность (анимация, аудиокниги, цифровое искусство и др.)	Цель: Обеспечить глобализацию контента и представленность у цифровых дистрибуторов; - книги: Bookmate, Литрес - музыка: VK Музыка, Zvooq - видео: More.tv, Start. Барьеры: - перенасыщение рынка; - борьба за внимание	Подготовка «гайдов» по выходу на цифровых дистрибьюторов (например, как выпустить на платформе и монетизировать книгу)
Проектные и консалтинговые услуги креативных индустрий	Цель: цифровая трансформация традиционных бизнесов, требующих экспертной поддержки. Барьеры: - перенасыщение рынка потенциальных исполнителей на цифровых платформах; - нехватка цифровых навыков для продвижения на платформах у традиционных креативщиков (дизайнеров, архитекторов)	1. Акселераторы для креативных консультантов (обучение и нетворкинг). 2. Программы обмена с зарубежными креативными кластерами. 3. Менторские программы от топ-экспертов индустрии

Источник: составлено автором

В целях содействия росту креативных индустрий в условиях ограниченности бюджетных средств на оказание финансовых мер поддержки представляется целесообразным разработка «гайдов» по выходу и продвижению конкретного сегмента креативных индустрий на соответствующей платформе, а также «рекомендованных» дополнительных сервисов для предпринимателей с учетом региональной специфики. Это позволит снизить барьеры выхода на цифровые платформы, например в части решения логистических и складских (фулфилмент) задач. Важность этого механизма обусловлена возможностями многоразового использования «гайда» для типовых кейсов регионального бизнеса.

Результаты проведенного исследования позволили сформулировать следующие основные принципы разработки региональных мер поддержки креативного бизнеса для выхода его на цифровые платформы.

1. Выбор сегментов креативных индустрий с высоким потенциалом роста за счет исследования локальных креативных бизнесов (IT, дизайн, музыка, кино, игры и др.) на предмет потенциала масштабирования и выявления наиболее перспективных цифровых платформ для целевых сегментов.

2. Достижение синергетических эффектов за счет сетевых и партнерских инициатив:

- за счет формирования кластеров креативных компаний для совместного выхода на платформы;
- создания партнерств с международными цифровыми площадками (специальные условия для региона);
- формирования общих для целевого сегмента креативных компаний «гайдов» по выходу и продвижению на цифровых платформах.

3. Повышение узнаваемости локальных брендов и представленности на платформах за счет дополнительных мер: финансовой поддержки на маркетинг (таргетированная реклама, продвижение) и обучение цифровым навыкам и брендингу; правовой защиты; выдачи грантов на интеграцию локального культурного наследия в цифровой контент.

Региональные меры должны быть практико-ориентированными, сочетать финансовую, образовательную и инфраструктурную поддержку, а также помогать бизнесу преодолевать барьеры при выходе на глобальные цифровые платформы.

Выводы

Цифровые платформы являются ключевым инфраструктурным элементом креативных индустрий, обеспечивая доступ к глобальным рынкам, снижая транзакционные издержки и обеспечивая возможность быстрого масштабирования регионального креативного бизнеса.

Развитие креативных индустрий на базе цифровых платформ требует адаптации региональной политики к условиям работы с ними. Предлагаемые меры по разработке «гайдов», по созданию цифровой инфраструктуры в рамках креативных кластеров, образовательные программы и финансовые

меры поддержки по продвижению на цифровых платформах позволят нивелировать барьеры входа и продвижения региональных предпринимателей на платформах, и обеспечит рост сектора креативных индустрий в регионе.

В целях решения, поставленных задач принципами региональной политики, должны стать: фокусировка на перспективных направлениях креативной экономики, способных к быстрому развитию; создание синергии через кооперацию, партнерство и сетевые проекты; продвижение местных брендов и повышение уровня их представленности на цифровых платформах.

Задачей дальнейших исследований является поиск оптимальной модели развития креативных индустрий в регионе с использованием цифровых платформ на основе сочетания гибкой кооперации между творческими предпринимателями региона, использования культурно-экономического ландшафта, создания новых инструментов монетизации и наличия локальной инфраструктуры для креативного бизнеса.

Литература

1. Вклад цифровых платформ в развитие креативных индустрий и поддержку креативного предпринимательства / Г.Р. Имаева, Е.Ю. Сушко, И.А. Гильдебрандт, Л.В. Спиридонова, Т.А. Аймалетдинов // Москва: Издательство НАФИ, 2021. 84 с. URL: https://nafi.ru/upload/NAFI_Google_Digital_Platforms_Creative_Industries.pdf.

2. Рейтинг креативных регионов России: 2024 / Л. М. Гохберг, В. О. Боос, К. Н. Боякова, Е. С. Куценко и др.; под ред. Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025.

3. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», статья 3 // Собрание законодательства Российской Федерации, № 33 (ч. II), 12.08.2024, ст. 5026.

4. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23.04.2025 № 266 «Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505270011.

5. Государственные цифровые платформы: формирование и развитие / Е. М. Стырин, Н. Е. Дмитриева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 192 с.

6. Popiel P. Boundaryless in the creative economy: assessing freelancing on Upwork // Critical Studies in Media Communication. 2017. Vol. 34. No. 3. P. 220–233.

7. Roy G., Shrivastava A.K. Future of gig economy: opportunities and challenges // Imi Konnect. 2020. Vol. 9. No. 1. P. 14–27.

8. Popescu A.I. The Evolution of On-Demand Platforms: Conceptual Framework, Regulatory Challenges, and Policy Implications in the Digital Economy //International Journal of Economic Sciences. 2024. Vol. 13. No. 2. P. 55–86.

9. Васильева Е.В. Методология исследования возможностей цифровых платформ и экосистем: опыт применения Platform Innovation Kit // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2023. Т. 19, № 1. С. 24–35.

10. Holzmann P., Gregory P., Bohn S., Reischauer G. Institutional logics and business models of digital niche marketplaces // Information and Organization. 2025. Vol. 35 (2). P. 100575. https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2025.100575.

11. Gawer A. Digital Platforms and Ecosystems: Remarks on the Dominant Organizational Forms of the Digital Age // Innovation: Organization & Management. 2022. Vol. 24. No 1. P. 110–124.

12. Бунеев Т.П., Зайончковский А.И. Развитие национальных креативных индустрий: сравнение зарубежного и отечественного опыта. Россия: общество, политика, история. 2023. №1 (6). С. 102–121.

13. Ривчун Т.Е., Вапнярская О.И., Платонова Н.А. Практики поддержки креативных индустрий на региональном уровне // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 3. С. 187–210.

14. Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш. Подходы к исследованию креативных индустрий для управления в цифровой экономике // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17. № 1. С. 63–89.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/novye-vozmozhnosti-sovershenstvovaniya-metodicheskogo-obespecheniya-povysheniya-effektivnosti-proizvodstva-na-osnove-teorii-ogranichenij-sistem/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 338.24.01
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_194



НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ОГРАНИЧЕНИЙ СИСТЕМ

Новицкий И.Е., *аспирант, Всероссийский научно-исследовательский институт «Центр», г. Москва, Россия*

Аннотация. Цель исследования заключается в привлечении внимания читателя к целесообразности применения сегодня незаслуженно редко используемой организационной концепции «теории ограничений систем» (ТОС) в качестве методического обеспечения решения задач повышения эффективности производства. Как показал анализ, данная теория позволяет построить иерархию причин возникновения нежелательных явлений в работе предприятия вплоть до выявления их первопричины; сформировать логическую модель устранения первопричины нежелательных явлений; обеспечить ви́дение логики влияния устранения истинной причины на промежуточные факторы возникновения нежелательных явлений и разработать план перехода из текущего состояния системы в будущее, соответствующее желаемой конфигурации. На заключительном этапе теория предлагает рекомендации по пошаговой процедуре преобразований решаемой задачи для приведения ее к виду привычного нам бизнес-плана и сетевого графика. В отличие от иных известных организационных концепций, таких как «бережливое производство», «6 сигм», «всеобщее управление качеством» и других, ТОС в большей степени ориентирована именно на решение задач повышения эффективности производственной деятельности в их организационно-управленческом аспекте, нежели в части организации производства, где приоритет имеют в основном решения, связанные с техникой.

Ключевые слова: организационные концепции, теория ограничений систем, повышение эффективности производства, бережливое производство, 6 сигм, всеобщее управление качеством.

NEW OPPORTUNITIES TO IMPROVE METHODOLOGICAL SUPPORT FOR INCREASING PRODUCTION EFFICIENCY BASED ON THE THEORY OF SYSTEM CONSTRAINTS

Novitsky I.E., *Postgraduate Student, All-Russian Research Institute "Center", Moscow, Russia*

Abstract. The purpose of the study is to draw the reader's attention to the expediency of applying today the undeservedly rarely used organizational concept of the "theory of system constraints" (TOC) as a methodological support for solving problems of increasing production efficiency. As the analysis has shown, this theory makes it possible to build a hierarchy of the causes of undesirable phenomena in the work of an enterprise up to the identification of their root cause; to form a logical model for eliminating the root cause of undesirable phenomena.; provide a vision of the logic of the effect of eliminating the true cause on the intermediate factors of the occurrence of undesirable phenomena and develop a plan for the transition from the current state of the system to the future, corresponding to the desired configuration. At the final stage, the theory offers recommendations on a step-by-step procedure for transforming the problem being solved to bring it into the form of our usual business plan and network schedule. Unlike other well-known organizational concepts, such as "lean manufacturing", "6 sigma", "universal quality management" and others, CBT is more focused on solving the tasks of increasing the efficiency of production activities in their organizational and managerial aspect, rather than in terms of production organization, where the priority is mainly solutions related to technology.

Keywords: organizational concepts, theory of system constraints, production efficiency improvement, lean manufacturing, 6 sigma, universal quality management.

JEL classification: D21, M21, G32.

Для цитирования: Новицкий И.Е. Новые возможности совершенствования методического обеспечения повышения эффективности производства на основе теории ограничений систем // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 194–208. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_194.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2025 г. Одобрена после рецензирования: 24.06.2025 г. Принята к публикации: 25.06.2025 г.

For citation: Novitsky I.E. New opportunities for improving methodological support for increasing production efficiency based on the theory of system constraints // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 194–208. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_194.

The article was submitted to the editorial office: 13/06/2025. Approved after review: 24/06/2025. Accepted for publication: 25/06/2025.

Введение

Повышение эффективности промышленного производства – комплексная задача, для решения которой при условии наличия спроса на продукцию используются различные методы, включающие в себя инструменты как технического, так и организационно-экономического плана. Сегодня в условиях существенной международной изоляции и ограничения зарубежных инвестиций в развитие промышленности данное направление работы приобретает особое значение так как при верно выбранном направлении совершенствования деятельности сравнительно небольшие затраты могут приводить к значительному повышению эффективности производства за счет наращивания объемов деятельности и снижения издержек.

Несмотря на то, что основы рациональной организации производства во многом были заложены в нашей стране, в настоящее время особую популярность получили методы и концепции совершенствования производственной деятельности, разработанные за рубежом, в силу высокой алгоритмизации процедур и инструментов выполнения данной работы. Среди наиболее известных концепций – «бережливое производство», «6 сигм», «всеобщее управление качеством» и другие. Анализ их содержания позволяет заключить, что основной акцент в этих концепциях делается на рационализацию производственных процессов и потоков, приводящую к росту производительности, снижению потерь и повышению маржинальности бизнеса.

Между тем существенный резерв увеличения результативности производственной деятельности заложен в методах и инструментах, оптимизирующих собственно организационно-управленческие аспекты работы предприятий. И в этой работе весьма ценным оказывается применение еще одной концепции совершенствования – «теории ограничений систем», которая пока редко используется в отечественной промышленности.

Поэтому целью настоящего исследования является привлечение внимания читателя к целесообразности применения этой организационной концепции в качестве методического обеспечения решения задач повышения эффективности производства.

Обзор литературы

Актуальные вопросы выбора направлений и методов организационно-экономических преобразований на промышленных предприятиях исследованы в трудах таких ученых, как А.Т. Алиев и К.В. Балдин [1], М.А. Батьковский [2], А.Д. Бобрышев [3], С.С. Голубев [4], О.Е. Гудкова [5], В.М. Тумин [6]. Стали классическими труды исследователей современных организационно-управленческих концепций Г. Ватсона [7], Д. Вумека и Д. Джонса [8], В.И. Лапидуса [9], А.В. Казинцева [10]. В работах Э. Голдратта [11, 12] заложены основы теории ограничений систем, которые затем развиты и детализированы в трудах его последователей: У. Детмера [13], О. Коуэна и Е. Федурко [14]. В целом по исследуемой проблеме накоплен значительный

массив теоретических знаний и результатов их практического применения. В то же время каждая из раскрываемых перечисленными исследователями концепций и теорий обладают как несомненными достоинствами, так и определенными ограничениями в своем использовании. Задачей настоящего исследования является предложить некоторые решения, расширяющие применимость передового опыта повышения эффективности производственной деятельности в промышленности.

Материалы и методы

Методология проведения исследования основана на сравнительном анализе различных подходов к определению проблем в развитии предприятий, сдерживающих их поступательное развитие, а также раскрытии методов и моделей их решения на основе теории ограничений систем.

Результаты и обсуждение

Симптомов того, что на предприятии нужно что-то менять, бывает достаточно, вопрос состоит в том, чтобы их вовремя распознать, идентифицировать и разобраться в истинных причинах возникновения для принятия корректирующих воздействий. Наиболее экстремальный симптом – банкротство предприятия, начало которого фиксируется в момент подачи инициатором (кредитором или самим должником) заявления в арбитражный суд. Предприятие становится банкротом в случае утраты способности оплачивать счета кредиторов.

Согласно Закону о несостоятельности (банкротстве): «Юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены» [15, п. 2 ст. 3].

Как правило на данном этапе поздно что-то предпринимать, так как все мыслимые возможности исправить ситуацию к этому моменту уже бывают исчерпаны. Да и статистика банкротств свидетельствует, что реабилитационные процедуры (внешнее управление и финансовое оздоровление), позволяющие не ликвидировать предприятие, а восстановить его платежеспособность, применяются крайне редко и их доля имеет тенденцию к снижению (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество процедур банкротства, введенных в отношении юридических лиц

Процедуры	2019	2020	2021	2022	2023
о признании должника банкротом и открытии конкурсного производства	12393	9924	10306	9047	7400
о введении наблюдения	10129	7769	8572	5225	7532
о введении внешнего управления	209	149	157	140	88
о введении финансового оздоровления	18	22	22	9	9
доля реабилитационных процедур (внеш. управлений и фин. оздоровлений), без учета наблюдений	1,8%	1,7%	1,7%	1,6%	1,3%

Источник: составлено автором по материалам [16]

Руководителям, ранее не сталкивавшимся с проблемой банкротства, сложно представить ситуацию, при которой они (или назначенный судом арбитражный управляющий) будут вынуждены распродать имущество своей компании для погашения требований кредиторов, уволить сотрудников и прекратить бизнес. Вместе с тем, интегральные данные о финансовом состоянии предприятий России свидетельствуют о том, что многие из них ведут рискованную финансовую политику, чреватую потерей устойчивости и риском несостоятельности – табл. 2.

Таблица 2

Сводная статистика о финансовых проблемах предприятий

Показатели	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего фирм в базе данных Росстата и ФНС (млн), из них:	0,8	1,7	2,0	2,3	2,4	2,4	2,3	2,2	2,4	2,3	2,3	2,3
– имеют отрицательный собственный капитал	13%	13%	14%	14%	13%	13%	13%	13%	14%	13%	13%	12%
– торговали в убыток (имеют убыток от продаж по году)	16%	16%	17%	17%	17%	16%	17%	17%	20%	18%	18%	17%
– с убыточной деятельностью в целом (имеют чистый убыток по году)	17%	19%	20%	20%	19%	19%	19%	19%	21%	19%	19%	18%
– собственных средств меньше заемных	71%	65%	65%	65%	64%	63%	61%	62%	61%	59%	58%	57%
– недостаточно средств для погашения текущих обязательств (оборотные активы меньше краткосрочных обязательств)	23%	22%	23%	22%	21%	20%	19%	19%	19%	18%	17%	17%
В том числе организаций с выручкой не менее 1 млн. руб. в год и активами не менее 100 тыс. руб. (млн), из них:	0,5	0,9	1,0	1,1	1,1	1,1	1,1	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2
– имеют отрицательный собственный капитал	11%	12%	12%	12%	12%	12%	11%	12%	12%	11%	11%	10%
– торговали в убыток (имеют убыток от продаж по году)	15%	15%	15%	15%	15%	15%	15%	16%	17%	16%	16%	15%
– с убыточной деятельностью в целом (имеют чистый убыток по году)	16%	17%	18%	18%	17%	17%	17%	17%	18%	16%	16%	15%
– собственных средств меньше заемных	71%	65%	66%	65%	64%	63%	62%	62%	61%	59%	58%	58%
– недостаточно средств для погашения текущих обязательств (оборотные активы меньше краткосрочных обязательств)	22%	22%	22%	21%	20%	19%	18%	18%	18%	17%	16%	16%

Источник: составлено автором по материалам [17]

На предупреждение и устранение последствий симптома банкротства нацелено весьма объемное законодательство, включающее также развернутый дополнительный нормативно-методический аппарат [18]. Однако, как показано в таблице 1, данная тема остается актуальной, и методология проведения этой работы требует совершенствования, в том числе с применением идей, раскрываемых в настоящем исследовании. Закон о несостоятельности (банкротстве) содержит перечень решений, способных оздоровить ситуацию на предприятии для его финансовой реабилитации (см. рис. 1).

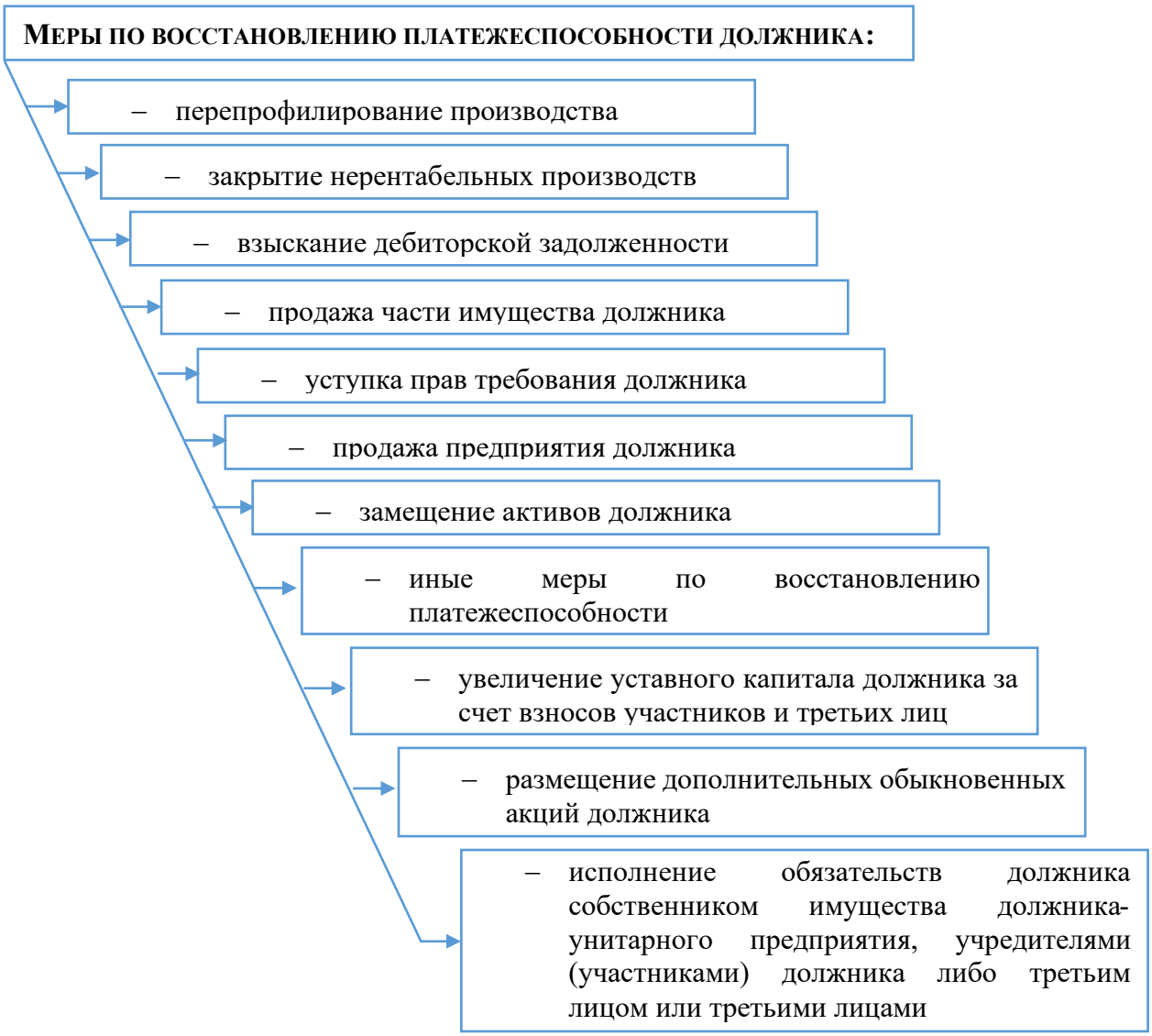


Рис. 1. Рекомендуемые меры по восстановлению платежеспособности должника

Источник: составлено автором по данным [15, ст. 109]

В то же время установление причинно-следственной связи между ключевой проблемой – неспособностью предприятия погасить кредиторскую задолженность – и сложным комплексом решений по выводу предприятия из кризиса, приведенном на рисунке, каждое из которых требует отдельной

тщательной проработки, оставлено на усмотрение арбитражного управляющего, как правило, не являющегося глубоким профессионалом в вопросах методологии повышения эффективности производственной деятельности, но специально обученного процедурам, ориентированным на удовлетворение требований кредиторов путем распродажи активов должника. Не с этим ли связана исчезающе малая доля реабилитационных процедур, приведенная в таблице 1?

Еще один симптом или индикатор необходимости внесения корректив в развитие предприятия связан с приведением его масштаба в соответствие оптимальному или экономически целесообразному для обеспечения эффективности деятельности. Существует несколько методических подходов к выполнению этой работы [19]. В частности, перспективным можно считать «подход к обоснованию решения о целесообразности и направлениях наращивания масштаба предприятия, основанный на анализе динамики вовлечения производственных факторов в производство и опенке устойчивых и существенных изменений их отдачи, вызванных ростом предельных издержек в долгосрочном периоде, что позволяет повысить обоснованность стратегических инвестиционных решений на основе закономерностей, установленных функцией Кобба-Дугласа» [20, с. 139].

Помимо решения проблем оптимизации масштаба предприятия в различных отраслях промышленности существуют устоявшиеся представления об их оптимальных размерах, которые вытекают из анализа сложившейся практики. «Например, для предприятий, занятых переработкой мороженной рыбы и морепродуктов, конкурентной является капитализация в $10 млн и в $100 млн. Промежуточные варианты специалистами не рассматриваются как неэффективные в данной подотрасли и приводят к необходимости или дробления, или укрупнения бизнеса до указанных величин» [21].

«Размеры предприятия, как справедливо отмечает О.Е. Гудкова, также регулируются государством в целях обеспечения соблюдения интересов акционеров и инвесторов путем нормирования соотношения между стоимостью чистых активов хозяйственных обществ и величиной их уставного капитала. В случае, если стоимость чистых активов хозяйственного общества оказывается ниже его уставного капитала, оно должно предпринять меры по устранению этого разрыва либо ликвидироваться.

Следует заметить, что рыночный показатель капитализации в российских условиях пока имеет ограниченное применение, так как рассчитывается путем умножения количества акций акционерного общества на их биржевую стоимость и для его определения необходима котировка акций предприятия на бирже. В то же время, например, по состоянию на 01.11.2024 на Московской бирже торговались акции лишь 253 российских и 210 зарубежных компаний всех видов деятельности [22] при том, что крупных и средних промышленных машиностроительных предприятий в России в 2022 г. насчитывалось 71,6 тысяч [23, с. 45]. Следует также учитывать, что

соотношение количества АО и ООО, из которых последние в принципе не выходят на фондовую биржу, в целом по экономике России составило на эту же дату 1: 49 (52 369: 2 543 967) [24]. В этой связи в отечественной хозяйственной практике вместо показателя капитализации используется показатель стоимости бизнеса, рассчитываемый с применением трех подходов: сравнительного, затратного и доходного» [25].

Помимо регламентированных индикаторов или симптомов, свидетельствующих о расхождении параметров предприятий с рекомендованными или нормативными значениями, существует большое число иных признаков того, что в бизнесе необходимо что-то менять для исправления ситуации, которая не устраивает его владельцев и/или администрацию. Наиболее часто при этом используются данные финансового анализа. Например, в табл. 3 приведены параметры финансового состояния предприятия, на значения которых банки ориентируются в вопросе целесообразности кредитования заемщика.

Таблица 3

Совокупность и значения коэффициентов оценки надежности заемщиков

Показатель	Способствует решению о выдаче кредита:	
	положительному	отрицательному
Абсолютная ликвидность	> 0,2	<0,2
Текущая ликвидность	> 1,0	<1,0
Рентабельность активов	> 10%	<10%
Рентабельность капитала	> 20%	<20%
Автономность	> 0,3	<0,3
Оборачиваемость активов	> 2,0	<2,0

Источник: составлено автором по материалам [26]

Кроме аналитических показателей о проблемах со снижением эффективности деятельности могут свидетельствовать такие индикаторы, как: падение объемов продаж, рост текучести кадров, увеличение дебиторской и кредиторской задолженности, а также длительности производственного цикла, рост запасов, затоваривание готовой продукцией и другие, обстоятельства возникновения которых иногда трудно объяснить без проведения специального исследования. Более того, причин, снижающих эффективность производственной деятельности, обычно несколько, среди них есть управляемые со стороны менеджмента предприятия и есть те, которые носят объективный, внешний по отношению к нему характер и не могут быть устранены силами предприятия, но должны лишь специальным образом учитываться. Как правило, все эти причины находятся во взаимосвязи между собой и могут быть вытроены в иерархическую систему с применением аппарата построения дерева целей (проблем, решений). На рис. 2 приведен пример такого дерева для индикатора «рост просроченной дебиторской задолженности». Данный инструмент позволяет визуализировать причины

нежелательных явлений в развитии предприятий, однако его недостатком является отсутствие объективных (не экспертных) количественных оценок влияния тех или иных причин на решаемую проблему, а также их множественность, не позволяющая выявить ключевые из них и расставить приоритеты в устранении.

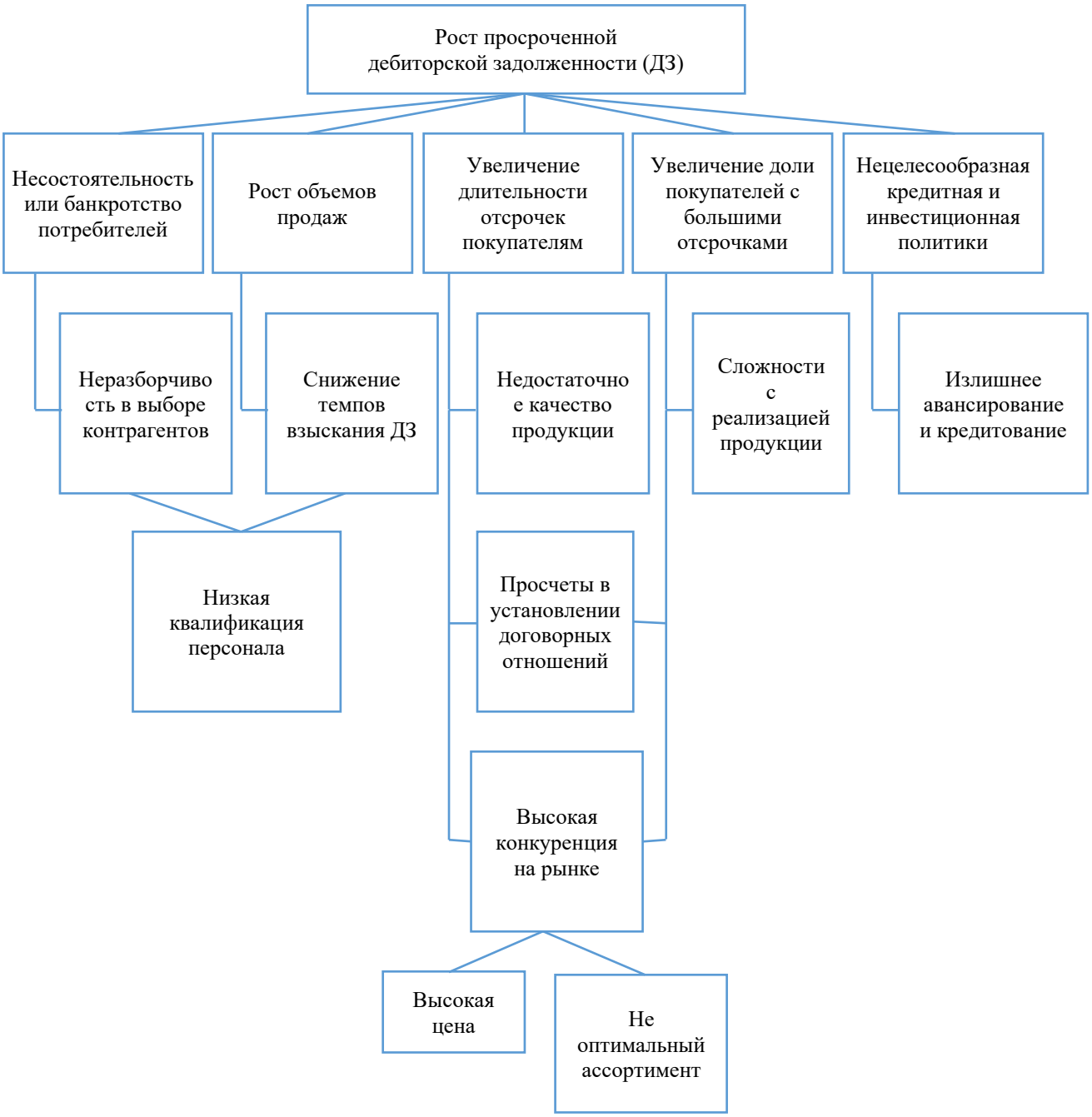


Рис. 2. Дерево причин роста просроченной дебиторской задолженности (фрагмент примера)

Источник: составлен автором

Сравнительный анализ способов решения подобных задач показал, что наиболее подходящей для проведения этой работы методической платформой является предложенная Э. Голдраттом «теория ограничений систем». Теория

базируется на проверенной временем мысли о том, что нецелесообразно заниматься совершенствование работы организации по широкому фронту, как это предлагают делать иные из перечисленных концепций. Результативным является поиск наиболее существенных проблем в работе предприятия и их последовательное решение с акцентом не на экономию издержек любыми средствами, а на нахождение способов увеличить доходы.

В этом, кстати, заключается позитивный посыл ТОС, которая, в отличие от принятой практики сокращения издержек путем увольнения персонала и урезания различных программ в случае возникновения кризисных явлений на предприятии, отдает приоритет поиску способов увеличения объемов реализации продукции, товаров, и услуг.

Следует заметить, что данная теория пока не столь популярна, нежели иные из перечисленных выше концепций повышений эффективности производственной деятельности и совершенствования организации и управления, следует полагать в силу того, что она не предлагает подробных конкретных инструментов для принятия управленческих решений, но лишь дает представление об общей логике действий для их выработки. Между тем в силу своей практичности она приобретает все больше последователей. Например, с 2000 г. в России работает Академия ТОС, подготовившая уже более 12 тыс. специалистов по работе с ограничениями систем [27]. На сайте международной сертификационной организации TOCICO (англ. TOC International Certification Organization) и на специальном сайте автора теории Goldratt Marketing Group размещена информация о новейших зарубежных достижениях и разработках в данной области.

Существует большое количество программных комплексов, автоматизирующих управление предприятием с использованием концепции ТОС. Например, на сайте tocpeople.com приведены следующие примеры. «Алгоритмы программного комплекса “WA-SCM” основаны на Теории ограничений. Опираясь на фактические данные по динамике потребления, программа определяет необходимые уровни запасов, время и объем заказов. Программа сама реагирует на изменение спроса вследствие сезонности или изменения потребительских предпочтений и максимально исключает человеческий фактор. Программа применима для производственных и торговых предприятий. “WA-SCM” выполнена в виде облачного сервиса и может интегрироваться с любыми системами учета или ERP. “LYNX” – быстрая и простая программа для управления большим количеством проектов на основе критической цепи (CCPM) для проектов любого масштаба. С ней вы легко сможете создавать проекты, управлять буферами, оптимизировать выполнение проектов в мультипроектной среде. Программа работает в виде облачного сервиса. Программа управления производством “LS12” охватывает полный цикл бизнес-процессов производственных предприятий – от закупок и заготовительного производства, до склада готовой продукции. Она основана на подходах теории ограничений и Toyota Production System (TPS) к управлению производством» [28].

Теория не замыкается на каких-либо конкретных подсистемах предприятия. Она может быть применена для поиска и снятия ограничений в технике, технологии, организации, управлении и иных сферах внимания исследователя проблем предприятия. Процедуры ТОС предусматривают построение ряда специальным образом взаимосвязанных графов, позволяющих выявить и наметить пути устранения ограничений – рис. 3. ТОС открывает новые возможности при использовании в качестве методического аппарата повышения эффективности производства.

Во-первых, она позволяет построить иерархию причин возникновения нежелательных явлений[1] в работе предприятия вплоть до выявления их первопричины, устранение которой позволяет устранить до 70% промежуточных причин («дерево текущей реальности» в терминологии ТОС).



Рис. 3. Взаимосвязь логических моделей теории ограничений систем

Источник: составлено автором по материалам [13, с. 59]

В этом состоит существенное отличие инструментов теории от методов «дерева целей» или «диаграммы Исикавы», которые дают возможность лишь провести декомпозицию нежелательного явления, не указывая на его первопричину. Во-вторых, построить логическую модель устранения первопричины негативных явлений в деятельности предприятия («диаграмму разрешения конфликта»). Модель строится не просто на основании интуитивных предположений экспертов, но по специальным образом организованной процедуре поиска способов разрешения конфликта между конкурирующими, а порой и взаимоисключающими способами организации действий.

[1] «Нежелательное явление – термин ТОС, обозначающий негативный аспект текущей реальности, определяемый относительно цели организации или системы, или необходимого для достижения цели условия; видимый симптом корневой причины, корневой проблемы или корневого конфликта» [29].

В-третьих, сформировать ви́дение логики влияния устранения истинной причины на промежуточные факторы возникновения нежелательных явлений в деятельности предприятия («дерево будущей реальности»), которое позволяет составить исчерпывающую процедуру выполнения этой работы как отдельной самостоятельной задачи. В-четвертых, разработать план перехода из текущего состояния системы в будущее, соответствующее желаемой конфигурации («дерево перехода»). В-пятых, предложить процедуру преобразований решаемой задачи («план преобразований»). Итогом всей работы становится привычные в использовании и традиционные для управленцев категории PERT-диаграммы (англ. – Program (Project) Evaluation and Review Technique – метод оценки и анализа проектов), диаграммы Ганта или сетевого графика реализации всей процедуры преобразований [30].

Заключение

В процессе исследования автором охарактеризован широкий круг источников возникновения организационно-управленческих проблем, сдерживающих поступательное развитие промышленных предприятий. Показаны возможности и преимущества одной из современных концепций совершенствования деятельности предприятий – теории ограничений систем. Оценивая ее позитивный потенциал, следует отметить, что единственно, чего пока не позволяет сделать инструментарий ТОС, – это предложить механизм количественных оценок для выбора альтернативных решений, которые всегда возникают при исследовании задач повышения эффективности столь сложных организационно-экономических систем, как промышленные предприятия. Для его создания в перспективе представляется целесообразным использовать научно-методический аппарат построения множественной регрессии.

Литература

1. Алиев А.Т., Балдин К.В., Дюндик А.А. Развитие механизма управления конкурентоспособностью промышленного предприятия в новой реальности // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. № 2. С. 229–234.

2. Развитие управления диверсификацией производства на предприятиях оборонно-промышленного комплекса / А.М. Батьковский, М.А. Батьковский, А.О. Жуков. М.: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Экспертно-аналитический центр», 2023. 385 с.

3. Грибов П.Г., Бобрышев А.Д., Алиев А.Т. Инновационные подходы к построению больших организационно-экономических систем в промышленности // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2023. № 1. С. 66–75.

4. Голубев С.С., Цивилева А.Е. Управление региональной и отраслевой экономикой в современных условиях. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2023. 212 с.

5. Гудкова О.Е. Проектирование новых организаций: Учебник / О.Е. Гудкова. Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2023. 224 с.

6. Управление устойчивым развитием организаций и территорий / В.М. Тумин, Е.В. Зенкина, О.П. Иванова [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2024. 272 с.

7. Ватсон Г. Методология «Шесть сигм» для лидеров, или как достичь 3.4 дефекта на миллион возможностей / Пер. с англ. А.Л. Раскина: Под науч. ред. Ю.П. Адлера. М.: РИА «Стандарты и качество». 2006. 224 с.

8. Бережливое производство: как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании / Джеймс Вумек, Дэниел Джонс; пер. с англ. [С. Турко]. 7-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2013. 470 с.

9. Лапидус В. А. Всеобщее качество (TQM) в российских компаниях. М.: ОАО «Типография «Новости», 2000. 432 с.

10. Казинцев А.В. Технология развития производственной системы: Повышение эффективности бизнеса по методике Lean Six Sigma. М.: Альпина Паблишер, 2024. 504 с.

11. Голдратт Э.М. Критическая цепь. М.: Попурри, 2024. 240 с.

12. Голдратт Э.М., Кокс Д. Цель. Процесс непрерывного улучшения. М.: Попурри, 2019. 400 с.

13. Детмер У. Теория ограничений Голдратта: Системный подход к непрерывному совершенствованию / Уильям Детмер; пер. с англ. [У. Саламатова]. 5-е изд. М.: Альпина паблишерз, 2013. 443 с.

14. Коуэн О., Федурко Е. Основы Теории Ограничений. Таллин: tocExpert, 2017. 354 с.

15. О несостоятельности (банкротстве). Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 07.10.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024).

16. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству. Статистика 2023 г. URL: https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%202023.pdf.

17. Сравнение финансового состояния фирмы с отраслевыми показателями и конкурентами. URL: https://www.testfirm.ru.

18. Законодательство о банкротстве: преемственность и новации: монография / П.Р Абдуллаева. Н.В. Бандурина, Ю.М. Воронина [и др.]; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2023. 348 с.

19. Горский М.А., Халиков М.А. Модели и методы оценки оптимального размера производственного сегмента предприятия // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 1. С. 23–32.

20. Слукина С.А., Вольф Ф.В., Земзюлина В.Ю. Экономически целесообразный масштаб предприятия: монография. М.: Первое экономическое издательство, 2022. 226 с.

21. Разработка процедуры управляемого вывода промышленных предприятий из равновесного состояния для перехода на более высокий

уровень инновационного развития / А.Т. Алиев, К.В. Балдин, А.Д. Бобрышев, А.А. Пудов // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 2. С. 239–249.

22. Список ценных бумаг, допущенных к торгам. URL: https://www.moex.com/ru/listing/securities.aspx.

23. Промышленное производство в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 259 с.

24. Отчет по форме № 1-ЮР (2024 год). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77//related_activities/statistics_and_analytics/forms/14414858/.

25. Касьяненко Т.Г., Маховикова Г.А. Оценка стоимости бизнеса + приложение: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 373 с.

26. Дубоносова А.Н. Контролируем платежеспособность предприятия: алгоритм действий // Справочник экономиста. 2017. № 2. С. 14–28.

27. ТОС Академия. URL: https://tocacademy.ru.

28. Программы ТОС. URL: https://tocpeople.com/instrumenty/programmy/.

29. THE TOCICO DICTIONARY. Second Edition, 2012 © TOCICO. URL: https://www.tocico.org/store/viewproduct.aspx?id=23553945.

30. Светлов Н.М., Светлова Г.Н. Информационные технологии управления проектами. Учебное пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2024. 232 с.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/analiz-investiczionnyh-riskov-v-regionalnyh-proektah-metody-oczenki-i-sposoby-minimizaczii/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 322.1:338.262
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_209



АНАЛИЗ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РИСКОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ: МЕТОДЫ ОЦЕНКИ И СПОСОБЫ МИНИМИЗАЦИИ

Севостьянов Д.С., *аспирант, Воронежский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», г. Воронеж, Россия*

Аннотация. В настоящем исследовании рассматриваются методы оценки, способы управления и минимизации инвестиционных рисков в проектах на региональном уровне в целях повышения инвестиционной привлекательности Тверской области. Целью исследования является проведение анализа инвестиционных рисков в региональных проектах на территории Тверской области, являющихся для нее характерными, оценку методов выявления рисков, а также способы митигации описанных рисков в целях повышения инвестиционной привлекательности региона и привлечения дополнительного финансирования для развития экономики региона, улучшения благосостояния населения. Актуальность поставленной цели обусловлена необходимостью повышения эффективности управления инвестиционными проектами на региональном уровне, так как на данном уровне специфические риски могут существенно снизить возможности проекта быть реализованным в полном объеме, в том числе иметь экономически эффективную отдачу. Особую значимость поставленная задача приобретает для регионов, являющихся схожими по типологии с Тверской областью, поскольку их можно классифицировать как субъекты, имеющие повышенные риски в части возникновения затруднений в привлечении внешних источников средств (внебюджетного финансирования), а также возможности диверсификации региональной экономики. Методология исследования включает в себя сравнительный анализ, анализ научной литературы, методы количественного и качественного анализа рисков, методы статистической обработки данных. Результатом проведенного исследования стало выявление основных рисков в региональных проектах Тверской области с учетом ее специфики, проведен анализ методов оценки таких рисков, а также способов их минимизации в целях повышения инвестиционной привлекательности региона. Практическая значимость результатов настоящего исследования заключается в возможности их использования органами государственной власти при разработке и практической реализации инвестиционной политики региона, а также частным предпринимательством в целях повышения обоснованности принятия инвестиционных решений и митигации возможных рисков при реализации проектов не только на территории Тверской области, но и в других регионах России.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционные риски, оценка рисков, минимизация рисков, региональные инвестиционные проекты, инвестиционная привлекательность, Тверская область.

ANALYSIS OF INVESTMENT RISKS IN REGIONAL PROJECTS: ASSESSMENT METHODS AND MINIMIZATION METHODS

Sevostyanov D.S., *Postgraduate Student, Voronezh Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Plekhanov Russian University of Economics", Voronezh, Russia*

Abstract. This study examines the methods of assessment, management and minimization of investment risks in projects at the regional level in order to increase the investment attractiveness of the Tver region. The purpose of the study is to analyze investment risks in regional projects in the Tver region, which are characteristic of it, to evaluate risk identification methods, as well as ways to mitigate the described risks in order to increase the investment attractiveness of the region and attract additional financing for the development of the region's economy and improve the well-being of the population. The relevance of this goal is due to the need to improve the efficiency of investment project management at the regional level, since at this level specific risks can significantly reduce the project's ability to be fully implemented, including having a cost-effective return. This task is particularly important for regions that are similar in typology to the Tver region. Such regions can be classified as regions that have increased risks in terms of difficulties in attracting external sources of funds (extra-budgetary financing), as well as opportunities to diversify the regional economy. The research methodology includes comparative analysis, analysis of scientific literature, methods of quantitative and qualitative risk analysis, methods of statistical data processing. The result of the study was the identification of the main risks in regional projects of the Tver region, taking into account its specifics, the analysis of methods for assessing such risks, as well as ways to minimize them in order to increase the investment attractiveness of the region. The practical significance of the results of this study lies in the possibility of their use by public authorities in the development and practical implementation of investment policy in the region, as well as by private business in order to increase the validity of investment decisions and mitigate possible risks in the implementation of projects not only in the Tver region, but also in other regions of Russia.

Keywords: investments, investment risks, risk assessment, risk minimization, regional investment projects, investment attractiveness, Tver region.

JEL classification: O15, I25, H22.

Для цитирования: Севостьянов Д.С. Анализ инвестиционных рисков в региональных проектах: методы оценки и способы минимизации // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 209–219. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_209.

Статья поступила в редакцию: 14.06.2025 г. Одобрена после рецензирования: 24.06.2025 г. Принята к публикации: 25.06.2025 г.

For citation: Sevostyanov D.S. Analysis of investment risks in regional projects: assessment methods and minimization methods // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 209–219. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_209.

The article was submitted to the editorial office: 14/06/2025. Approved after review: 24/06/2025. Accepted for publication: 25/06/2025.

Введение

Эффективное управление инвестиционными процессами на региональном уровне представляет собой один из ключевых факторов устойчивого социально-экономического развития территорий Российской Федерации наравне с такими факторами как развитие и поддержание уровня научно-технического прогресса, совершенствование промышленного сектора экономической сферы, денежно-кредитная политика России, а также гармоничное пространственное развитие, направленное на сокращение различий между регионами [5]. Вместе с тем реализация инвестиционных проектов на региональном уровне неизбежно соединена с обширным спектром рисков, которые способны снизить доходность таких проектов, а также повысить вероятность того, что проект вовсе не будет реализован. Особую актуальность проблема анализа и снижения инвестиционных рисков получает среди регионов, которые сталкиваются с необходимостью преодолевать структурные расхождения в экономике и приращения инвестиционной привлекательности при условии наличия высокой конкуренции на ограниченные ресурсы.

Риск – это система субъективных и объективных факторов, которые считаются более или менее реальными и могут представлять собой угрозу для экономических интересов и безопасности региона. Категория «риск» — это возможность негативного воздействия, снижающего уровень инвестиционной привлекательности проектов, и логическим следствием такой угрозы скрытого характера является невозможность данный фактор сделать обратимым.

Меры по выявлению и предотвращению рисков являются не только приоритетным этапом обеспечения инвестиционной привлекательности, но и ее принципом. Фактически, прежде чем риск можно будет устранить, его необходимо сначала идентифицировать. Идентификация угроз помогает выявить виды, типы и характер угроз инвестиционной привлекательности. Точное понимание опасностей и рисков позволяет принимать эффективные управленческие решения и принимать контрмеры для решения возникающих проблемных процессов. В Тверской области одним из методов снижения инвестиционных рисков при реализации региональных проектов является созданная в городе Кувшиново территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), которая была организована на основании решения Правительства Российской Федерации от 28.07.2022 № 1346 на срок до 2032 года.

Таким образом, целью настоящего исследования является анализ инвестиционных рисков в проектах на региональном уровне, являющихся характерными для Тверской области, оценка методов их идентификации и способов минимизации таких рисков с целью максимизировать инвестиционную привлекательность региона. Особую значимость поставленная исследовательская приобретает для регионов, являющихся схожими по типологии с Тверской областью, поскольку такие регионы можно классифицировать как субъекты, которые, которые имеют повышенные риски

в части возникновения затруднений в привлечении внешних источников средств (внебюджетного финансирования), а также возможности диверсификации региональной экономики.

Объектом исследования в данной статье выступают методы оценки и способы минимизации инвестиционных рисков в региональных проектах на примере Тверской области.

Обзор литературы

Е.А. Лавриненко в своем труде на тему «Методы оценки рисков при реализации региональных инвестиционных высокотехнологичных проектов» отмечает, что система оценки рисков реализации инвестиционных проектов на уровне региона включает следующие этапы:

1. Определение источника возникновения рисков.
2. Анализ рисков.
3. Оценка рисков с использованием имитационного моделирования и метода экспертных оценок.

Имитационное моделирование представляет из себя серию численных экспериментов, реализуемую в электронно-вычислительных машинах (ЭВМ), призванных представить эмпирически полученные оценки степени влияния различных рисков на какие-либо цели, стоящие перед готовящимся к реализации проектом. При этом метод экспертных оценок может поспособствовать митигации рисков, основываясь на экспертных знаниях [8].

Согласно исследованию В.М. Безденежных и А.А. Индарбаева на тему «Методические подходы к анализу факторов риска мезоуровня инвестиционных проектов госпрограмм» первоочередным на этапе оценки факторов риска является необходимость выделения сначала всех возможных факторов и видов рисков, а уже затем проведение качественного анализа выявленных рисков. Учитывая изложенное, авторами предложена схема с алгоритмом анализа факторов риска в части реализации государственных программ [2] (см. рис. 1).

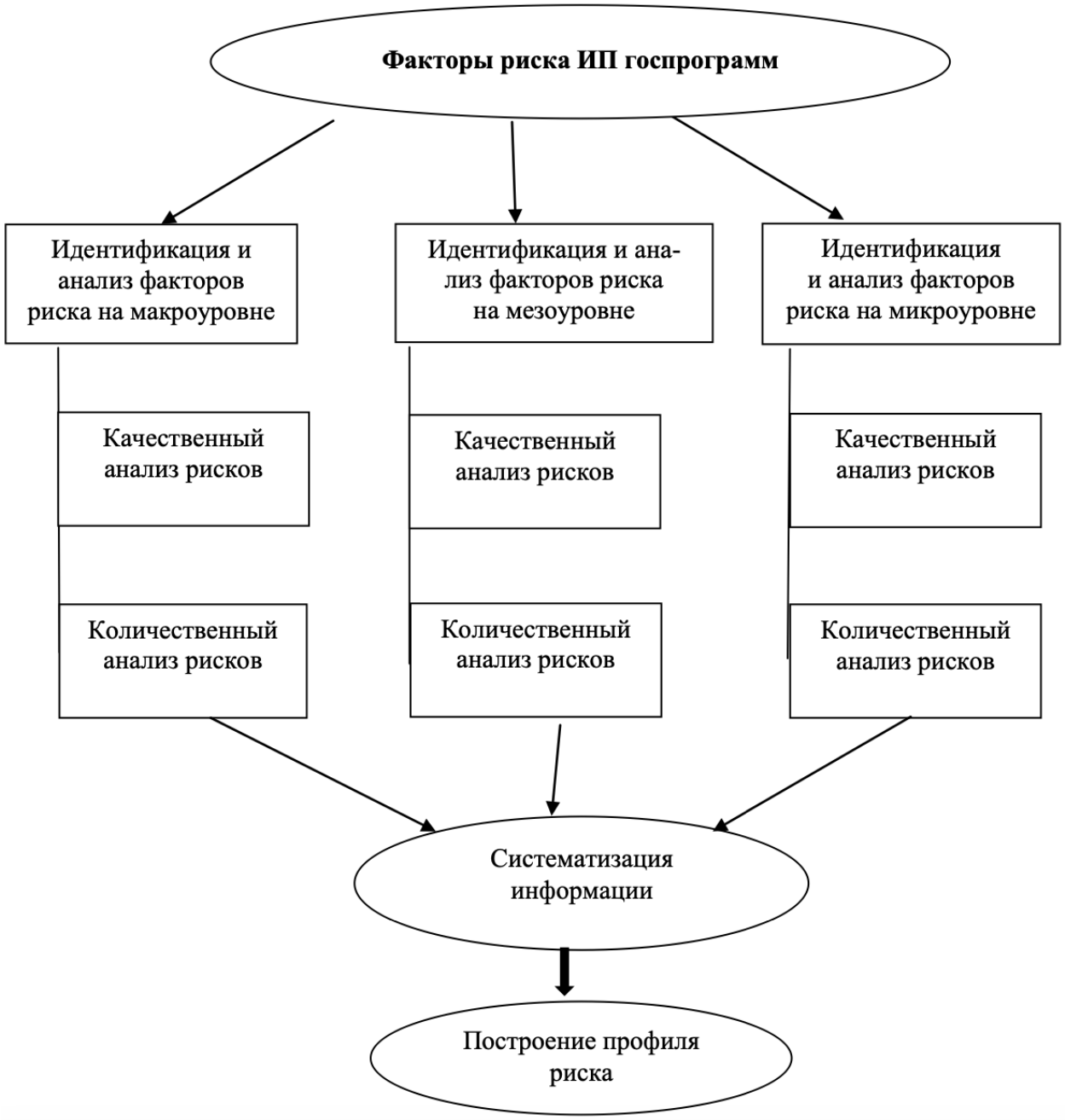


Рис. 1. Схема анализа факторов риска инвестиционных проектов госпрограмм регионального уровня

Источник: составлено автором по материалам [2]

В работе С.М. Садуллаева на тему «Современные методы оценки эффективности региональных инвестиционных проектов, претендующих на получение государственной финансовой поддержки» указывается на то, что недостаточная предварительная оценка рисков при реализации механизмов прямой и косвенной государственной поддержки может способствовать не только неэффективной реализации данных программ поддержки, но и полному нивелированию положительных эффектов при реализации региональных проектов [10] (см. рис. 2).

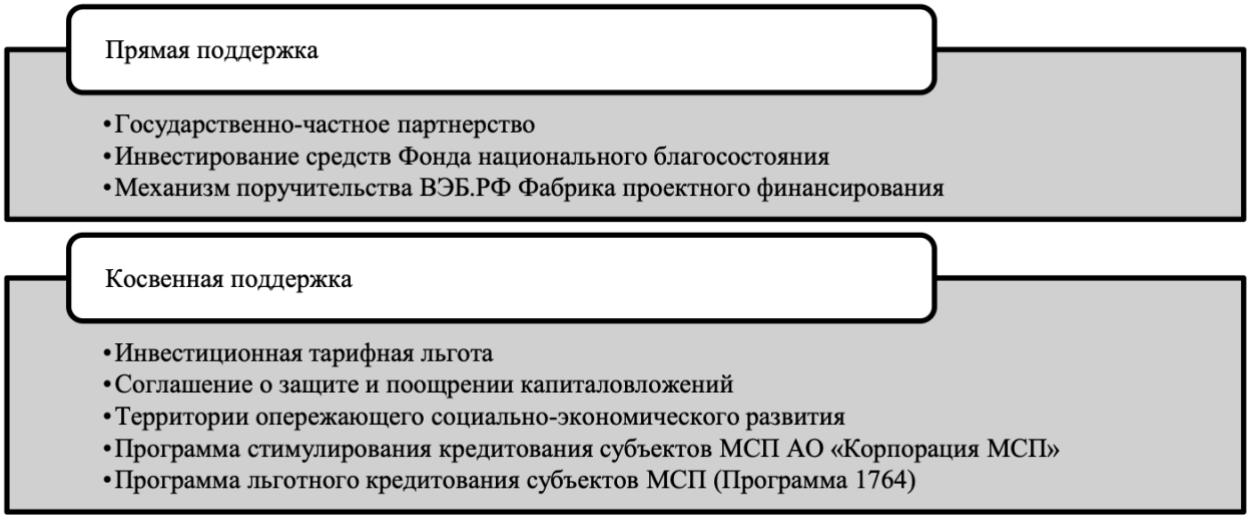


Рис. 2. Формы поддержки инвестиционных проектов

Источник: составлено автором

А.С. Федотов и О.А. Цепелев в исследовании на тему «Оценка рисков инвестиционных проектов на региональном уровне» отмечают, что необходимость оценки рисков инвестиционных проектов на региональном уровне можно рассматривать также и на примере процессов инвестирования на рынке ценных бумаг. При составлении портфеля активов инвесторы ориентируются на риски разных инструментов рынка ценных бумаг, а также отдельных ценных бумаг. В зависимости от уровня риска инвесторы проводят диверсификацию активов. При наступлении определенных событий инвесторы производят оценку рисков и уже после оценки принимают какие-либо решения относительно активов. Таким образом авторами предлагается не только проводить оценку на данный момент реализуемых проектов и вносить в них корректировки, но и подбирать для последующей реализации новые региональные инвестиционные проекты так, чтобы должны образом проводить диверсификацию рисков относительно экономики региона [6].

В труде Н.Ю. Ковалевской и О.А. Василенко определено, что существуют обусловленные воздействием региональных рисков проблемные аспекты, возникающие при принятии управленческих решений по региональным инвестиционным проектам. Авторами предлагаются следующие методы митигации региональных рисков при реализации инвестиционных проектов:

1. Исключение возможности лоббирования менеджментом, представляющим интересы инвесторы, интересов подрядной организации, которая будет непосредственно осуществлять работы по реализации инвестиционного проекта.

2. Заказчиком работ по реализации регионального инвестиционного проекта должен выступать не объект инвестирования в лице менеджмента планируемого к постройке предприятия или организации, а аппарат управления, который будет представлять интересы главного распределителя денежных средств, то есть инвестора.

3. Является необходимым определять строгий и эффективный контроль проведения тендерных (закупочных) процедур во избежание «серых» схем при выборе поставщика необходимой продукции или оборудования, которые могут в значительной степени повысить итоговую стоимость реализации проекта.

4. Предварительная проработка штатного расписания с целью недопущения дополнительных затрат на содержание административно-управленческого персонала, а также затрат на выплаты для работников с особыми условиями труда, в том числе работников предприятий в отдаленных районах, районах Крайнего Севера и областях, приравненных к ним.

5. Анализ и разработка кадровых решений в части подбора высококвалифицированного персонала в условиях нехватки кадров, в том числе в удаленных регионах с низкой плотностью населения, на период с момента начала реализации инвестиционного проекта и в течение одного-двух лет после запуска проекта. Например, авторами предлагается частичное замещение должностей финансового (главный бухгалтер, начальник подразделения снабжения) и производственного сектора (главный инженер, начальник производства, главный технолог) путем привлечения данных кандидатов на указанные должности из других регионов России [3].

Рассмотрим основные выводы из приведенного выше обзора литературных источников. Во-первых, устройство системы оценки рисков при реализации региональных инвестиционных проектов включает: определение источников, качественный анализ и оценку рисков. На этапе оценки факторов риска видится необходимым выявлять все возможные факторы и виды рисков, после чего начинать проведение качественного анализа и переходить к построению профиля риска. Во-вторых, недостаточная предварительная проработка по оценке возможных рисков может влиять на снижение эффективности от реализации инвестиционного проекта, поэтому как следствие по итогам завершения проекта вырастет возможность полного отсутствия положительных эффектов как таковых.

В-третьих, региональные риски при реализации инвестиционных проектов могут быть снижены за счет исключения возможных конфликтов интересов при организации работ, посредством организации особого контроля за проведением закупочных процедур на всех этапах проекта, путем координации и тщательного подбора кадрового состава проекта, в том числе за счет привлечения административно-управленческого персонала из других регионов на период с момента начала реализации проекта и до двух лет с момента его запуска. В-четвертых, одним из важных аспектов плодотворного и результативного воплощения инвестиционных проектов является диверсификация рисков, что показывает устоявшаяся практика на примере процессов инвестирования на рынке ценных бумаг.

Учитывая изложенное, можно определить, что корректная и преждевременная оценка рисков, которая позволяет обнаруженные риски

снизить, положительно влияет на эффективность реализации региональных инвестиционных проектов. В свою очередь в сфере реализации инвестиционных проектов на региональном уровне можно говорить о наличии особых рисков, зависящих от специфики каждого конкретного региона.

Вместе с тем по результатам выполненного обзора литературы возможно установить, что на данный момент актуальные исследования на тему методов оценивания, способов управления, а также минимизации инвестиционных рисков в проектах на региональном уровне в Тверской области отсутствуют.

Материалы и методы

К материалам настоящего исследования относятся данные ОЭСР, широкий спектр литературы рецензируемых авторов по теме исследования. К методам исследования относятся: статистический анализ и синтез, классификация, сравнение и теоретические методы исследования.

Результаты и обсуждение

Тверская область является регионом, имеющим немалый потенциал в части привлечения инвестиционных потоков, который при этом может быть не только увеличен, но и успешно реализован на практике путем анализа, количественной и качественной оценки, а также последующей митигации инвестиционных рисков при реализации проектов [9]. Указанный регион является крупнейшим из субъектов, включенных в ЦФО, имеет площадь 84 201 км², население 1,2 млн человек, располагается между двумя городами федерального значения – Москвой и Санкт-Петербургом [4].

Минимизация инвестиционных рисков в проектах на региональном уровне в Тверской области требует комплексного подхода, учитывающего специфику региона. В целях снижения рисков крайне важно, чтобы регион развивал активную политику в области профессиональной подготовки, переподготовки и привлечения кадровых ресурсов, поощрял технологические инновации и автоматизацию производственных процессов.

В Тверской области одним из решений по митигации инвестиционных рисков и увеличения эффективности реализации региональных проектов является создание ТОСЭР в городе Кувшиново.

Создание ТОСЭР началось с первоначальной подачи заявки и последующего одобрения объекта в 2019 год на заседании Комиссии по вопросам создания и функционирования территорий опережающего социально-экономического развития.

Далее в октябре 2020 года Губернатор Тверской области представил проект реализации ТОСЭР на заседании рабочей группы по вопросам организации особых экономических зон и территорий опережающего социально-экономического развития.

Изначальной целью данного проекта является диверсификация экономики и возможных рисков при инвестировании в региональные проекты, а также помощь в создании новых рабочих мест на конкурентоспособных производствах в Тверской области.

Одной из основных привилегий для резидентов-участников этого

объекта является предоставление льготного налогообложения:

1. Минимизация платежей в части страховых взносов с существующих 30% до 7,6%.

2. Понижение налога на прибыль в зависимости от вида осуществляемой деятельности.

3. Снятие с резидентов-участников необходимости в уплате земельного налога и налога на имущество.

Предполагаемый объем в части создания новых рабочих мест – более 1000 рабочих мест. В части привлечения инвестирования – объем инвестиций более 14 млрд рублей. Вместе с тем планируется к вхождению в ТОСЭР не менее 14 предприятий сферы малого и среднего предпринимательства.

Дополнительно стоит отметить, что запланировано также и реализация на территории ТОСЭР таких крупных инвестиционных проектов, как строительство инновационного тепличного комплекса, а также производств в сферах молочной продукции, полимерных изделий, водоочистки и водоподготовки.

Также в организации работ по созданию в городе Кувшиново территории опережающего развития оказали помощь коллеги города Котовск Тамбовской области России, что непосредственно доказывает отдельную важность в привлечении лучших методов в части снижения рисков и передового опыта уже реализованных проектов и обращает внимание на наличие коллективного аспекта процесса развития регионов [7].

Таким образом, дальнейшее развитие способов оценки и минимизации рисков в инвестиционных проектах Тверской области и других регионов России требует дальнейших исследований и оценки на предмет эффективности реализации существующих инвестиционных проектов в части зависимости полученной эффективности от реализации данных проектов и проведенной в их случаях оценки по снижению рисков, а также готовящихся к реализации проектов и возможных способов митигации риска для достижения максимальной экономический эффективности этих проектов.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что в целях организации эффективного управления инвестиционными рисками в региональных проектах следует:

1. Применять комплексный подход к оценке рисков, учитывающий всю периферию возможных видов рисков, в том числе стремиться к разработке инновационных территорий опережающего социально-экономического развития.

2. Проводить предварительную оценку возможных рисков с учетом особенностей каждого конкретного региона реализации инвестиционного проекта, после чего по возможности адаптировать методы снижения инвестиционных рисков к специфическим условиям конкретного региона.

3. Стараться тиражировать применения наиболее успешных практик, которые доказали свою эффективности при практическом применении в ведущих регионах России.

Также следует отметить, что немаловажным фактором эффективной и успешной реализации региональных инвестиционных проектов являются механизмы государственной поддержки, в том числе механизмы прямой поддержки (государственно-частное партнерство) и косвенной поддержки (инвестиционные льготы, создание особых зон социально-экономического развития, программы льготного кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства)

При этом достижение эффективности при реализации проектов с помощью данных инструментов зависит именно от корректной и своевременной оценки рисков и правильного подбора методов по их недопущению или митигации.

В целом в настоящее время в академической литературе России акцент делается на целостном подходе, в котором инвестиции следует рассматриваются как отдельные, частичное или полностью изолированные действия, а как комплексный процесс, способствующий эндогенному развитию регионов. Сотрудничество между регионами способствует распространению передового опыта и иллюстрирует коллективный аспект этого процесса. Таким образом, инвестиционные процессы становятся одним из важнейших рычагов структурной трансформации.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 28 июля 2022 г. № 1346 “О критериях оценки созданных до 1 января 2022 г. территорий опережающего социально-экономического развития (за исключением территорий опережающего социально-экономического развития, расположенных на территории Дальневосточного федерального округа), порядке ее проведения в целях продления до 31 декабря 2024 г. (включительно) периода, в течение которого плательщики страховых взносов, приобретая статус резидента такой территории опережающего социально-экономического развития, получают право на применение пониженных тарифов страховых взносов, указанных в подпункте 5 пункта 2 ...” // Гарант.ру URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404975639/.

2. Безденежных В.М., Индарбаев А.А. Методические подходы к анализу факторов риска мезоуровня инвестиционных проектов госпрограмм // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 55–60.

3. Ковалевская Н.Ю., Василенко О.А. Региональный аспект инвестиционных рисков в управлении проектами // Развитие российского общества: вызовы современности : Материалы национальной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-

летию Байкальского государственного университета. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. С. 146–153.

4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тверской области // Росстат URL: https://69.rosstat.gov.ru/folder/26784.

5. Ускова Т.В. Ключевые факторы устойчивого развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-faktory-ustoychivogo-razvitiya.

6. Федотов А.С., Цепелев О.А. Оценка рисков инвестиционных проектов на региональном уровне // Современные проблемы развития экономики России и Китая : Материалы V международной научно-практической конференции. Благовещенск: Амурский государственный университет. 2024. С. 197–201.

7. В Тверской области создана первая территория опережающего социально-экономического развития // Правительство Тверской области URL: https://tverreg.ru/a5/novosti/novosti/?ELEMENT_ID=143391.

8. Лавриненко Е.А. Методы оценки рисков при реализации региональных инвестиционных высокотехнологичных проектов // Пространственное развитие территорий : Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией Е.А. Стрябковой, А.М. Кулик. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 156–160.

9. Общие сведения // Правительство Тверской области URL: https://тверскаяобласть.рф/ekonomika-regiona/investitsionnyy-potentsial-tverskoy-oblasti/obs-sve/.

10. Садуллаев С.М. Современные методы оценки эффективности региональных инвестиционных проектов, претендующих на получение государственной финансовой поддержки // Вестник евразийской науки. 2024.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/podhody-k-povysheniyu-finansovoj-effektivnosti-e-commerce-predpriyatij-na-primere-marketplejsov/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 339.138
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_220



ПОДХОДЫ К ПОВЫШЕНИЮ ФИНАНСОВОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ E-COMMERCE ПРЕДПРИЯТИЙ НА ПРИМЕРЕ МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Тетерин А.С., *магистр, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Целью статьи является идентификация подходов к повышению финансовой эффективности предприятий электронной коммерции, работающих в формате маркетплейсов. В рамках исследования была проведена систематизация финансовых показателей, отражающих специфику работы e-commerce компаний: валовой доход, прибыль от реализации, средний чек, стоимость привлечения клиента, пожизненная ценность клиента, возврат маркетинговых инвестиций, конверсия, процент удержания клиентов, коэффициент рентабельности инвестиций, стоимость заказа, количество заказов и их сумма, стоимость доставки одного заказа, скорость доставки, процент возвратов, уровень выполнения заказов, себестоимость логистики. На примере трёх ведущих игроков российского рынка (Ozon, Wildberries и Яндекс Маркет) осуществлено сравнительное сопоставление показателей эффективности. Полученные результаты позволили выявить особенности стратегий роста и модели монетизации каждой платформы. Установлено, что повышение финансовой эффективности требует не только масштабирования бизнеса, но и оптимизации инвестиционной политики, диверсификации источников дохода, технологической модернизации и развития высокомаржинальных сервисов. Сделан вывод о том, что достижение устойчивых финансовых результатов возможно только при комплексной реализации обозначенных подходов: рациональном распределении капитала, постоянных инвестициях в инфраструктуру и стратегической интеграции в смежные отрасли. В условиях высокой конкуренции и цифровой трансформации рынка такие меры обеспечивают устойчивость и конкурентоспособность e-commerce платформ.

Ключевые слова: эффективность финансовой деятельности, электронная торговля, маркетплейсы, показатели эффективности.

APPROACHES TO IMPROVING THE FINANCIAL EFFICIENCY OF E-COMMERCE ENTERPRISES: THE CASE OF MARKETPLACES

Teterin A.S., *Master's student, Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia*

Abstract. The purpose of the article is to identify approaches to improving the financial efficiency of e-commerce enterprises operating in the marketplace format. The study systematized financial indicators reflecting the specifics of e-commerce companies: gross income, profit from sales, average receipt, cost of customer acquisition, lifetime customer value, return on marketing investment, conversion, percentage of customer retention, return on investment, order value, number of orders and their amount, shipping cost one order, the speed of delivery, the percentage of returns, the level of order fulfillment, and the cost of logistics. Using the example of three leading players in the Russian market (Ozon, Wildberries and Yandex Market), a comparative comparison of performance indicators was carried out. The results revealed the specifics of the growth strategies and monetization models of each platform. It has been established that increasing financial efficiency requires not only business scaling, but also optimization of investment policy, diversification of income sources, technological modernization and development of high-margin services. It is concluded that achieving sustainable financial results is possible only with the integrated implementation of these approaches: rational allocation of capital, continuous investments in infrastructure and strategic integration into related industries. In conditions of high competition and digital transformation of the market, such measures ensure the stability and competitiveness of e-commerce platforms.

Keywords: financial performance, e-commerce, marketplaces, performance indicators.

JEL classification: L81, M31, F14.

Для цитирования: Тетерин А.С. Подходы к повышению финансовой эффективности e-commerce предприятий на примере маркетплейсов // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 220–230. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_220.

Статья поступила в редакцию: 11.06.2025 г. Одобрена после рецензирования: 25.06.2025 г. Принята к публикации: 26.06.2025 г.

For citation: Teterin A.S. Approaches to improving the financial efficiency of e-commerce enterprises: the case of marketplaces // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 220–230. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_220.

The article was submitted to the editorial office: 11/06/2025. Approved after review: 25/06/2025. Accepted for publication: 26/06/2025.

Введение

Актуальность исследования, посвящённого вопросам повышения эффективности финансовой деятельности предприятий электронной коммерции, функционирующих в формате маркетплейсов, обусловлена целым рядом макро- и микротрендов, наблюдаемых как на глобальном, так и на национальном уровнях. Прежде всего, следует отметить устойчивый рост глобального рынка электронной коммерции. Согласно статистическим данным, объем мировых розничных онлайн-продаж в 2024 году достиг 6 трлн долларов США, что существенно превышает уровень 2022 года (5,09 трлн долларов). Прогнозы на ближайшие годы свидетельствуют о сохранении выраженной положительной динамики: к 2028 году объем рынка составит около 7,9 трлн долларов, что означает прирост более чем на 31% по сравнению с текущими значениями [1]. Таким образом, можно утверждать, что электронная коммерция остаётся одним из наиболее быстрорастущих сегментов мировой экономики.

На фоне расширения рынка наблюдаются существенные структурные сдвиги внутри самого сектора e-commerce. Одним из наиболее заметных трендов последних лет является растущее доминирование маркетплейсов – цифровых платформ, обеспечивающих взаимодействие между множеством продавцов и потребителей. Увеличение доли маркетплейсов в общем объеме электронной торговли отражает как изменение потребительских предпочтений, так и стремление самих компаний к оптимизации логистических и транзакционных процессов, а рыночные трансформации сопровождаются изменением конкурентной среды и концентрацией капитала в активах крупнейших платформенных игроков [2]. Фактически маркетплейсы становятся доминирующими игроками в сегменте электронной торговли.

Аналогичные тенденции прослеживаются и на российском рынке электронной коммерции. Статистика и аналитические обзоры подтверждают, что доля маркетплейсов в структуре онлайн-торговли в России неуклонно растёт, при этом такие компании, как Wildberries, Ozon и Яндекс Маркет, активно инвестируют в расширение складской инфраструктуры, логистику, IT-решения и маркетинг [3], что свидетельствует о высокой конкуренции за потребительское внимание и рыночные позиции. В условиях экспансии и усложнения бизнес-моделей актуализируется задача оценки эффективности финансовой деятельности данных платформ, поскольку устойчивое развитие и способность к долгосрочной конкуренции напрямую зависят от грамотного управления финансовыми ресурсами.

В связи с вышеизложенным, изучение подходов к повышению эффективности финансовой деятельности e-commerce компаний, работающих в формате маркетплейсов, представляется научно и практически значимым. Целью статьи является идентификация подходов к повышению финансовой эффективности предприятий электронной коммерции, работающих в формате маркетплейсов.

Финансовые показатели результативности деятельности e-commerce предприятий

Оценка финансовой эффективности коммерческих организаций в традиционном (офлайн) секторе опирается на совокупность бухгалтерских и управленческих показателей, отражающих результаты операционной деятельности предприятия. Такие метрики как рентабельность, ликвидность, оборачиваемость активов, а также структуре доходов и расходов позволяют сделать выводы о степени финансовой устойчивости компании, её способности обеспечивать прибыльность при ограниченных ресурсах и формировать устойчивое положение на рынке.

В сегменте электронной коммерции традиционные подходы к оценке эффективности являются недостаточно информативными. Специфика деятельности e-commerce компаний заключается в высокой степени цифровизации бизнес-процессов, где помимо классических финансовых индикаторов особую значимость приобретают показатели, ориентированные на цифровую среду: поведенческая аналитика, эффективность онлайн-маркетинга, производительность цифровых каналов коммуникации с клиентами и т.д. Например, такие метрики, как коэффициент конверсии, стоимость привлечения клиента (CAC) и пожизненная ценность клиента (LTV), являются ключевыми при оценке способности платформы эффективно монетизировать трафик и выстраивать долгосрочные отношения с покупателями. Таким образом, для предприятий, функционирующих в сегменте электронной торговли, анализ финансовой результативности применения подхода, сочетающего как традиционные, так и специализированные цифровые метрики. Ниже в таблице 1 представлены основные показатели, применяемые для оценки финансовой результативности деятельности e-commerce предприятий.

Таблица 1

Основные финансовые показатели эффективности e-commerce компаний

Показатель	Содержание	Значение для бизнеса
Валовой доход (Gross Revenue)	Совокупная выручка от реализации товаров и услуг за определённый период	Характеризует общий объем продаж и динамику спроса
Прибыль от реализации (Profit)	Разница между доходами и затратами	Отражает реальную финансовую результативность компании
Средний чек (Average Order Value, AOV)	Средняя сумма, потраченная клиентом за один заказ	Позволяет прогнозировать доход и выявлять возможности апсейла
Стоимость привлечения клиента (Customer Acquisition Cost, CAC)	Затраты на маркетинг, делённые на количество новых платящих клиентов	Оценивает эффективность рекламных каналов и рентабельность роста
Пожизненная ценность клиента (Lifetime Value, LTV)	Совокупный доход от клиента за всё время взаимодействия	Определяет долгосрочную прибыльность клиентской базы

Возврат маркетинговых инвестиций (Return on Marketing Investment, ROMI)	Отношение прибыли от маркетинга к затратам на него	Показывает окупаемость рекламных вложений
Конверсия (Conversion Rate)	Доля посетителей сайта, совершивших покупку	Оценивает эффективность воронки продаж и интерфейса платформы
Процент удержания клиентов (Retention Rate)	Доля клиентов, вернувшихся за покупкой в определённый период	Отражает лояльность, стабильность доходов и эффективность CRM
Коэффициент рентабельности инвестиций (Return on Investment, ROI)	Отношение чистой прибыли к общим инвестиционным затратам	Характеризует общую эффективность вложений в бизнес
Стоимость заказа (Cost of Sale, COS)	Затраты на рекламу, делённые на выручку	Отражает эффективность затрат на привлечение конкретного заказа
Количество заказов и их сумма	Абсолютные показатели, отражающие интенсивность продаж	Используются для оценки роста и сезонной динамики бизнеса
Стоимость доставки одного заказа (Shipping Cost per Order)	Средние логистические расходы на доставку единичного заказа	Позволяет производить мониторинг маржинальности и общей структуры издержек
Скорость доставки (Delivery Speed)	Среднее время от оформления заказа до его получения клиентом	Фактор удовлетворённости клиентов и конкурентоспособности
Процент возвратов (Return Rate)	Доля заказов, возвращённых клиентами	Оценивает качество логистики, описание товара и обоснованность расходов
Уровень выполнения заказов (Order Fulfillment Rate)	Доля заказов, доставленных без задержек, отмен и ошибок	Характеризует надёжность логистической и складской инфраструктуры
Себестоимость логистики (Logistics Cost Ratio)	Отношение всех логистических издержек к выручке	Позволяет контролировать логистическую эффективность в структуре бизнеса

Источник: составлено автором по материалам [4; 5]

Анализ совокупности представленных показателей позволяет оценивать текущее финансовое состояние предприятия, а также выявлять стратегические приоритеты. Например, высокая пожизненная ценность клиента (LTV) в сочетании с умеренным уровнем стоимости его привлечения (CAC) свидетельствует о финансово устойчивой модели масштабирования. Напротив, высокие затраты на привлечение клиентов при низком уровне удержания (Retention Rate) могут указывать на недостатки в клиентском сервисе либо неэффективность маркетинговой коммуникации. Следует особо отметить, что взаимосвязь между показателями имеет ключевое значение: устойчивое развитие e-commerce предприятия невозможно без оптимального соотношения между доходностью, затратами на привлечение и удержание клиентов, а также качеством клиентского опыта.

Эффективность финансовой деятельности e-commerce предприятий

Говоря об эффективности финансовой деятельности предприятий электронной коммерции на российском рынке, необходимо отметить, что 38% от общего объема интернет-торговли приходится на маркетплейсы. В топ-5 крупнейших игроков рынка электронной коммерции входят Wildberries и Ozon, на долю которых приходится 56,7% общего оборота. Значительными являются доли компаний из экосистемы Яндекса и Сбера с рыночными долями в 33% и 10% соответственно [6]. При этом, как показано на рис. 1., большая часть продавцов (97% по данным за второй квартал 2024 года) приходится на трёх крупных игроков отрасли: Wildberries, Ozon и Яндекс Маркет, а доля Мегамаркета (компания экосистемы Сбера) является незначительной.

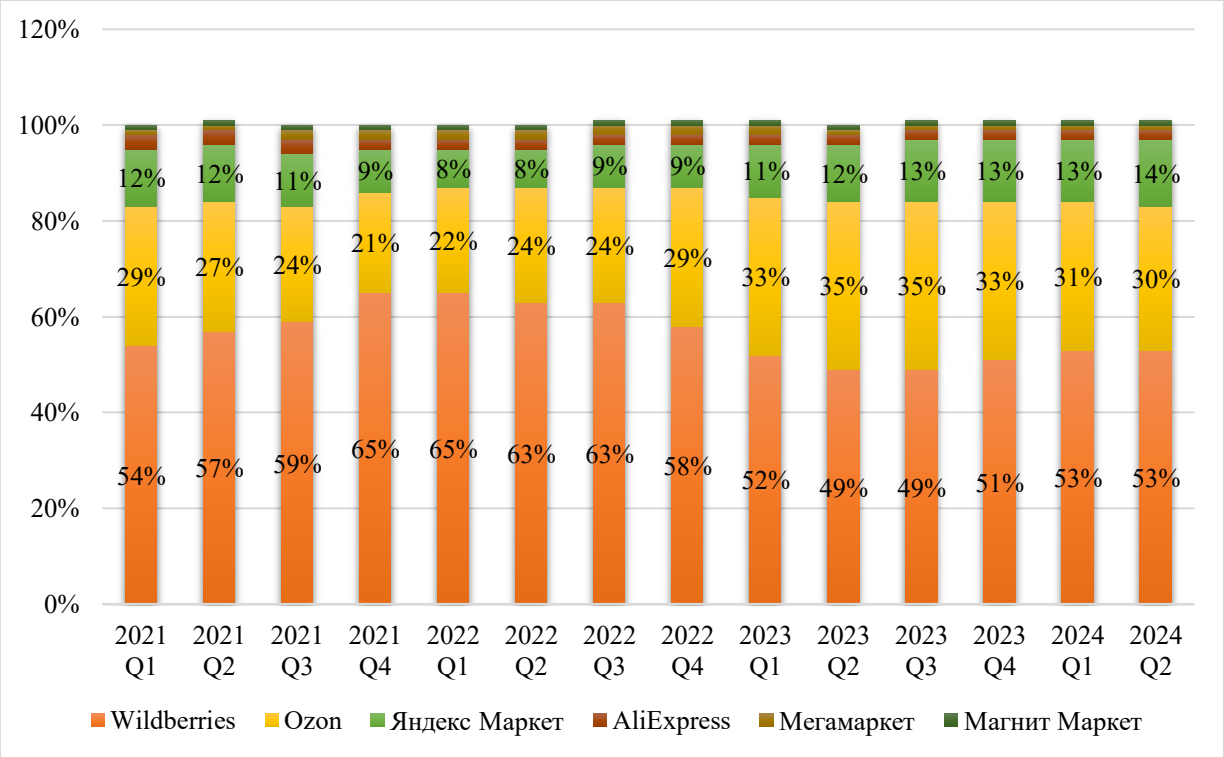


Рис. 1. Доля числа продавцов по маркетплейсам поквартально с 2021 по 2024 г., %

Источник: составлено автором по данным [7]

Рассмотрим основные показатели эффективности данных крупнейших игроков. Следует отметить, что большинство значимых финансовых и операционных показателей остаются недоступными для внешнего анализа, поскольку компании, за исключением Ozon, не публикуют отчетность в формате МСФО. Тем не менее, на основании данных из открытых источников возможно составить представление о ряде значимых индикаторов, таких как торговый оборот (GMV), количество заказов, средний чек, число уникальных покупателей, а также данные о прибыли и инвестициях, если они были озвучены. Сравнительный анализ показателей эффективности деятельности трех крупнейших маркетплейсов, ведущих деятельность на российском рынке, представлен в таблице 2.

Таблица 2

Финансовые показатели эффективности e-commerce компаний в 2024 году

Показатель	Ozon	Wildberries	Яндекс Маркет
GMV / товарооборот, млрд руб.	2 875 (торговый оборот)	3 320 (выручка продавцов на платформе)	535,3 (выручка продавцов на платформе)
Выручка (Revenue), млрд руб.	615,7	Не раскрывается	Не раскрывается
EBITDA (скорректированная), млрд руб.	40,1	Не раскрывается	Не раскрывается
Чистая прибыль / убыток, млрд руб.	–59,4	104 (объединенной компании Wildberries и Russ)	Не раскрывается
Операционный денежный поток, млрд руб.	286,3	Не раскрывается	Не раскрывается
CAPEX (капитальные затраты), млрд руб.	70,4	150 (объем инвестиций объединенной компании Wildberries и Russ)	Не раскрывается
Средний чек, руб.	1 790	870	4 250
Количество заказов, тыс. шт.	1 410	3 825	126
Количество уникальных покупателей, млн	25	27	6

Источник: составлено автором по данным [8; 9; 10]

Анализ представленных в таблице 1 данных позволяет проследить ключевые особенности развития трёх ведущих российских маркетплейсов, а также провести их частичное сопоставление по ряду операционных и финансовых показателей. Наиболее развернутую информацию предоставляет компания Ozon, которая с товарооборотом в размере 2 875 млрд рублей занимает второе место по объёму рыночных операций, уступая лишь Wildberries. Платформа обслуживает значительное количество заказов (1,41 млрд) и обладает пользовательской базой в 25 млн уникальных покупателей. Средний чек составляет 1 790 рублей, что превышает аналогичный показатель Wildberries и свидетельствует о более высоком среднем объёме транзакции. Данные позволяют говорить о сформированной операционной модели, обеспечивающей активную коммерческую деятельность и регулярное взаимодействие с потребителями.

Ozon характеризуется положительным скорректированным показателем EBITDA (40,1 млрд рублей) и значительным объёмом операционного денежного потока (286,3 млрд рублей). Значения данных финансовых показателей указывают на способность платформы поддерживать ликвидность и обслуживать текущую операционную нагрузку. В то же время

компания завершила год с чистым убытком в размере 59,4 млрд рублей, что продолжает оказывать давление на её финансовую устойчивость. Существенный объём капитальных вложений (70,4 млрд рублей) подтверждает стратегическую направленность компании на расширение рыночного присутствия и развитие инфраструктуры.

Сопоставление показателей позволяет сделать вывод, что на данном этапе Ozon реализует стратегию агрессивного наращивания доли рынка, что сопряжено с высокими затратами и временным снижением финансовых результатов. Несмотря на отсутствие текущей доходности для акционеров, в долгосрочной перспективе платформа сохраняет потенциал выхода на устойчивую прибыльность, о чем свидетельствуют масштабы коммерческой активности, растущая база пользователей, более высокий средний чек по сравнению с конкурентами, а также привлекательность площадки для сторонних продавцов, заинтересованных в выходе на массовую аудиторию.

Таким образом, при сохранении текущей динамики и достижении эффекта масштаба, Ozon может трансформировать операционные преимущества в устойчивые финансовые результаты, при условии контроля издержек и роста маржинальности.

Wildberries по итогам 2024 года характеризуется наибольшим масштабом операционной деятельности среди тройки лидеров. Платформа обеспечила обработку 3,8 млрд заказов и привлекла 27 млн уникальных покупателей, а торговый оборот платформы в размере 3 320 млрд рублей также подтверждает высокий уровень вовлечённости продавцов и потребителей в её экосистему. В 2024 году Wildberries завершила объединение с компанией Russ, что позволило маркетплейсу расширить финансово-организационную базу и мобилизовать дополнительные ресурсы, что проявилось в значительном объёме капитальных вложений, который составил 150 млрд рублей и превысил аналогичный показатель Ozon (70,4 млрд рублей). Высокий уровень инвестиций может рассматриваться как подтверждение стратегического курса на сохранение лидерских позиций на рынке, прежде всего за счёт расширения логистической, складской и цифровой инфраструктуры. Чистая прибыль объединённой компании Wildberries и Russ по итогам 2024 года зафиксирована на уровне 104 млрд рублей, но при отсутствии официальной отчётности в формате МСФО невозможно установить структуру данного показателя, но тем не менее, на фоне общей рыночной конъюнктуры формально можно судить, что Wildberries является самой прибыльной из рассматриваемых платформ.

Яндекс Маркет замыкает тройку лидеров с достаточно большим отрывом по величине торгового оборота, который составляет 535,3 млрд рублей. Количество заказов также существенно уступает конкурентам и составляет лишь 126 тыс., а пользовательская база насчитывает 6 млн покупателей. При этом платформа характеризуется самым высоким средним чеком (4 250 рублей), что позволяет судить о том, что бизнес-модель ориентирована не на транзакционную массовость, а специализируется на

более дорогих товарных категориях. Исторически Яндекс.Маркет начал свою деятельность как сервис для подбора и сравнения технически сложных и дорогостоящих товаров. Такое позиционирование повлияло на структуру товарного ассортимента платформы, на которой преобладают категории с высокой средней стоимостью, такие как бытовая техника и электроника.

Суммируя наблюдения, можно заключить, что Ozon является единственным из представленных маркетплейсов, публикующим достаточный объём информации для проведения полноценного анализа эффективности. Платформа демонстрирует устойчивую операционную модель, однако сохраняет убыточность в условиях активного роста. Wildberries лидирует по масштабу операций и показывает высокую прибыль, но отсутствие прозрачности не позволяет надёжно оценить структуру доходов и затрат, а также возможные риски. Яндекс Маркет остаётся наименее раскрытой и по объему операций наименее сопоставимой с двумя другими платформами, несмотря на качественные показатели среднего чека.

На основе проведённого анализа деятельности маркетплейсов, а также с учётом различий в их масштабах, бизнес-моделях и уровнях финансовой прозрачности, можно выделить несколько подходов, направленных на повышение эффективности финансовой деятельности предприятий электронной коммерции. На примере Ozon можно видеть, что даже при значительном товарообороте и положительной операционной прибыли (EBITDA) высокая капиталоёмкость бизнеса и сопутствующие расходы (в том числе долговая нагрузка) могут снижать чистую рентабельность. Достижение высоких показателей требует тщательной оценки целесообразности инвестиций в логистическую и IT-инфраструктуру, перехода от экстенсивной модели роста к более сбалансированной политике распределения капитала.

Повышение финансовой устойчивости маркетплейсов может быть обеспечено не только за счёт роста GMV, но и через развитие внутренних сервисов – рекламы, платной аналитики, логистических решений для продавцов и программ лояльности. Ozon активно использует данную стратегию, получая растущую долю выручки от сервисных направлений. Помимо традиционных сервисов, Ozon расширяет перечень направлений, способствующих дополнительной монетизации, включая банковские и финансовые услуги. Через структуру Ozon Bank платформа предоставляет продавцам и покупателям финансовые инструменты – расчётные счета, банковские карты, кредиты, а также механизмы мгновенных выплат и факторинга [11]. Вертикальная интеграция позволяет не только удерживать продавцов внутри экосистемы, но и создавать новые источники выручки за счёт комиссий, процентных доходов и платных финансовых сервисов.

Не примере платформы Wildberries можно видеть важность масштабирования за счёт привлечения массового количества продавцов и охвата широкой потребительской аудитории, где этом высокая плотность заказов позволяет компании снижать логистические издержки на единицу

товара. Эффективность в данном случае достигается через масштаб, однако сохранение лидерства требует постоянных инвестиций в инфраструктуру. Таким образом, повышение эффективности финансовой деятельности e-commerce предприятий возможно при условии баланса между ростом масштабов, управляемостью затрат, диверсификацией источников дохода и технологическим развитием.

Заключение

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать обобщённый вывод о направлениях повышения финансовой эффективности предприятий электронной коммерции, работающих в формате маркетплейсов. Можно утверждать, что устойчивое развитие в данном сегменте требует системного и сбалансированного подхода к управлению финансовыми и операционными процессами. Повышение эффективности не может быть сведено исключительно к наращиванию объёмов товарооборота (GMV). Как показал пример Ozon, даже при значительной операционной активности высокие капитальные затраты и долговая нагрузка могут оказывать негативное влияние на чистую рентабельность. В этих условиях критически важной задачей становится оптимизация инвестиционной политики, направленная на повышение отдачи от вложений в инфраструктуру, цифровые решения и логистику, а также поиск новых точек роста доходности за счёт внутренних сервисов и экосистемных решений. Развитие дополнительных направлений, таких как реклама, аналитика, логистические услуги и особенно банковская инфраструктура, позволяет формировать диверсифицированную структуру выручки, снижая зависимость от колебаний в объёмах продаж.

Одновременно с этим на примере платформы Wildberries можно наблюдать наличие высокого потенциала стратегии масштабирования, при котором высокая плотность заказов и расширение пользовательской базы позволяют достигать относительной операционной эффективности даже при ограниченной финансовой прозрачности. Однако для долгосрочного эффекта такая модель требует постоянных инвестиций в инфраструктуру и технологии, а также гибкости в условиях рыночной конкуренции.

В совокупности, повышение финансовой эффективности e-commerce предприятий возможно при условии комплексной реализации следующих подходов: рациональное распределение капитала, развитие высокомаржинальных сервисных направлений, технологическая модернизация и стратегическая интеграция в смежные сферы, включая финтех и логистику. Только совмещение стратегий роста с контролем издержек и устойчивыми каналами монетизации способно обеспечить финансовую стабильность цифровых торговых платформ в условиях высокой конкурентной нагрузки и быстро меняющейся среды электронной коммерции.

Литература

1. Retail e-commerce sales worldwide from 2022 to 2028 // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/379046/worldwide-retail-e-commerce-sales/.
2. Csomós, G., Farkas, J.Z. Understanding the increasing market share of the academic publisher “Multidisciplinary Digital Publishing Institute” in the publication output of Central and Eastern European countries: a case study of Hungary // Scientometrics. 2023. Vol. 128. P. 803–824.
3. Миронова К.И., Любецкий В.В. Анализ развития маркетплейсов в России и их интеграции в международную экономику // Прогрессивная экономика. 2025. № 5. С. 165–177.
4. Гришков С.И. Разработка показателей комплексной оценки финансовой стратегии российских корпораций, работающих в сфере E-commerce в современных экономических условиях // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 6. URL: https://esj.today/PDF/104ECVN624.pdf.
5. Почекутов М.П., Полякова В.В. Specifics of the analysis of financial and non-financial performance indicators in the e-commerce industry // Экономика и предпринимательство. 2023. С. 709–712.
6. Недорезов Ю.А. Роль маркетплейсов в развитии электронной коммерции на современном этапе // Прогрессивная экономика. 2025. № 5. С. 26–35.
7. Рынок маркетплейсов в 2024 году: аналитика T-Bank. URL: https://e-pepper.ru/news/rynok-marketpleysov-v-2024-godu-analitika-t-bank.html.
8. Рейтинг ТОП-100 крупнейших российских интернет-магазинов // Data Insight. URL: https://top100.datainsight.ru/#tab586143958.
9. Рейтинг маркетплейсов 2024: обзор лучших отечественных и зарубежных площадок. URL: https://kokoc.com/blog/rejting-marketplejsov/.
10. OZON: годовая финансовая отчетность МСФО. URL: https://smart-lab.ru/q/OZON/f/y/MSFO/.
11. Боловина О.Ю. Трансформация банка в современных условиях: между необанком и финтехом // Прогрессивная экономика. 2024. № 7. С. 45–56.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/samozanyatost-kak-instrument-protivodejstviya-tenevomu-sektoru-ekonomiki-nedostatki-i-ih-resheniya/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 322.1:338.262
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_231



САМОЗАНЯТОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕНЕВОМУ СЕКТОРУ ЭКОНОМИКИ: НЕДОСТАТКИ И ИХ РЕШЕНИЯ

Тучин К.А., *аспирант Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия*

Зайцев А.А., *доктор экономический наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье рассмотрен экономический инструмент по выводу граждан из теневого экономического оборота и привлечению их к прозрачной экономической деятельности путем легализации их доходов. Теоретическая значимость поставленной цеди обусловлена тем, что теневой сектор экономики является серьезной угрозой обеспечения финансовой безопасности как отдельных регионов России, так и всей страны в целом. Предметом исследования является инструмент легализации, разработанный Федеральной налоговой службой России, который предусматривает получение гражданами, желающими заниматься малой предпринимательской деятельность, статуса самозанятых. Ключевым научным результатом является качественное совершенствование налогового режима – самозанятости, как одного из элементов экономического механизма противодействия развитию теневого сектора экономики. В статье предложены меры, направленные на повышение эффективности указанного налогового режима с целью максимизации числа участников данной программы, как следствие повышение доходов, поступающих в государственный бюджет: повышение лимита доходов до 3,5 млн рублей в год; начисление трудового стажа за ведение экономической деятельности в качестве самозанятого в соотношении 2 к 1, в случаях, когда совокупный доход самозанятого гражданина превышает 2 млн рублей в год; перечисление 2% от взимаемого налога на доходы в Пенсионный фонд Российской Федерации с целью формирования надбавок для будущей социальной пенсии гражданина; возможность уменьшения налогооблагаемой базы, в случаях, когда совокупные расходы достигают более 70% от суммы общего дохода самозанятого гражданина; возможность опциональной выплаты начисленных налогов, как ежемесячно, так и ежеквартально.

Ключевые слова: теневой сектор экономики, экономическая безопасность, неформальная занятость, неформальный сектор экономики, самозанятость.

SELF-EMPLOYMENT AS A TOOL TO COUNTERACT THE SHADOW ECONOMY: DISADVANTAGES AND THEIR SOLUTIONS

Tuchin K.A., *Postgraduate Student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*

Zaitsev A.A., *Doctor of Economics, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*

Abstract. The article considers an economic tool for removing citizens from the shadow economy and attracting them to transparent economic activities by legalizing their income. The theoretical significance of this task is due to the fact that the shadow economy is a serious threat to the financial security of both individual regions of Russia and the entire country. The subject of the study is a legalization tool developed by the Federal Tax Service of Russia, which provides for citizens wishing to engage in small business activities to obtain self-employed status. The key scientific result is the qualitative improvement of the self–employment tax regime as one of the elements of the economic mechanism for countering the development of the shadow economy. The article proposes measures aimed at increasing the effectiveness of the specified tax regime in order to maximize the number of participants in this program, as a result of increasing revenues going to the state budget: raising the income limit to 3.5 million rubles per year; calculating seniority for conducting economic activity as a self-employed in a ratio of 2 to 1, in cases where the total income of a self-employed citizen exceeds 2 million rubles per year; transfer of 2% of the income tax levied to the Pension Fund of the Russian Federation in order to form allowances for the future social pension of a citizen; the possibility of reducing the tax base in cases where total expenses reach more than 70% of the total income of a self-employed citizen; the possibility of optional payment of accrued taxes, both monthly and quarterly.

Keywords: shadow economy, economic security, informal employment, informal economy, self-employment.

JEL classification: J46, J82, R23.

Для цитирования: Тучин К.А., Зайцев А.А. Самозанятость как инструмент противодействия теневому сектору экономики: недостатки и их решения // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 231–244. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_231.

Статья поступила в редакцию: 14.06.2025 г. Одобрена после рецензирования: 27.06.2025 г. Принята к публикации: 28.06.2025 г.

For citation: Tuchin K.A., Zaitsev A.A. Self-employment as a tool to counteract the shadow economy: disadvantages and their solutions // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 231–244. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_231.

The article was submitted to the editorial office: 14/06/2025. Approved after review: 27/06/2025. Accepted for publication: 28/06/2025.

Введение

Развитие теневого сектора экономики представляет собой негативную тенденцию, угрожающую устойчивому развитию как отдельных регионов, так и национальной экономики в целом, поскольку, функционируя вне рамок правового поля, теневой сектор исключён из официальной статистики и надзора. Теневая экономика влияет на распределение ресурсов в обществе, приводит к производству неоптимального уровня общественных благ, а также искажает официальную макроэкономическую статистику, используемую для формирования государственной экономической и социальной политики [1].

Государство в таких условиях теряет не только инструментальные возможности управления, но и способность эффективно защищать законные интересы участников легального рынка. В целях обеспечения экономической безопасности, Россия реализует последовательную политику по сокращению масштабов теневой экономики: предпринимаются меры по усилению фискального и правового контроля, цифровизации государственного управления, легализации неформальных секторов и повышению финансовой грамотности населения. Усилия направлены на обеспечение прозрачности экономических процессов, расширение налоговой базы и укрепление институциональной среды, способной эффективно противостоять нелегальной экономической активности.

Создание специального налогового режима для самозанятых представляет собой инновационный подход к борьбе с теневым рынком труда через легализацию доходов людей, работающих в неформальном секторе. Однако несмотря на прогрессивность данной инициативы, существующая налоговая система обладает рядом существенных недостатков, которые затрудняют процесс вывода граждан из теневой занятости. Новая система налогообложения, хотя и направлена на легализацию самозанятых граждан, сталкивается с определенными барьерами, которые мешают эффективному переходу работников из неформального сектора в легальную экономику. Несмотря на позитивные намерения законодателей, практическое применение этой системы выявляет ряд проблем, препятствующих массовому выходу самозанятых из тени.

Целью настоящей статьи является исследование проблемы самозанятости, как экономического инструмента противодействия теневому сектору экономики.

Обзор литературы

Теневой сектор экономики представляет собой совокупность экономических отношений, не учитываемых официальной статистикой (статистический подход); осуществляемых вне рамок закона, правовых норм и формальных правил хозяйственной жизни (юридический подход); являющихся способом минимизации экономических издержек (экономический подход) либо сокрытия от налогообложения (финансовый подход) [2]. Высокая доля теневого сектора экономики в общем составе экономики страны или региона может наносить существенный ущерб их

развитию, поскольку данный сектор избегает налогообложения, тем самым значительно сокращает денежные поступления в государственный бюджет – «неотъемлемый атрибут каждой страны и важный инструмент реализации экономической и социальной политики государства» [3].

С данной позицией согласны Дахадаева А.А. и Чернова С.А., а также Я.И. Шайхразиева, считающие, что теневая экономическая деятельность наносит ущерб бюджету государства, и, как следствие, «в результате сокращения бюджета финансирование важных отраслей происходит медленнее, что впоследствии приводит к дестабилизации» [4; 5]. Высокая доля «теневизации» экономики страны или региона способствует развитию криминальной конкуренции, что, в свою очередь, еще значительнее снижает экономический потенциал их развития. Связано это, прежде всего, с тем, что «в сфере криминальной конкуренции участвуют юридические и физические лица, целью которых является приобретение различных односторонних преимуществ личного, государственного и/или общественного характера; получение сверх прибыли; использование запрещенных методов и средств для решения специфических задач» [6].

В то же время, Найденов А.С. и Кривенко И.А. считают, что «определенная доля теневой экономики в стране может защитить государство от негативных последствий кризиса, так как страны с наиболее высокой и наиболее низкой долей теневой экономики (включая нелегальную ТЭ) более стойки к флуктуациям мирового рынка и, следовательно, к кризису» [7]. К аналогичному выводу приходит и С.И. Михеев, в исследовании которого показано, что сектор теневой экономики позволяет поддерживать уровень благосостояния населения и обеспечивать занятость, что особенно актуально в периоды рыночной нестабильности и экономической неопределенности [8].

Теневая экономика является неотъемлемой частью экономической системы любой страны. Её существование обусловлено несколькими ключевыми факторами.

Объективные причины включают:

— запрет на определённые виды деятельности (например, оборот наркотиков или легализацию преступных доходов);

— законодательные барьеры при выходе на рынок (возрастные ограничения, необходимость лицензирования и сертификации);

— специфику государственной тарифной и налоговой политики.

Субъективные факторы в основном связаны с несовершенством системы контроля. В частности, проблемы возникают из-за:

— недостаточной эффективности правового надзора;

— пробелов в налоговом контроле;

— недостаточно строгого мониторинга экономической деятельности предприятий.

Таким образом, теневой сектор формируется как под влиянием внешних ограничений, так и из-за внутренних недостатков системы государственного

регулирования экономики. В разрезе обеспечения стабильного экономического развития регионов и страны, требуется создание инновационных механизмов противодействия теневой экономической активности путем поиска и использования новейших экономических инструментов. Так, данное утверждение подтверждают Талерчик С.М., Зайцев А.А. и Шаванов М.В., которые утверждают, что «Именно инновационная деятельность является детерминантом устойчивого развития, поскольку позволяет преодолеть барьеры, стоящие перед качественным экономическим ростом» [9].

Исходя из анализа научных литературы, можно сделать вывод о том, что, несмотря на тот факт, что теневой сектор является неотъемлемой составляющей экономической системы любой страны, в отношении его развития и становления необходимо сформировать качестве меры по противодействию, основывающиеся на прогрессивной и инновационном подходе.

Материалы и методы

Исследование, проведенное в работе, прежде всего, основывается на анализе налоговой системы Российской Федерации в области налогообложения самозанятых граждан. Так, в работе приведены статистические данные касательно предположительных объемов теневой экономики в общей экономической системе стране, рассмотрены результаты социальных опросов, описывающие мнение респондентов в разрезе вопроса преимуществ и недостатков самозанятости. Использованы математические методы, служащие инструментом для подсчета эффективности предложенных в работе мер по совершенствованию существующей налоговой системы.

Результаты и обсуждение

Перед тем, как перейти к проблематике существующей налоговой системы в области самозанятости, необходимо провести анализ объемов теневого сектора экономики в экономике России. Так, на рисунке 1 приведен сравнительный анализ объемов теневой экономики Российской Федерации в 2019 году и других существенных экономических показателей.

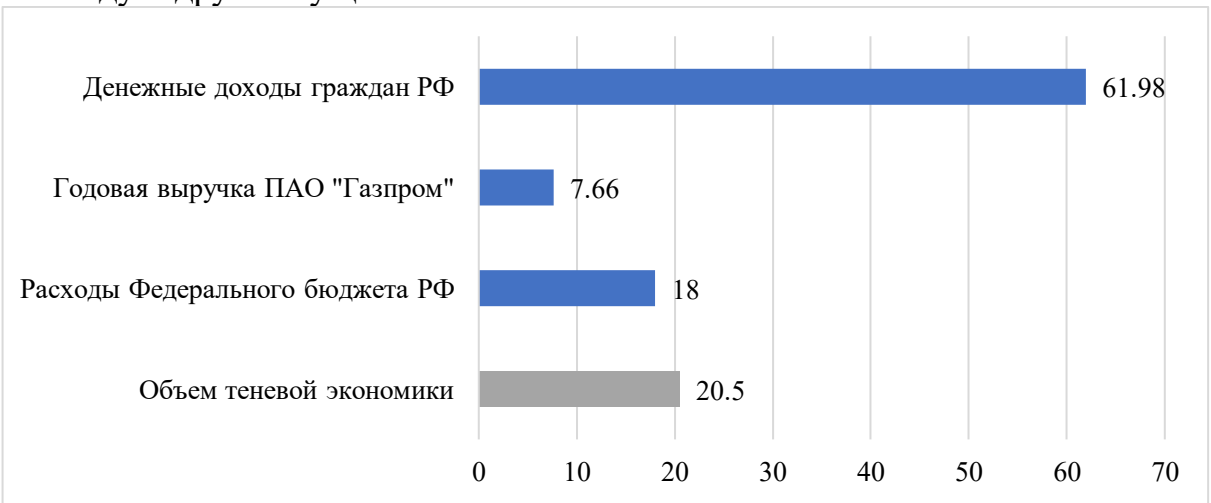


Рис. 1. Масштаб теневой экономики России в 2019 году, трлн. рублей

Источник: составлено авторами по данным [10]

По информации Росфинмониторинга, теневая экономика России в 2019 году достигла впечатляющей отметки в более чем 20 триллионов рублей. Для сравнения, масштаб теневой экономики это превышает расходы федерального бюджета того же периода на 2,5 триллиона рублей и равняется примерно трети от всех официально задекларированных доходов граждан за 2019 год. Эти цифры демонстрируют масштаб проблемы теневого сектора в экономике страны.

Так, например Северо-Западный федеральный округ в 2024 году занял одно из лидирующих мест по активности использования банкоматов для финансовых операций. Средняя сумма снятия наличных составила около 42 тысяч рублей, уступая только показателям Дальнего Востока (около 51 тысячи рублей). Однако данная статистика приобретает негативный характер в контексте растущего распространения схем незаконного обналичивания средств через счета физических лиц и индивидуальных предпринимателей. Подобные операции, как правило, являются инструментом уклонения от налогов и легализации преступных доходов, что представляет серьезную угрозу экономической безопасности как отдельного региона, так и всей страны в целом.

В условиях современной экономической ситуации особую актуальность приобретает именно инновационный подход, содержащий в себе применение эффективных экономических инструментов противодействия теневому сектору экономики. Данное высказывание находит подтверждение в работе Андрея Зайцева, Пак Хе Суна, Ольга Елкиной, Татьяны Тарасовой, Николай Дмитриева, в которой утверждается, что «The transformation of economic relations and institutional transformations dictate the need to rebuild the economic system, and the key role in improving economic efficiency belongs to the innovative potential» [11; 12]. Таким образом, в рамках данной работы, будет рассмотрено направление противодействия теневой экономической занятости граждан регионов и страны в целом с точки зрения применения инновационного экономического инструмента, связанного с коррекцией уровня теневой занятности граждан. Стоит отметить, что согласно мнению научных публицистов «проблема легализации теневых доходов в настоящее время занимает первое место среди мероприятий по нейтрализации теневого сектора экономики» [12].

Анализ данных Росстата за последние десять лет показывает неоднородную динамику развития неформальной занятости в стране. В период с 2013 по 2016 год отмечался устойчивый рост числа работников, занятых в неформальном секторе экономики [13]. Затем, в промежутке между 2017 и 2021 годами, ситуация стабилизировалась: количество людей, работающих без официального оформления, колебалось в пределах от 14,2 до 14,9 миллиона человек. Однако последние два года (2022 и 2023) характеризуются снижением данного показателя. За этот период численность неформально занятых сократилась до 13,48 миллиона человек в 2022 году и продолжила уменьшаться

до 13,44 миллиона человек в 2023 году, что демонстрирует позитивную тенденцию на годовой основе (рис. 2).

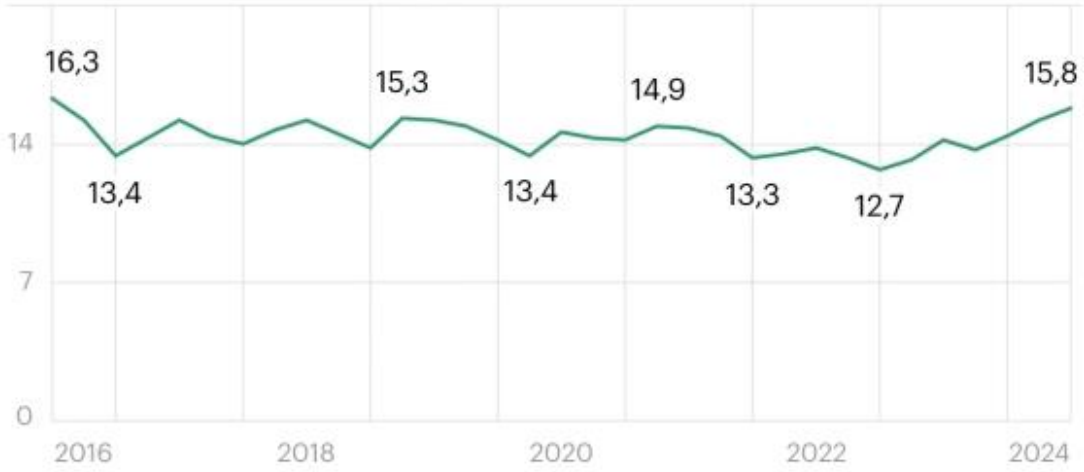


Рис. 2. Динамика неформальной занятости граждан России в период 2013–2024 гг.

Источник: составлено авторами по данным [14]

Согласно статистическим данным, в третьем квартале 2024 года зафиксирован рекордный показатель неформальной занятости с 2016 года. В этот период в неформальном секторе трудилось 15,84 миллиона человек, что составляет 21,3% от общего числа занятых в экономике (среднемесячный показатель за июль-сентябрь). Для сравнения: в третьем квартале 2016 года эти показатели были несколько выше – 16,3 миллиона человек (22,3% от общего числа занятых). По сравнению с аналогичным периодом прошлого года численность неформально занятых выросла на 11,7% (в третьем квартале 2023 года было 14,18 миллиона человек). По отношению ко второму кварталу 2024 года прирост составил 608 тысяч человек, или 4%.

Примечательно, что традиционно максимальное количество неформально занятых приходится именно на третий квартал. Эксперты связывают эту тенденцию в том числе с сезонной занятостью в сельскохозяйственном секторе. В то же время, необходимо заметить, что «подсчет объема теневой экономики и теневой занятости – процесс весьма субъективный. Точную оценку этого показателя вывести весьма сложно, поскольку сам термин «теневая» подразумевает скрытность процессов» [13].

Отметим, что в качестве решения данной проблемы государством была разработана новая система налогообложения, субъектом которой выступает самозанятый гражданин. Данная категория налогоплательщиков обладает самым низким тарифным планом – 4% налог на доходы, полученные в результате оказания услуг для физических лиц и 6% на доходы, полученные в результате оказания услуг для юридических лиц. Особенно актуальна эта мера должна была оказаться в области предоставления услуг, ведь данный сектор экономики традиционно обладает высоким уровнем «теневизации». Как отмечается, вызвано этом тем, что «что в отличие от товара, услуга не

материальна, и установить факт ее оказания по определенной стоимости в прошлом практически невозможно» [9].

Подобное нововведение должно было коренным образом изменить положение дел в области противодействия развитию теневого сектора экономики, однако все оказалось не так однозначно.

По информации ФНС России, количество самозанятых в стране превысило 10 миллионов человек [10]. Однако новая система налогообложения не способствует выходу людей из теневого сектора, а напротив, создает дополнительные возможности для оптимизации налоговых платежей. Многие работодатели переводят своих сотрудников на статус самозанятых, чтобы сократить расходы на налоги и страховые взносы, что увеличивает социальные риски для работников. Более того, уровень теневой занятости в стране остается на высоком уровне.

Для того, чтобы установить причины данной тенденции, необходимо обозначить ключевые недостатки предложенной налоговой системы. Указанные недостатки представлены ниже:

— лимит дохода составляет 2,4 миллиона рублей в год, как следствие, предприниматели с более высоким доходом не могут использовать этот налоговый режим;

— отсутствие возможности найма сотрудников, то есть все работы необходимо выполнять самостоятельно или привлекать подрядчиков по гражданско-правовым договорам;

— отсутствие социальных гарантий, а именно, самозанятые не получают оплачиваемый отпуск и больничные, которые предусмотрены для работников по трудовому договору;

— отсутствие налоговых вычетов на лечение, образование и покупку недвижимости, так как самозанятые не платят налог на доходы физических лиц;

— регулярная уплата налога ежемесячно, в отличие от индивидуальных предпринимателей, которые могут платить раз в квартал или год;

— отсутствие учета стажа, как следствие, экономическая деятельность в статусе самозанятого не формирует трудовой стаж, так как не производятся отчисления в Социальный фонд;

— невозможность учета расходов, то есть в отличие индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, самозанятые не могут уменьшать налоговую базу на сумму производственных затрат.

Более того, важно заметить, что данный формат налогообложения является экспериментальным, из чего следует, что тарифные ставки для самозанятых граждан могут изменяться. Данное обстоятельство в значительной мере может останавливать некоторых субъектов экономики от легализации своих доходов путем оформления статуса самозанятого, в связи с опасениями касательно ужесточения налогового бремени.

С учетом вышеуказанных недостатков составлена авторская программа модернизации системы налогообложения, разработанной для самозанятых граждан.

В качестве первоочередного улучшения данного налогового режима предложена мера по повышению лимита доходов до 3,5 млн рублей в год. Надо отметить, что с учетом совокупного уровня инфляции, составившего более 30% за период с 2022 по 2024 гг. (рис. 3), разработанный ранее лимит по доходам перестает быть актуальным [9].

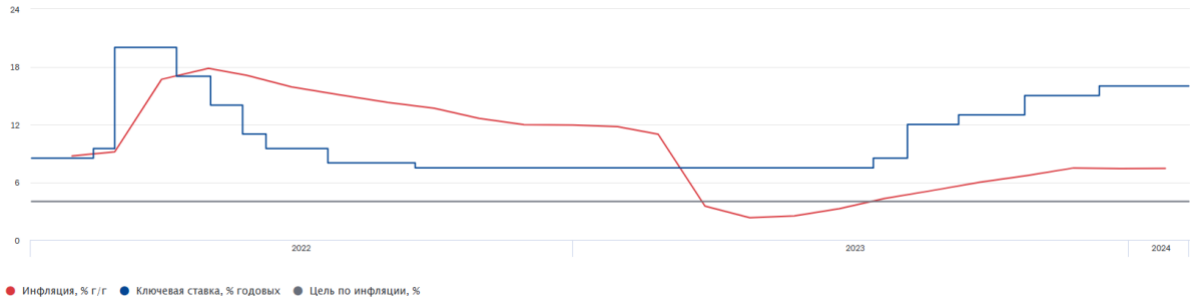


Рис. 3. Динамика инфляции российского рубля в период 2022–2024 гг.
Источник: составлено авторами по данным [15]

Данное нововведение позволит включить в свою группу лиц, желающих легализировать свои доходы, но не желающих вести свою деятельность в качестве индивидуальных предпринимателей. Заметим, что значение нового лимита отражает актуальную тенденцию, связанную с обесценением национальной валюты, и составляет около 140% от первоначального с учетом рисков дальнейшего значительного обесценения рубля. Актуальность данного мероприятия по совершенствованию подтверждается онлайн-опросом, проведенным среди самозанятых-продавцов российских маркетплейсов еще в 2021 году. Всего в исследовании приняли участие 1241 самозанятый [16]. Так, 71% участников опроса посчитали необходимым увеличить лимит на оборот самозанятых, который сейчас ограничен 2,4 млн руб. в год. Еще 29% сообщили, что им хватает установленных законом ограничений (рис. 4).

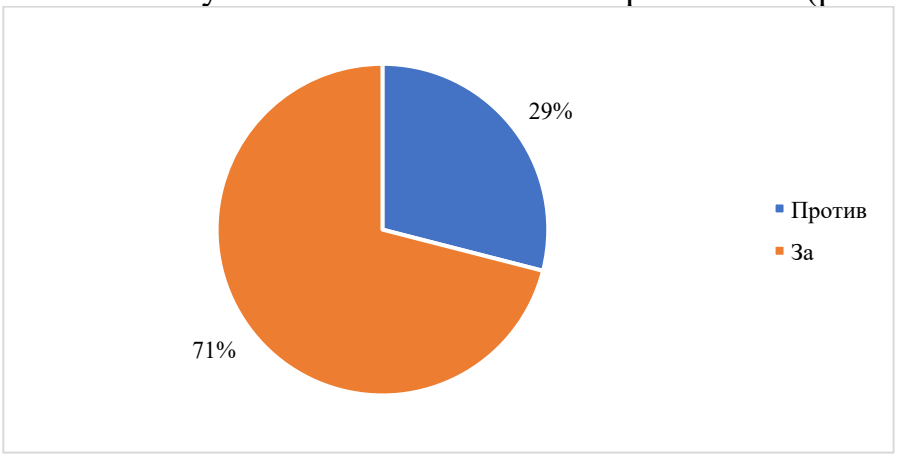


Рис. 4. Результаты опроса респондентов касательно повышения лимитов по доходам самозанятых граждан
Источник: составлено авторами по данным [17]

Из диаграммы, расположенной на рис. 4 видно, что превалирующая часть респондентов выступает за увеличение принятых ФНС лимитов по доходам в качестве самозанятого. Чуть более 40% из числа тех, кто выступил за увеличение лимитов, заявили, что их надо отменить вовсе. Еще 23% назвали в качестве верхней границы допустимого оборота 6 млн руб., 21% – 3,5 млн руб. (рис. 5).

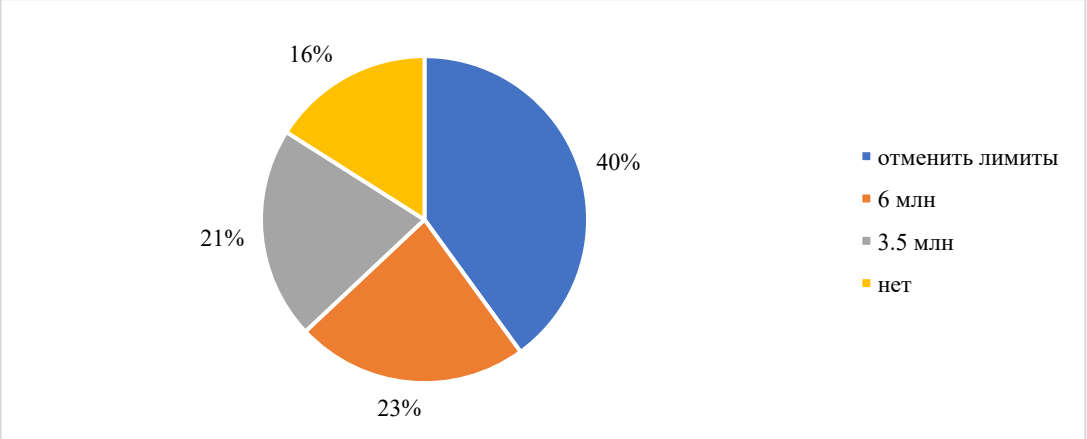


Рис. 5. Результаты опроса респондентов касательно размера предоставляемого лимита дохода

Источник: составлено авторами по данным [17]

В то же время, необходимо понимать, что следствием увеличения лимитов по указанного налоговому режиму может стать участие данных предпринимателей в схемах, направленных на выведение денежных потоков компаний из их оборота с целью, в том числе, уклонения от налогов. Таким образом, в случае реализации данного мероприятия, Центральному Банку России, а также поднадзорным ему кредитным организациям следует осуществлять более подробный мониторинг финансовой активности самозанятых граждан.

Маркетплейс Qugo.ru и компания Cup.li провели опрос среди 2 тысяч человек со всех регионов страны, выясняя, как они относятся к новой форме занятости. Так, 62% респондентов рассказали, что хотели бы получить статус самозанятого. При этом 45% опрошенных не решаются оформить самозанятость, потому что боятся не найти клиентов. Ещё 40% не уверены в стабильности налогового режима, а более 30% считают, что здесь много подводных камней. Около 22% респондентов уверены, что самозанятость не принесёт им достойной пенсии [18].

Вторым мероприятием в рамках совершенствования налоговой системы самозанятости является начисление трудового стажа за ведение экономической деятельности в качестве самозанятого. Данный аспект является одним из наиболее важных, поскольку дает людям рост социальных гарантий, перспективу качественного трудоустройства. Наличие проблемы в данной области подтверждается выдержкой из социального опроса, приведенной выше. В рамках авторской методики, предлагается введение начисления

трудового стажа в рамках самозанятости в соотношении 2 к 1, в случаях, когда совокупный доход самозанятого гражданина превышает 2 млн рублей в год. То есть, два года ведения экономической деятельности в качестве самозанятого приравнивается к одному году трудового стажа сотрудников найма. Такой ход, позволит заинтересовать граждан, обладающих достаточно высоким теневым доходом, произвести его легализацию. В дополнение к этому, 2% от взимаемого налога на доходы предлагается направлять в Пенсионный фонд Российской Федерации с целью формирования надбавок для будущей социальной пенсии гражданина. Данное изменение окажется достаточно лояльным как для потенциальных самозанятых граждан, так и для пенсионного фонда страны. Несмотря на тот факт, что государство получит меньший размер налоговых поступлений в краткосрочной перспективе, в долгосрочной перспективе, наоборот, приток новых налогоплательщиков позволит максимизировать налоговые поступления в бюджет.

Для того, чтобы опытным путем убедиться в том, что в долгосрочной перспективе можно произвести следующий расчет, для которого будет взято 1000 самозанятых с доходом более 2 млн рублей в год. Отдельно необходимо заметить, что количество предпринимателей как такого значения не имеет. Расчеты, произведенные далее, основываются на ответах респондентов с целью выявления / отсутствия выгоды внедрения пенсионных отчислений по ранее предложенному тарифному плану:

Для этого необходимо произвести расчет краткосрочной упущенной выгоды (УВ) согласно формуле 1:

$$\text{УВ} = \big(2\ \text{млн руб.} * 4\% - 2\ \text{млн руб.} * (4\% - 2\%)\big) * 1000 = 40\ \text{млн}, \qquad (1)$$

Таким образом, из расчетов видно, что в краткосрочной перспективе упущенная выгода составит 40 млн рублей. Далее, в формуле 2 будет произведен расчет потенциальной выгоды в долгосрочной периоде (ПВ) с учетом того, что социальная переориентация налоговой политики приведет к росту числа самозанятых граждан, исходя из опроса на 22%:

$$\text{ПВ} = \big(2\ \text{млн руб.} * 4\% - 2\ \text{млн руб.} * (4\% - 2\%)\big) * (1000 * 122\%) = 48{,}8\ \text{млн}, \qquad (2)$$

Таким образом, из расчетов видно, что в долгосрочной перспективе упущенная выгода составит 48,8 млн рублей. Итак, в таком случае прибыль от введения подобных изменений будет являться разницей между упущенной выгодой и потенциальной выгодой, и составит 8,8 млн руб., из чего можно сделать вывод о том, что предложенная мера является эффективным способом увеличения прибыли для государственного бюджета.

Третьим мероприятием обозначается возможность реализации снижения налогооблагаемой базы, в случаях, когда совокупные расходы достигают более 70% от суммы общего дохода самозанятого гражданина. Так, например, под данную область может попадать услуги по оказанию маникюрных процедур,

где стоимость исходного материала для реализации услуги является значительной.

И последней достаточно простой в реализации, но не менее важной, процедурой является возможность опциональной выплаты начисленных налогов, как ежемесячно, так и ежеквартально. Данное нововведение позволит самозанятым гражданам с низким уровнем дохода и наличием сезонного фактора в их экономической деятельности более грамотно планировать свой бюджет. В заключение, необходимо отметить, что данная налоговая система требует законодательного закрепления установленных налоговых ставок, ведь одним из главных опасений среди самозанятых, а также тех, кто планирует получить данный статус, является риск повышения налоговых тарифов.

Заключение

В результате анализа научно-экономической литературы было выявлено, что введение новой налоговой системы, вводящей новую категорию налогоплательщиков – самозанятых, является прогрессивным решением, способствующим противодействию теневому сектору занятности путем легализации доходов граждан, занятых в неформальных областях экономики. В то же время, данная налоговая система имеет значительное количество недостатков, препятствующих выводу граждан из теневой занятости. В рамках исследования были предложены следующие меры, направление на повышения эффективности нового налогового режима, как инструмента в области противодействия теневой экономической деятельности:

- повышение лимита доходов до 3,5 млн рублей в год;
- начисление трудового стажа за ведение экономической деятельности в качестве самозанятого в соотношении 2 к 1, в случаях, когда совокупный доход самозанятого гражданина превышает 2 млн рублей в год;
- перечисление 2% от взимаемого налога на доходы в Пенсионный фонд Российской Федерации с целью формирования надбавок для будущей социальной пенсии гражданина;
- возможность уменьшения налогооблагаемой базы, в случаях, когда совокупные расходы достигают более 70% от суммы общего дохода самозанятого гражданина;
- возможность опциональной выплаты начисленных налогов, как ежемесячно, так и ежеквартально.

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, имеют в настоящее время действительное практическое значение, поскольку позволяют усовершенствовать экономические механизмы противодействия развитию теневого сектора экономики.

Литература

1. Северухин К.В. Оценка масштаба теневой экономики в странах Балтии в 2023 году // Прогрессивная экономика. 2023. № 3. С. 54–68.
2. Рогова В.В. Теневая экономика: формы проявления и причины воспроизводства // Шаг в науку. 2017. №. 2. С. 65–68.
3. Манжула Т.Ю. Роль Государственного бюджета в социально-экономическом развитии государства // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. №. 5. С. 43.
4. Дахададаева А.А., Чернова С.А. Теневая экономика: угроза и фактор экономической безопасности государства // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: общественные науки. 2021. Т. 36. №. 4. С. 31–38.
5. Шайхразиева Я.И. Налогово-бюджетная безопасность как элемент системы экономической безопасности страны // Прогрессивная экономика. 2025. № 2. С. 21–30.
6. Стецюнич Ю.Н., Зайцев А.А. Криминальная конкуренция: сферы, анализ состояния и направления борьбы в государственном управлении // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. №. 1. С. 16–22.
7. Найдёнов А. С., Кривенко И. А. Теневая экономика в условиях экономического кризиса: диагностика состояния и прогнозирование последствий // Экономика региона. 2013. №. 1 (33). С. 46–53.
8. Михеев С.И. Динамика неформальной занятости в экономике России: региональные и отраслевые аспекты // Прогрессивная экономика. 2024. № 4. С. 17–29.
9. Талерчик С.М., Зайцев А.А., Шаванов М. В. Обеспечение экономической безопасности в контексте устойчивого инновационного развития агропромышленного комплекса в регионах России //Фундаментальные исследования. 2021. №. 2. С. 57–65.
10. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/.
11. Левшукова О.А., Петров Н.Р., Копнина А.И. Анализ масштабов развития теневой экономики в России // Вестник академии знаний. 2019. №. 3 (32). С. 162–167.
12. Zaytsev A. et al. Economic security and innovative component of a region: a comprehensive assessment // Sustainable Development and Engineering Economics. 2021. №. 2. С. 58–78.
13. Георгиева Е.Х. Направления государственной экономической политики в сфере противодействия теневой экономике // Теория и практика общественного развития. 2014. №. 11. С. 131–133.
14. Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/.

15. Центральная банк Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/.

16. Андрианов В.Д. Теневой сектор экономики России: занятость и «Серые» зарплаты // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. №. 13–1. С. 136–140.

17. 3/4 респондентов согласны с увеличением самозанятым лимита доходов для применения спецрежима до 4,2 млн руб. URL: https://www.garant.ru/ia/research/1771244/.

18. 62% россиян задумываются стать самозанятыми. URL: https://skillbox.ru/media/management/62-rossiyan-zadumyvayutsya-stat-samozanyatymi/.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/formirovanie-konczepczii-innovaczionnyh-proektov/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 33.338
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_245



ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ВУЗАХ

Шик Ю.В., *аспирант, Университет ИТМО, г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Целью данной статьи является научное обоснование сущности и определения инновационных проектов академической мобильности в вузах посредством выявления критериев их инновационности на основе анализа фундаментальных российских и зарубежных исследований в данной области. На основе анализа научных источников автором показано, что инновационный проект академической мобильности представляет собой совокупность мероприятий, направленных на разработку, внедрение или реализацию новых либо существенно усовершенствованных продуктов, услуг и бизнес-процессов в образовательной и научной сферах вузов, обеспечивающих обмен и приобретение передовых знаний, навыков и компетенций посредством обучения и стажировок в российских и зарубежных организациях вне рамок основного вуза. В статье рассмотрены следующие критерии инновационности проектов академической мобильности в вузах: внедрение нового или усовершенствованного продукта / реализация новых или усовершенствованных процессов и методов; наличие результатов, направленных на образовательную и научную деятельность вуза; обеспечение сравнительных преимуществ; сетевое взаимодействие и партнёрство; а также приращение компетенций. Результаты проведенного исследования подтверждают значимость инновационных проектов академической мобильности в вузах для повышения качества образования, развития кадрового потенциала и обеспечения конкурентоспособности вузов на внутреннем и на международном рынках образовательных услуг.

Ключевые слова: инновации, инновационные проекты, академическая мобильности, вузы, международное сотрудничество, критерии инновационности, научная и образовательная среда вузов.

DEVELOPMENT OF THE FRAMEWORK FOR INNOVATIVE ACADEMIC MOBILITY PROJECTS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Shik I.V., *Postgraduate Student, ITMO University, Saint Petersburg, Russia*

Abstract. The purpose of this article is to scientifically substantiate the essence and definition of innovative academic mobility projects in universities by identifying criteria for their innovativeness based on the analysis of fundamental Russian and foreign research in this field. Based on the analysis of scientific sources, the author shows that the innovative academic mobility project is a set of activities aimed at developing, introducing or implementing new or significantly improved products, services and business processes in the educational and scientific fields of universities, providing the exchange and acquisition of advanced knowledge, skills and competencies through training and internships in Russian and foreign universities. foreign organizations outside the framework of the main university. The article considers the following criteria for the innovation of academic mobility projects in universities: the introduction of a new or improved product / the implementation of new or improved processes and methods; the availability of results aimed at the educational and scientific activities of the university; ensuring comparative advantages; networking and partnership; as well as the increment of competencies. The results of the study confirm the importance of innovative academic mobility projects in universities for improving the quality of education, developing human resources and ensuring the competitiveness of universities in the domestic and international markets of educational services.

Keywords: innovation, innovative projects, academic mobility, universities, international cooperation, criteria of innovation, scientific and educational environment of universities.

JEL classification: O32, I21, I23.

Для цитирования: Шик Ю.В. Формирование концепции инновационных проектов академической мобильности в вузах // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 245–257. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_245.

Статья поступила в редакцию: 15.06.2025 г. Одобрена после рецензирования: 27.06.2025 г. Принята к публикации: 28.06.2025 г.

For citation: Shik I.V. Development of the Framework for Innovative Academic Mobility Projects in Higher Education Institutions // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 245–257. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_245.

The article was submitted to the editorial office: 15/06/2025. Approved after review: 27/06/2025. Accepted for publication: 28/06/2025.

Введение

Инновационные процессы в сфере образования и науки, а также развитие инновационной деятельности и формирование инновационной среды в вузах остаются одними из приоритетных направлений совершенствования вузов и высшего образования в целом. Внедрение передовых идей и технологий в образовательные и научные практики способствует не только повышению качества подготовки специалистов, но и укреплению научного и инновационного потенциала университетов. В этом контексте особое значение приобретают инновационные проекты, которые обеспечивают систематическую реализацию новшеств и способствуют устойчивому развитию образовательных организаций.

Одним из ключевых направлений инновационной деятельности в вузах являются проекты академической мобильности. В современных условиях развития высшего образования академическая мобильность выступает не только как механизм расширения образовательных возможностей, но и как инновационный проект, направленный на интеграцию новых образовательных и научных практик, повышение качества подготовки кадров, а также усиление взаимодействия вузов с научными партнёрами и бизнес-сектором как в России, так и за рубежом. Внедрение таких проектов требует глубокого понимания их сущности, механизмов функционирования и потенциала для реализации инноваций в образовательной и научной сферах. В связи с этим возникает необходимость проведения комплексного анализа академической мобильности как инновационного проекта, с целью выявить ключевые критерии инновационности таких проектов, а также сформулировать чёткое определения понятия «инновационный проект академической мобильности в вузах».

Таким образом, целью настоящей статьи является научное обоснование сущности и определения инновационных проектов академической мобильности в вузах посредством выявления критериев их инновационности на основе анализа фундаментальных российских и зарубежных исследований в данной области. Исследование направлено на углубление понимания механизмов реализации инновационных проектов в рамках академической мобильности.

Обзор литературы

В научной литературе академическая мобильность всё чаще рассматривается как инновационный проект, обладающий рядом характерных признаков, отличающих её от традиционных образовательных инициатив. Как отмечает Ю.О. Шестова, инновационность подобных проектов проявляется в их уникальных целях, разовом характере реализации, гибком составе участников и преподавателей, а также в динамичном содержании образовательных программ. Важными характеристиками, по мнению автора, выступают чётко определённые временные рамки, самостоятельное финансирование, зачастую не связанное с основным бюджетом вуза и формирование специализированной команды для создания и апробации новых

образовательных продуктов, способствующих развитию профессиональных и общих компетенций обучающихся [1].

Д.К. Козлова в своей диссертации рассматривает академическую мобильность как инновационную программу образования, ориентированную на расширение компетенций студентов за счёт обучения в различных вузах с последующим возвращением в исходное образовательное учреждение. По мнению автора, такие инновационные проекты способствуют совершенствованию образовательных механизмов и повышению качества подготовки специалистов [2]. Э. Ванхемпинг обосновывает, что инновационность проектов академической мобильности заключается в преодолении традиционных языковых и методологических барьеров, а также в гибкости форматов стажировок, которые адаптируются под индивидуальные потребности участников. Согласование учебных программ и требований к итоговым работам облегчает интеграцию образовательных систем разных стран, а включение студентов и преподавателей в профессиональное и культурное сообщество принимающей стороны способствует формированию международных связей и обмену опытом. Полученные знания и навыки, по мнению автора, затем применяются в родном вузе, что повышает устойчивость и эффективность таких программ [3].

Согласно подходу Е.А. Ходыревой и А.Л. Носовой, проекты по развитию академической мобильности относятся к модифицирующим инновационным проектам, направленным на усовершенствование существующих компонентов образовательной системы, методик профессионального образования и систем управления качеством, без внедрения принципиально новых идей [4]. О.С. Полозова считает, что инновационность академической мобильности проявляется в создании и внедрении новых организационных и методических решений: согласовании стандартов, разработке совместных программ, признании квалификаций и развитии инфраструктуры поддержки участников. Благодаря этому академическая мобильность становится инструментом интеграции образовательных систем, преодоления языковых и культурных барьеров и формирования конкурентоспособных специалистов в условиях глобализации [5].

Примером инновационного подхода к определению сущности проектов академической мобильности служит проект факультета искусств Алтайского государственного университета, реализующий онлайн-лекции в сотрудничестве с Павлодарским педагогическим институтом. Использование интерактивных форматов и цифровых технологий способствует развитию виртуальной мобильности и расширяет академические возможности студентов [6]. Работы исследователей НИУ ВШЭ и отчёты Европейской ассоциации университетов дистанционного обучения (EADTU) подтверждают, что инновационность академической мобильности сегодня связана с интеграцией виртуальных и смешанных форм обмена, использованием цифровых платформ и современных образовательных

технологий. Это делает такие проекты более гибкими, доступными и инклюзивными, позволяя студентам и преподавателям участвовать в международных программах без необходимости длительных поездок [7, 8].

Научные труда P. Siekierski, M.C. Lima, F.M. Borini, а также R.M. Pereira доказывают, что международная академическая мобильность способствует развитию инноваций в вузах, усиливая научный потенциал, стимулируя патентную активность и формируя международные исследовательские сети [9]. Q. Chen и Y. Li Mobility показывают, что возвращающиеся участники проектов академической мобильности становятся проводниками новых образовательных практик, способствуют реформированию университетского управления и развитию предпринимательства, а также трансферу знаний и технологий [10]. В отчёте «Outbound Student Mobility Pilot Program – Innovation Projects» (Канада) представлен 61 инновационный проект, реализованный в рамках академической мобильности, включающий виртуальные форматы таких проектов, новые методы развития компетенций, преодоление системных барьеров, развитие международного сотрудничества и совершенствование поддержки участников [11].

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют фундаментальные научные публикации, аналитические обзоры и эмпирические данные, отражающие современные подходы к инновационным проектам и академической мобильности в вузах, общенаучные методы – логический, системный и сравнительный анализ, а также методы индукции, аналогии, обобщения и классификации научной информации.

Результаты и обсуждение

Для выделения критериев инновационности проектов академической мобильности требуется структурировать и обобщить изученные теоретические и эмпирические аспекты. Так, целесообразно использовать комплексный подход, который объединяет анализ научных концепций и практических данных, что позволяет разработать объективные и обоснованные критерии инновационности проектов академической мобильности в вузах.

В таблице 1 представлены обобщённые концепции инновационности проектов академической мобильности, выявленные в результате анализа научных источников и практических примеров реализации таких проектов.

Таблица 1

Концепции академической мобильности различных авторов и источников и их ключевые особенности

Источник / автор	Определение инновационного проекта академической мобильности	Ключевые аспекты
Ю.О. Шестова	Инновационность проявляется в уникальных целях, разовом характере, самостоятельном финансировании, формировании уникальной команды и создании образовательного продукта для развития компетенций.	Внедрение новых форм и методов; индивидуализация; приращение профессиональных и межкультурных компетенций; наличие измеримых результатов
Д.К. Козлова	Академическая мобильность – инновационная образовательная программа, направленная на совершенствование компетенций и повышение качества подготовки через обучение в разных вузах.	Приращение компетенций; интеграция инноваций в образовательную систему; конкурентные преимущества
Э. Ванхемпинг	Инновационность связана с преодолением языковых и методологических барьеров, гибкостью форматов, интеграцией образовательных систем и вовлечением в профессиональное сообщество.	Внедрение новых процессов; сетевое взаимодействие; устойчивость и адаптивность; развитие профессиональных связей
Е.А. Ходырева, А.Л. Носов	Инновационность направлена на улучшение образовательных программ, методик и систем управления качеством.	Внедрение новых методов; совершенствование существующих программ; наличие результатов в образовательной деятельности
О.С. Полозова	Инновационность выражается в новых организационных и методических решениях, согласовании стандартов, создании совместных программ и развитии инфраструктуры поддержки.	Сетевое взаимодействие и партнёрство; преодоление барьеров; формирование конкурентоспособных специалистов
P. Siekierski, M.C. Lima, F.M. Borini, R.M. Pereira	Международная мобильность стимулирует инновации через формирование исследовательских сетей, рост публикаций и обмен знаниями между странами.	Сетевое взаимодействие; наличие результатов (публикации, патенты); формирование инновационных исследовательских консорциумов
Q. Chen, Y. Li	Проект инновационен, так как участники становятся носителями	Внедрение новых методов; приращение компетенций;

	новых образовательных практик, инициируют реформы и способствуют трансферу знаний и технологий.	формирование инновационной среды; расширение взаимодействия с индустрией
Проект факультета искусств Алтайского государственного университета	Инновационность проявляется в онлайн-лекциях, интерактивных форматах, международном сотрудничестве и развитии виртуальной мобильности.	Внедрение цифровых технологий; новые форматы обучения; расширение международного сотрудничества; развитие виртуальной мобильности
НИУ ВШЭ, ИСИЭЗ	Международная мобильность – механизм циркуляции знаний и источник инноваций, способствующий развитию исследовательского потенциала.	Наличие результатов для вуза; приращение компетенций; развитие исследовательского и инновационного потенциала
EADTU (Европейская ассоциация университетов дистанционного обучения)	Инновационность в интеграции виртуальной и смешанной мобильности с традиционными формами, использовании цифровых платформ и персонализированного обучения.	Внедрение новых цифровых продуктов; сетевое взаимодействие; персонализированное обучение; повышение доступности и гибкости
Universities Canada (Outbound Student Mobility Pilot Program – Innovation Projects, 2021)	Проекты инновационны за счёт расширения участия, виртуальной мобильности, новых методов развития компетенций, преодоления барьеров и развития партнёрств.	Комплексное соответствие всем критериям: внедрение новых продуктов и процессов, сетевое взаимодействие, приращение компетенций, конкурентные преимущества, наличие результатов

Источник: составлено автором по материалам [1–11]

Для наглядного представления механизма реализации инновационного проекта академической мобильности целесообразно представить рис. 1. Для оценки соответствия инновационного проекта академической мобильности в вузах нормативно-правовым требованиям Российской Федерации и подтверждения его инновационного характера, помимо анализа научной литературы, целесообразно обратиться к действующим нормативным документам.

Приказ Федеральной службы государственной статистики (Росстат) от 31 июля 2024 года № 332 с редакцией от 2 апреля 2025 года «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки и инноваций» устанавливает специализированные формы статистического наблюдения для организаций [12]. Эти формы позволяют систематизировать инновации по типам (продуктовым и процессным), а также детализировать процессные инновации согласно методологии Росстата. К

продуктовым инновациям относятся новые или улучшенные товары и услуги, а к процессным – усовершенствованные бизнес-процессы, например внедрение электронных баз данных, корпоративных систем управления знаниями, новых стратегий развития, методов обучения и коммуникаций.

В свою очередь, Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 19 января 2024 года № 28 «Об утверждении перечня федеральных инновационных площадок» отражает государственную политику в сфере образования и науки [13]. В нём утверждён перечень инновационных площадок, ориентированных на внедрение передовых образовательных технологий и представлены примеры инновационных проектов. Основные направления таких проектов включают: персонализированные образовательные траектории, цифровизация учебного процесса, развитие сетевых моделей, инклюзивность и адаптация программ, а также развитие кадрового и научного потенциала.

Таким образом, учитывая анализ действующих нормативно-правовых актов, можно сделать вывод, что инновационные проекты академической мобильности в вузах полностью соответствует установленным требованиям законодательства Российской Федерации. На основе анализа существующих научных исследований и авторитетных источников, верифицированных нормативно-правовыми документами, получена эмпирически обоснованная информация, составляющая методологическую базу для подтверждения инновационной сути проектов академической мобильности (рис. 2).

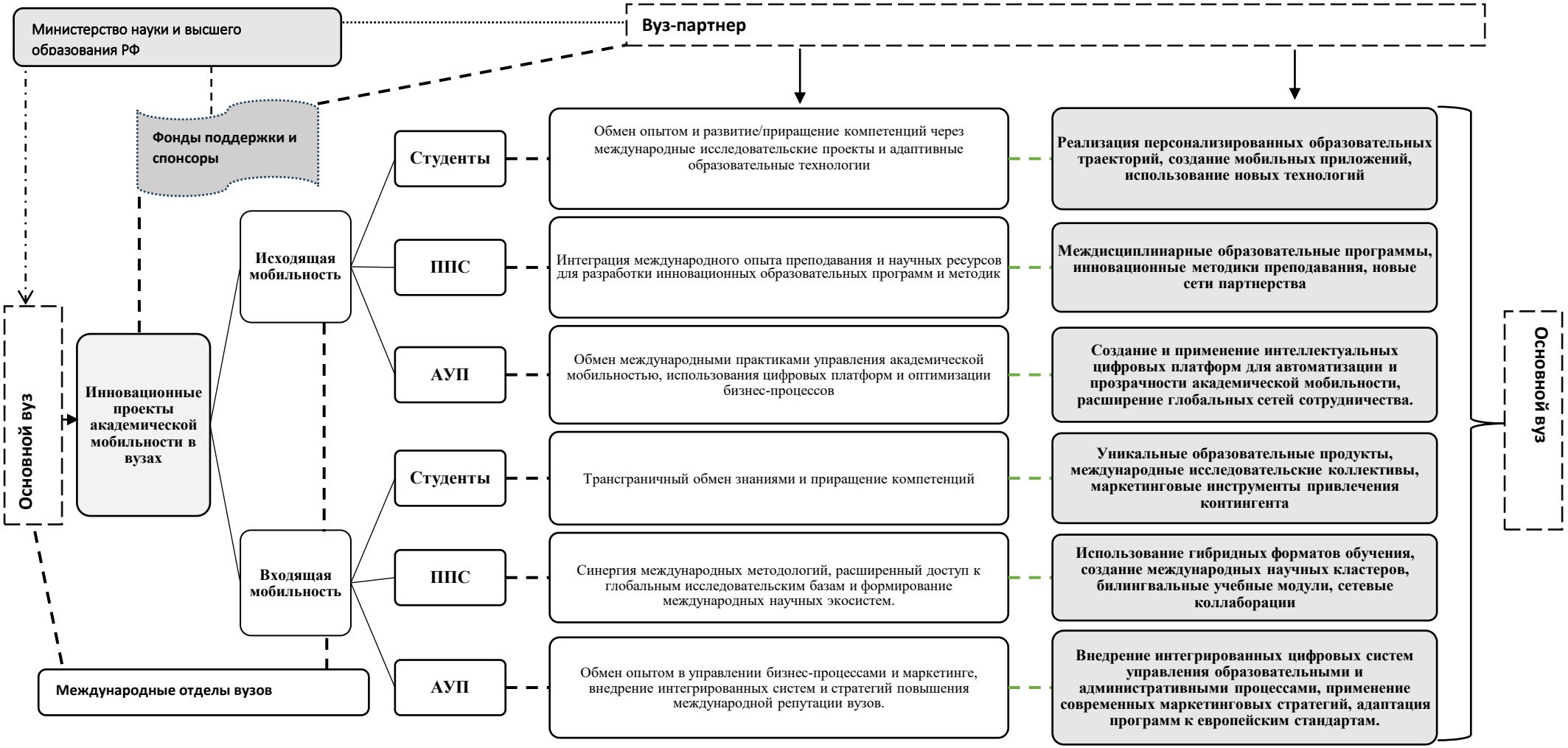


Рис. 1. Концептуальная схема реализации инновационных проектов академической мобильности в вузах

Источник: составлено автором

Авторы и источники	
Шестова Ю.О., Козлова Д.К., Ванхемпинг Э., Ходырева Е.А., Носов А.Л., Полозова О.С., Сиерски Р., Лима М.С., Борини Ф.М., Перейра Р.М., Чэнь Ц., Ли Ю.	Внедрение новых форм мобильности, индивидуализация обучения, развитие компетенций, сетевое взаимодействие, создание уникальных образовательных продуктов, интеграция новых методов
Алтайский государственный университет, НИУ ВШЭ (ИСИЭЗ)	Внедрение/реализация цифровых технологий, виртуальная мобильность, международное сотрудничество, новые форматы обучения, развитие исследовательских сетей, академическая мобильность как механизм циркуляции знаний и инноваций
EADTU (Европейская ассоциация университетов дистанционного обучения), Universities Canada (Outbound Student Mobility Pilot Program – Innovation Projects) (61 инновационный проект академической мобильности)	Интеграция виртуальной и смешанной мобильности с традиционными формами обмена, использование цифровых платформ, стратегических партнёрств, новых методов развития компетенций, преодоление барьеров, поддержка и управление рисками
Нормативно-правовая база	
Ключевые направления инновационных проектов по Приказу Минобрнауки РФ от 19.01.2024 № 28	***Основные направления инноваций в образовании и науке по приказу Росстата от 31.07.2024 N 332 (ред. от 02.04.2025)***
Персонализированные траектории, цифровизация, сетевые модели, инклюзивность, развитие кадрового и научного потенциала цифровизация, сетевое взаимодействие, развитие кадрового потенциала, международные программы.	Новые продукты и бизнес-процессы, корпоративное управление, новые методы обучения, маркетинг, деловые отношения, электронные базы данных, онлайн-обучение, системы управления знаниями, новые коммуникационные и образовательные практики, корпоративное и кадровое управление, новые маркетинговые и образовательные технологии.

Рис. 2. Обоснование инновационного характера проектов академической мобильности в вузах

Источник: составлено автором

Так, основой для разработки критериев инновационности проектов академической мобильности в вузах послужил анализ научных исследований и теоретических концепций, при этом нормативные документы и опыт реализации инновационных проектов использовались как дополнительное подтверждение и уточнение этих критериев. В табл. 2 представлены сформулированные критерии инновационности проектов академической мобильности в вузах.

Таблица 2

Критерии инновационности проектов академической мобильности в вузах

Критерий	Описание критерия	Источник
Внедрение нового или усовершенствованного продукта / Реализация новых или усовершенствованных процессов и методов	Разработка, внедрение или реализация уникального продукта или процесса, повышающего качество и эффективность	Росстат; Д.К. Козлова; Ю.О. Шестова; Е.А. Ходырева; А.Л. Носов; Q. Chen, Y. Li; EADTU; Universities Canada, приказ Росстата
Наличие результатов, направленных на образовательную и научную деятельность вуза	Создание и внедрение результатов, новых методик и публикаций, направленных на научную или образовательную деятельность вуза	НИУ ВШЭ; Сиерски П.; проекты Минобрнауки; Q. Chen, Y. Li
Обеспечение сравнительных преимуществ	Демонстрация технологических, экономических и организационных преимуществ для устойчивого лидерства	Д.К. Козлова; Ю.О. Шестова; О.С. Полозова; Universities Canada
Сетевое взаимодействие и партнёрство	Формирование и поддержание устойчивых связей с вузами-партнерами	Минобрнауки; О.С. Полозова; EADTU
Приращение компетенций	Повышение компетенций участников через обмен опытом и приобретения передовых знаний	Д.К. Козлова; Ю.О. Шестова; проекты Минобрнауки; Q. Chen, Y. Li; Universities Canada

Источник: составлено автором по материалам [1–13]

Таким образом, определение «инновационного проекта академической мобильности в вузах» является необходимым шагом для конкретизации концепции академической мобильности, что позволит в дальнейших исследованиях перевести ее из теоретической плоскости в практическую реализацию. Инновационный проект академической мобильности представляет собой совокупность мероприятий, направленных на разработку, внедрение или реализацию новых либо существенно усовершенствованных продуктов, услуг и бизнес-процессов в образовательной и научной сферах вузов, обеспечивающих обмен и приобретение передовых знаний, навыков и компетенций посредством обучения и стажировок в российских и зарубежных организациях вне рамок основного вуза.

Такие проекты создают для вузов сравнительные преимущества, повышая их конкурентоспособность на образовательном рынке за счёт

расширения международных связей, внедрения инновационных образовательных практик и развития кадрового потенциала. Ключевым результатом инновационного проекта академической мобильности является его эффективность – способность достигать поставленных целей, приносить измеримые результаты и способствовать устойчивому развитию образовательной и научной среды вузов. Эффективность свидетельствует о том, что проект успешно интегрирует новшества в практику, обеспечивает улучшение качества обучения и научной деятельности, а также формирует конкурентные преимущества для участников и организаций.

Заключение

В процессе исследования было выявлено, что инновационные проекты академической мобильности в вузах обладают значительным потенциалом для внедрения новшеств в научную и образовательную деятельность вузов. Были разработаны критерии инновационности таких проектов на основе анализа фундаментальной научной и зарубежной литературы, примеров практической реализации инновационных проектов академической мобильности как в России, так и за рубежом, а также нормативно-правовых документов. На основе критериев инновационности таких проектов было сформулировано понятие инновационных проектов академической мобильности в вузах.

Литература

1. Шестова Ю.О. Краткосрочная международная академическая мобильность как инновационный проект (на примере международной программы «Бридж: развитие возможностей трудоустройства в Баренц-регионе») // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-4. С. 283–287.
2. Козлова Д. К. Методика оценки эффективности инновационной программы образования : дис. канд. экон. наук : 08.00.05. Санкт-Петербург, 2008. 151 с.
3. Ванхемпинг Э. «Балтийский вектор» академической мобильности: инновационный дискурс интеллектуальных стажировок русскоговорящей профессуры и молодых исследователей постсоветских стран в Скандинавию // Непрерывное образование: XXI век. 2016. Вып. 2 (14). DOI: 10.15393/j5.art.2016.3127.
4. Ходырева Е.А., Носов А.Л. Виды и специфика инновационных проектов, реализуемых образовательными организациями высшего образования // Проблемы и перспективы социально-экономического развития регионов. 2015. С. 202–204.
5. Полозова О.С. Академическая мобильность в контексте инноваций современного высшего профессионального образования // Вестник БГУ. 2012. № 1 (1). С. 45–52.
6. Инновационные технологии международной академической мобильности на факультете искусств // Алтайский государственный университет. 2013. 24 января. URL: https://www.asu.ru/news/8507/.

7. Нефёдова А.А. Что дает молодым ученым опыт международной мобильности? // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: https://issek.hse.ru/news/keywords/10766106/.

8. European Association of Distance Teaching Universities (EADTU); Henderikx P., Ubachs G. Innovative Models for Collaboration and Student Mobility in Europe: Results of EADTU's Task Force and Peer Learning Activity on Virtual Mobility. Maastricht, 2019. 74 p.

9. Siekierski P., Lima M. C., Borini F. M., Pereira R. M. International academic mobility and innovation: a literature review // Journal of Global Mobility. 2018. Vol. 6. № 3. P. 285–298.

10. Chen Q., Mobility Li Y. Knowledge Transfer, and Innovation: An Empirical Study on Returned Chinese Academics at Two Research Universities // Sustainability. 2019. Vol. 11. № 6454.

11. Outbound Student Mobility Pilot Program Innovation Projects // Universities Canada. Ottawa, 2021. 38 p.

12. Приказ Федеральной службы государственной статистики от 31.07.2024 № 332 (ред. от 02.04.2025) «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки и инноваций». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483109/624096445b5cf3fbc66b245ef7c726e323fd6eee/.

13. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 19.01.2024 № 28 «Об утверждении перечня федеральных инновационных площадок» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2024. URL: https://base.garant.ru/408567459/.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 6 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/vliyanie-nauchnogo-statusa-na-ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-pri-napisanii-nauchnoj-stati/
Научная статья / Original article
УДК 331.445:378.048.2
DOI: 10.54861/27131211_2025_6_258



ВЛИЯНИЕ НАУЧНОГО СТАТУСА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ НАПИСАНИИ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Бенсон И.Н., *кандидат экономических наук, ООО «Чипконтакт», г. Санкт-Петербург, Россия*

Лукина К.И., *учредитель научного журнала «Прогрессивная экономика», г. Белгород, Россия*
Email: progressive-science@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается влияние научного статуса автора на характер и степень использования искусственного интеллекта в исследовательской и публикационной деятельности. Актуальность поставленного исследовательского вопроса определена тем, что начиная с 2022 года, генеративные модели, такие как ChatGPT, Gemini, Claude и др., становятся повседневным инструментом исследовательской и научной практики. На основе анализа эмпирических исследований, статистических наблюдений, а также деятельности в сфере рецензирования научных рукописей выявлены различия в подходах к использованию нейросетей между студентами, магистрантами, аспирантами и работниками с учёной степенью. Установлено, что молодые исследователи чаще используют искусственный интеллект как основной инструмент генерации текста, в то время как опытные авторы применяют нейросети в качестве вспомогательного инструмента – для редактуры, структурирования текста и повышения качества научного анализа. Иными словами, научный статус влияет не столько на сам факт использования искусственного интеллекта, сколько на форму, цели и степень осознанности его применения. В статье представлены типичные признаки автоматической генерации текста и критерии корректного использования искусственного интеллекта в научных публикациях, предложены рекомендации по корректному использованию нейросетевых инструментов в научной и исследовательской деятельности.

Ключевые слова: нейросети, искусственный интеллект, научная публикация, академический статус, редакторская практика, ChatGPT, когнитивные искажения, корректность использования ИИ, двойные стандарты.

IMPACT OF SCIENTIFIC STATUS ON THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SCIENTIFIC ARTICLE WRITING

Benson I.N., *Candidate of Economic Sciences, Chipcontact LLC, St. Petersburg, Russia*

Lukina K.I., *founder of the scientific journal Progressive Economy, Belgorod, Russia*
Email: progressive-science@yandex.ru

Abstract. This article examines the influence of the author's scientific status on the nature and extent of the use of artificial intelligence in research and publishing activities. The relevance of this research question is determined by the fact that starting in 2022, generative models such as ChatGPT, Gemini, Claude, and others are becoming an everyday tool for research and scientific practice. Based on the analysis of empirical research, statistical observations, as well as activities in the field of reviewing scientific manuscripts, differences in approaches to the use of neural networks between students, undergraduates, graduate students and employees with academic degrees have been identified. It has been found that young researchers are more likely to use artificial intelligence as the main tool for text generation, while experienced authors use neural networks as an auxiliary tool for editing, structuring text and improving the quality of scientific analysis. In other words, scientific status affects not so much the very fact of using artificial intelligence, but rather the form, goals, and degree of awareness of its use. The article presents typical features of automatic text generation and criteria for the correct use of artificial intelligence in scientific publications, and offers recommendations on the correct use of neural network tools in scientific and research activities.

Keywords: neural networks, artificial intelligence, scientific publication, academic status, editorial practice, ChatGPT, cognitive biases, correctness of AI use, double standards.

JEL classification: I23, O33, J24.

Для цитирования: Бенсон И.Н., Лукина К.И. Влияние научного статуса на использование искусственного интеллекта при написании научной статьи // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 258–272. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_258.

Статья поступила в редакцию: 22.06.2025 г. Одобрена после рецензирования: 04.07.2025 г. Принята к публикации: 05.07.2025 г.

For citation: Benson I.N., Lukina K.I. Impact of Scientific Status on the Use of Artificial Intelligence in Scientific Article Writing // Progressive Economy. 2025. No. 6. pp. 258–272. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_258.

The article was submitted to the editorial office: 22/06/2025. Approved after review: 04/07/2025. Accepted for publication: 05/07/2025.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ), активное распространение которого началось с конца 2022 года, внедряется в профессиональную деятельность, где научная сфера не стала исключением. Благодаря взаимодействию на естественном языке, технологии, основанные на нейросетях, значительно упростили выполнение рутинных задач современного исследователя, таких как поиск и структурирование информации, генерация формулировок, построение логических связей, подготовка черновиков текстов и формулировка выводов. Тем не менее, как и любой инструмент, искусственный интеллект требует грамотного и осознанного использования, поскольку при некорректном применении качество научного текста может не улучшиться, а наоборот, существенно снизиться. Такие проблемы, как шаблонность формулировок, ошибки аргументации, поверхностное изложение материала и т.д. – стали достаточно распространенными в научных текстах.

Редакция журнала «Прогрессивная экономика» фиксирует тенденцию ухудшения качества поступающих рукописей, что в ряде случаев связано именно с некорректным использованием нейросетевых технологий, являющихся одним из ключевых элементов искусственного интеллекта. В особенности, данная проблема касается текстов, авторы которых полагаются на нейросети как на основной источник содержания без должной критической переработки. Поскольку все возрастающее число статей создаются с тем или иным уровнем вовлечения нейросетевых технологий, особую актуальность приобретает вопрос о том, насколько влияет научный статус автора на характер и качество использования искусственного интеллекта в исследовательской и публикационной деятельности.

В рамках настоящего исследования, в целях повышения стилистического разнообразия изложения, термины «искусственный интеллект» и «нейросеть» будут использоваться как синонимы, так как при подготовке и оформлении научных текстов, генеративные нейросети, такие как ChatGPT, Gemini, Claude, DeepL и другие, являются основными инструментами, с помощью которых реализуются прикладные функции ИИ.

Традиционно считается, что авторы с учёной степенью имеют бóльший научный опыт и, следовательно, присылают высококачественные статьи, которые проходят редакционный и рецензионный контроль с минимальными замечаниями. В то же время рукописи студентов, магистрантов и аспирантов, независимых экспертов, напротив, подвергаются более жесткому рецензированию, чаще отклоняются либо возвращаются на доработку. Однако с распространением нейросетей молодые исследователи зачастую проявляют бóльшую осознанность при проведении исследований и оформлении результатов. В связи с этим представляется необходимым всесторонне проанализировать влияние научного статуса автора на характер использования нейросетей в процессе подготовки научных публикаций.

Корректное и некорректное использование генеративных нейросетей в процессе написания научных статей

Вопросы разграничения корректного и некорректного применения генеративных нейросетей (ChatGPT, Gemini, Claude, DeepL и др.) являются критически важным с точки зрения подготовки исследования к публикации. Корректное использование нейросетей предполагает их применение в качестве вспомогательного инструмента, не заменяющего работу исследователя, а лишь дополняющего её. К числу допустимых и продуктивных практик относятся:

– подбор и уточнение формулировок научных гипотез;

– поиск и систематизация релевантной литературы по заявленной теме;

– структурирование аргументации;

– генерация идей для визуализации данных, создание таблиц, графиков или схем;

– сбор справочной информации;

– ускорение процесса подготовки к эмпирическому, теоретическому или юридическому исследованию.

Нейросетевые модели обладают способностью быстрее и точнее работать с массивами данных, нежели традиционные поисковые системы, что позволяет находить источники информации, включая малоцитируемые исследования, данные международных организаций и др. [1]. В данном смысле обращение к нейросети позволяет повысить качество и исследования.

Некорректное использование нейросетей заключается в генерации готового текста и его включении в рукопись без глубокой смысловой проработки. В подобных рукописях отсутствуют авторский вклад и критическая оценка содержания, нарушается логика изложения и структура научного рассуждения [2].

Особенно проблематичны ситуации, когда значительная часть текста, а иногда и вся статья, создаётся исключительно при помощи искусственного интеллекта, без анализа, редактирования и смысловой обработки со стороны автора. В рецензируемых текстах подобного рода часто наблюдается «пустота смысла»: внешне корректные предложения не несут содержательной нагрузки и не создают ценности для научного сообщества.

Обсуждая некорректное использование нейросети, невозможно обойти внимание результаты эмпирического исследования, представленные группой ученых из MIT Media Lab, которые изучали активность мозга при написании текстов с помощью ChatGPT, Google и без вспомогательных инструментов. Авторы пришли к выводу, что использование ChatGPT усиливает метакогнитивную лень (снижение способности человека к самостоятельному мышлению). Ещё одним важным выводом исследования является доказательство факта, что тексты, созданные с помощью ChatGPT, даже при формально различных формулировках, имеют тенденцию к структурной и содержательной унификации. В эксперименте участники писали эссе на одну

и ту же тему, и те, кто использовал ChatGPT, представили работы, которые были удивительно похожи между собой. В них повторялись одни и те же смысловые конструкции, наблюдалась «пустота смысла», то есть текст был стилистически выверен, но лишён глубокой аргументации и авторской позиции. Кроме того, фиксировалось большое количество вариантов переформулировок одного и того же содержания, не ведущих к усилению смысла [3].

Результаты исследования позволяют заключить, что шаблонное использование нейросети может быть распознано при обычном прочтении текста без привлечения технических систем. Однообразие логических переходов, повторяемость аргументов и отсутствие авторской рефлексии становятся маркерами автоматической генерации, что упрощает задачу выявления некорректного применения генеративных нейросетей в научной и учебной работе.

Таким образом, корректное использование нейросетей должно строиться на принципе вспомогательности и осознанности. Искусственный интеллект не должен подменять собой исследовательскую деятельность, а его результат не может восприниматься как конечный научный продукт. Научная публикация – это, прежде всего, результат критического мышления и профессионального анализа, а не механической генерации текста.

Использование искусственного интеллекта в исследовательской работе

Феномен искусственного интеллекта рассматривается современными исследователями с разных сторон. Например, Пабло Дарта-Гонсалес, Алексис Хорхе Лопес-Пуиг, Мария Исабель Дорта-Гонсалес и Сара М. Гонсалес-Бетанкор в своей научной статье доказали, что фактически наблюдается сдвиг в практике исследовательской деятельности, а интеграция генеративной технологии искусственного интеллекта в исследовательскую среду становится все более распространенной. В 2023 году 67% исследователей из выборки использовали ИИ хотя бы раз в работе, а 17% – регулярно (ежедневно или несколько раз в неделю). Исследователи на ранней стадии карьеры (аспиранты) используют ИИ на 12–19% чаще, чем их более опытные коллеги [4].

Цзыян Сюй на основе анализа 168 официальных деклараций и 8 859 научных статей, опубликованных в журналах Elsevier в 2024 году, показал, что исследователи в большинстве используют нейросети (ChatGPT, Grammarly, DeepL и др.) для повышение читаемости текста, грамматической коррекции, редактирование, поиск литературы, генерации контента, статистического анализа, перевода, рерайта и генерации идей [5] (рис. 1). Иными словами, нейросети используются на вспомогательных этапах, таких как подготовка, редактирование, структурирование, но не для генерации основного научного содержания. Результаты исследования, проведенного Цзыян Сюй, подтверждают, что характер и интенсивность использования генеративных ИИ-инструментов в научной деятельности существенно различаются в зависимости от статуса автора и его языкового бэкграунда.

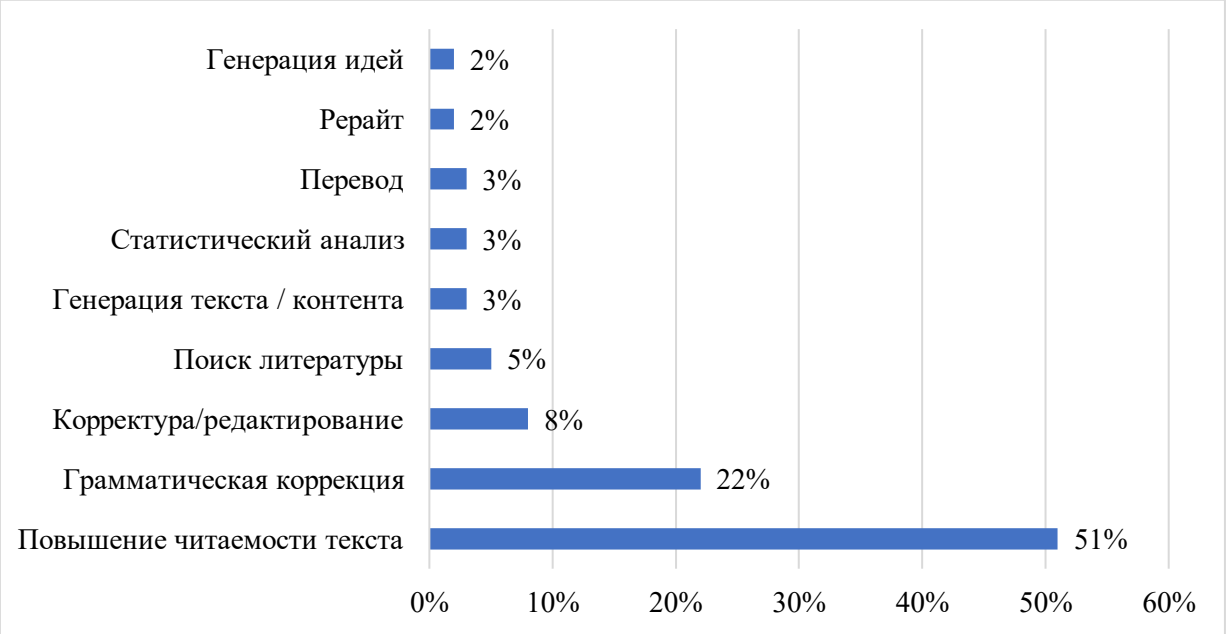


Рис. 1. Цели использования искусственного интеллекта в исследовательской работе

Источник: составлено авторами по данным [5]

Магистранты, аспиранты и молодые исследователи, особенно не являющиеся носителями английского языка, используют нейросети для улучшения читаемости текста, грамматической и стилистической коррекции, перевода и адаптации текста с родного языка на английский, поиска литературы, генерации формулировок и идей. Такое разнообразие объясняется тем, что начинающие исследователи сталкиваются с большими трудностями при формулировке академических текстов, в частности, на иностранном языке. Нейросети воспринимаются в качестве инструмента на всех этапах подготовки публикации: от формулировки идей до финального редактирования. Опытные авторы, как правило, носители языка и имеющие учёные степени, применяют нейросети преимущественно для вычитки текста и редактуры: для них искусственный интеллект воспринимается как инструмент технической поддержки, а не генерации смыслового содержания [5]. Таким образом, молодые исследователи (студенты), особенно с неродным английским языком, воспринимают нейросети как многофункциональный инструмент, тогда как опытные авторы прибегают к ним избирательно и преимущественно в рамках постредакционных задач.

Результаты эмпирических наблюдений указывают на более высокую активность среди молодых исследователей и аспирантов, но представленные выше данные не в полной мере отражают объективную картину. Имеются основания полагать, учёные, обладающие высоким академическим статусом, также активно используют ИИ-инструменты, однако по ряду причин предпочитают не декларировать данный факт. В ряде случаев сокрытие применения нейросетей может быть связано с опасениями за профессиональную репутацию, страхом дискредитации академической

компетентности или несоответствием неформальным нормам научного сообщества. Например, в исследовании KPMG и Университета Мельбурна, в котором приняли участие около 48 тысяч человек, показано, что 57% респондентов скрывают использование нейросетей, чтобы не выглядеть менее компетентными и представляют AI-результаты как свои собственные [6].

Чжипин Чжан, Чэнь синьрань Чэнь, Биншэн Яо, Дакуо Ван и Тяньши Ли в своем исследовании рассматривают проблему секретного использования нейросетей. Действительно, обращение к возможностям искусственного интеллекта становится системным явлением, которое затрудняет реализацию принципов прозрачности в научной и академической среде. Пользователи, независимо от пола, возраста и уровня образования, склонны скрывать факт использования ИИ в задачах, которые имеют высокую когнитивную и репутационную значимость – таких как академическое письмо, исследовательская работа, рецензирование и создание официальных текстов. Несмотря на то, что в открытых данных чаще всего фиксируется использование искусственного интеллекта среди студентов, магистрантов и аспирантов, эмпирические данные позволяют судить, что опытные исследователи и преподаватели также активно используют нейросети. Однако нежелание показаться некомпетентными, ухудшив собственную академический авторитет, опасение критики от коллег, а также отсутствие ясных норм о допустимости использовании искусственного интеллекта – побуждают скрывать факты использования технологии в исследовательской работе [7].

Публикации в журналах, входящих в перечень ВАК, являются обязательным условием допуска аспиранта к защите кандидатской диссертации. Кроме того, наличие публикаций в рецензируемых научных изданиях требуется магистрантам при поступлении в аспирантуру, студентам – для конкурсного отбора в магистратуру, а также преподавателям при прохождении аттестации и подтверждении квалификации. На этом фоне давление продуктивности, выражающееся в необходимости подготовки научных текстов в условиях ограниченности временных ресурсов, побуждает авторов обращаться к возможностям генеративных нейросетей как инструменту ускорения и упрощения отдельных этапов публикационного процесса.

Высокая учебная нагрузка у обучающихся, а также высокая занятость педагогического состава создают стимулы к делегированию рутинных и трудозатратных задач генеративным нейросетям. Обладая высокой инструментальной полезностью, нейросети способны эффективно выполнять не только вспомогательные функции, но и решать нетривиальные задачи. Таким образом, популяризация использования нейросетей в исследовательской работе обусловлена тремя факторами, к которым можно отнести: давление продуктивности, потребность в экономии временных ресурсов на выполнение рутинных задач, а также высокий уровень инструментальной полезности нейросетей (рис. 2).

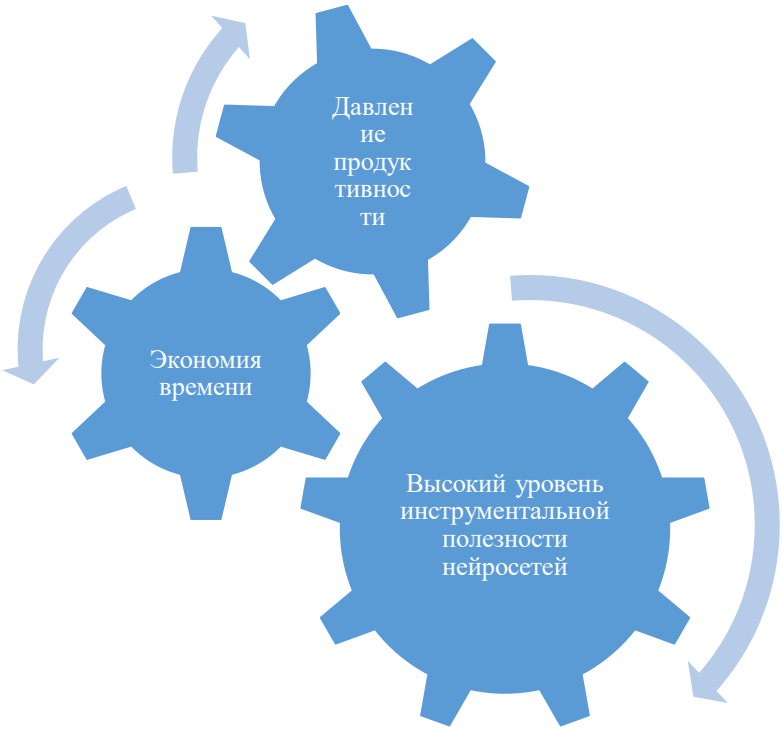


Рис. 2. Причины использования нейросетей в исследовательской работе
Источник: составлено авторами

Одной из наиболее актуальных проблем, возникающих на стыке академической этики и цифровой трансформации, является проблема двойных стандартов в отношение использования искусственного интеллекта, прежде всего генеративных нейросетей, таких как ChatGPT. Суть проблемы заключается в неравномерности оценки и санкций за применение ИИ в зависимости от академического статуса субъекта.

Студенты и аспиранты, находясь в позиции структурно более уязвимой группы, сталкиваются со значительно большим внешним контролем и давлением, поскольку именно они чаще всего становятся объектами обвинений в некорректном использовании искусственного интеллекта. Формальные регламенты вузов, системы антиплагиата, автоматические инструменты для выявления сгенерированного текста ориентированы, в первую очередь, на проверку студенческих работ. При этом такие системы небезупречны: нередки случаи, когда они ошибочно идентифицируют авторский текст как созданный с помощью ИИ, что влечёт за собой серьезные последствия – от незачета и провала на аттестации до дисциплинарных взысканий или отчисления.

В то же время научные сотрудники, преподаватели и авторы с научными степенями находятся в заведомо более привилегированном положении. Обладая развитым критическим мышлением, высоким уровнем начитанности и профессиональными навыками, они используют нейросети преимущественно как вспомогательный инструмент: для редактуры, структурирования текста, составления аннотаций, подготовки рецензий или

обработки литературы. Однако факт использования генеративных нейросетей в большинстве случаев не декларируется, а носит скрытый, латентный характер, не отражается в официальных документах, не обсуждается публично и не влечет за собой негативных последствий. Более того, те же самые представители академического сообщества, которые пользуются нейросетями скрытно, нередко открыто осуждают студентов за применение аналогичных технологий.

Таким образом, формируется устойчивая асимметрия восприятия и санкций: одна и та же практика (использование ИИ) трактуется по-разному в зависимости от статуса субъекта. Кроме того, описанная ситуация ставит под сомнение гипотезу о том, что интенсивность и характер использования искусственного интеллекта прямо коррелируют с научным статусом. На практике ученая степень не гарантирует ни отказа от обращения к нейросетевым технологиям при написании научных текстов, ни более этичного подхода, она лишь позволяет избежать санкций благодаря большей автономии и отсутствию внешнего контроля.

Редакторская практика журнала «Прогрессивная экономика»

По данным внутренней статистики редакции журнала «Прогрессивная экономика», в 2024–2025 гг. около 40% поступивших рукописей принадлежали аспирантам, значительная часть которых ориентирована на публикации в журналах из перечня ВАК как обязательного условия допуска к защите кандидатской диссертации. Кроме того, наличие публикаций в рецензируемых изданиях требуется магистрантам при поступлении в аспирантуру, студентам – для конкурсного отбора в магистратуру, а преподавателям – при аттестации и подтверждении квалификации.

Редакция подтверждает наблюдаемую в литературе тенденцию: использование нейросетей в научной деятельности носит скорее массовый, чем эпизодический характер. Несмотря на то, что полностью написанные естественным, «человеческим» языком статьи сегодня все еще превалируют, доля научных текстов, созданных с помощью искусственного интеллекта, неуклонно растет. При этом признаки применения генеративных нейросетей определяются вовсе не с помощью технических средств распознавания, а благодаря экспертной начитанности и наблюдательности редакторов. Однотипные речевые конструкции, шаблонные смысловые переходы, повторяющиеся вводные слова и характерная интонационная структура позволяют достаточно точно определить, что тот или иной фрагмент текста создан с участием нейросети.

От редакции в таких случаях, как правило, не требуется ни детального анализа источников, ни антиплагиатной экспертизы – достаточно базовой редакторской практики, чтобы заподозрить машинное происхождение формулировок. В таких случаях авторам предлагается переформулировать предложения таким образом, чтобы они были написаны естественным, академическим языком, отражающим мышление исследователя, а не стилистическую нейтральность и поверхностность нейросети.

Использование нейросетевых технологий становится повседневной практикой, однако степень их применения и корректность интеграции в научный процесс по-прежнему существенно различаются в зависимости от уровня подготовки и академического статуса автора. Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что работы студентов и магистрантов, по наблюдениям редакции, нередко оказываются полностью или почти полностью написанными с помощью нейросетей, что отрицается самими авторами. Подобные рукописи, независимо от степени их технической грамотности, как правило, отклоняются, прежде всего, по причине отсутствия научной глубины, авторской позиции и смысловой оригинальности.

В то же время аспиранты, которые используют нейросети как вспомогательный инструмент, то есть для уточнения формулировок, проверки структуры текста, генерации гипотез, напротив, показывают высокий уровень проработки материала. Их статьи отличаются логичностью, аккуратным стилем, содержательной плотностью и бóльшей степенью зрелости научного мышления. Кандидаты и особенно доктора наук, как правило, не применяют искусственный интеллект для генерации основного содержания своих публикаций. Вместо этого нейросети используется ими преимущественно как вспомогательный инструмент улучшения структуры текста, повышения степени академической проработки, уточнения формулировок, а также для улучшения логики аргументации и аналитического изложения.

Однако в этой категории авторов наблюдается определённая информационная асимметрия. Высокий научный статус автора сам по себе формирует предположительно высокий уровень доверия, в силу чего вопросы о потенциальном использовании ИИ зачастую даже не поднимаются. Более того, если отдельные формулировки вызывают подозрение в автоматической генерации, редакторы, в силу уважения к авторитету и академической репутации автора, могут самостоятельно переработать данные фрагменты на этапе редактуры и верстки, не возвращая статью на доработку и не запрашивая объяснений.

В противоположность этому, рукописи студентов, магистрантов и аспирантов подвергаются более тщательному рецензированию как в рамках редакционного контроля, так и на уровне внешнего рецензирования. В подобных работах редакторы нередко фиксируют использование однотипных речевых конструкций, схематичности переходов и стилистической нейтральности, что может указывать на применение генеративных моделей. В таких случаях авторам направляются комментарии с требованием заменить фрагменты текста, вызывающие сомнение, на формулировки, отражающие индивидуальное научное мышление.

Таким образом, в практике редакционной коллегии прослеживается устойчивая разница в подходах к авторам различного академического статуса, что создаёт элементы информационного неравенства и способствует формированию разных стандартов допускаемых практик в зависимости от позиции автора в научной иерархии.

Типичные признаки использования искусственного интеллекта в научных рукописях

Редакционная практика выявляет целый ряд формальных и содержательных признаков, которые могут указывать на то, что текст статьи (или его фрагменты) был сгенерирован с помощью нейросетевых инструментов. Хотя наличие отдельных элементов не всегда является прямым доказательством недобросовестного использования ИИ, их совокупность в тексте, как правило, вызывает у редакторов обоснованные сомнения и требует дополнительного анализа. Одним из наиболее характерных признаков является чрезмерное использование структурированных списков.

Нейросетевые модели, стремясь к упрощению и структурированию информации, представляют аргументы, признаки или выводы именно в виде списков с маркировкой пунктов или нумерацией. В результате текст может содержать достаточно большое, а нередко и чрезмерное количество фрагментов, оформленных как списки, даже в тех случаях, где по логике академического стиля предпочтительна развернутая аналитическая подача.

Кроме того, существуют и другие характерные признаки, которые в совокупности позволяют с высокой долей вероятности предположить участие ИИ в процессе создания текста. Приведем пример текста, написанного с использованием нейросети (ChatGPT).

«Основные признаки использования искусственного интеллекта в научной статье:

– *Избыточное количество списков: аргументы, определения, классификации и даже выводы оформлены в виде маркированных или нумерованных пунктов, независимо от контекста.*

– *Однотипные вводные конструкции: частое повторение шаблонных фраз, таких как «в целом», «следует отметить, что», «важным аспектом является», что свидетельствует о стиле нейросети.*

– *Смысловая пустота при формальной корректности: предложения грамматически выверены, но не содержат аналитической глубины, фактов или научной аргументации.*

– *Повышенная стилистическая нейтральность: текст не демонстрирует авторского голоса, индивидуального стиля мышления, а построен как набор безличных формулировок».*

Отметим здесь, что наличие одного или нескольких списков не является безусловным доказательством использования нейросетей. Однако при их систематическом проявлении редакция вправе запрашивать у автора переработку фрагментов.

Ещё одним важным косвенным признаком применения генеративного искусственного интеллекта для создания основного содержания научной статьи является отсутствие графических и табличных элементов. Практика редакционного анализа показывает, что тексты, созданные с помощью нейросетей, чаще всего представляют собой сплошной поток текста, лишённый графиков и диаграмм, таблиц, схем и моделей. Такие рукописи

лишены элементов научного доказательства и визуального обоснования тезисов, что позволяет отнести их к числу потенциально сгенерированных.

Маркером автоматической генерации текста является повторяемость однотипных речевых оборотов, которые нейросети используют в силу обучающих выборок и алгоритмов предсказания следующего слова. К типичным фразам, встречающимся в текстах, сгенерированных ИИ, относятся:

– «в условиях современной экономики»;
– «широкий спектр подходов»;
– «на данном этапе развития»;
– «следует отметить, что...»;
– «важным направлением является...»;
– «особое внимание уделяется...»;
– «в современных реалиях»;
– «имеет ключевое значение»;
– «в рамках настоящего исследования рассматривается...»;
– «данное направление представляет собой...»;
– «данная проблема остаётся актуальной и по сей день»;
– «в научной литературе существует множество трактовок...».

Перечисленные выше конструкции создают иллюзию академического стиля, но не несут смысловой новизны и научной специфики. Такие фразы сами по себе не являются ошибочными или некорректными, но их избыточное количество может указывать на поверхностную генерацию текста и отсутствие авторской вовлечённости в предмет исследования.

Подводя итоги, отметим, что в процессе первичного рецензирования рукописей редакторы журнала «Прогрессивная экономика» ориентируются не столько на результаты технических проверок (например, через систему «Антиплагиат.вуз»), сколько на косвенные признаки, указывающие на возможное некорректное использование нейросетевых инструментов. Это связано с тем, что существующие системы автоматической проверки не способны достоверно выявлять участие генеративных ИИ-моделей и зачастую показывают как ложноположительные, так и ложноотрицательные результаты.

Оценка научных текстов осуществляется в том числе на основе экспертной начитанности и опытной интуиции редакторов. Неавторское или слабо переработанное содержание выявляется на основе совокупности признаков некорректного использования ИИ. В частности, если в статье наблюдается ряд типичных маркеров, таких как чрезмерное количество списков, отсутствие графических и табличных элементов, повторяемость речевых конструкций, стилистическая нейтральность и шаблонные вводные фразы, рукопись считается потенциально сгенерированной. Далее анализируется смысловая составляющая текста: научная новизна, обоснованность положений, авторская позиция и оригинальность изложения.

В отличие от формальных показателей, качество научного содержания становится решающим фактором при оценке допустимости использования ИИ в рукописи. Именно на основании совокупности описанных выше факторов рецензентом принимается решение о принятии, отклонении рукописи или возвращении на доработку.

Рекомендации по корректному использованию искусственного интеллекта в научной работе

Искусственный интеллект сегодня представляет собой одну из наиболее прогрессивных и трансформационных технологий, кардинально изменяющую не только подходы к научному исследованию, но и принципы подготовки и оформления научных публикаций. Если ещё до 2022 года ключевой проблемой академического письма являлось определение текстовых и смысловых заимствований, то есть плагиата в его традиционном понимании, то с появлением генеративных нейросетей акцент сместился. Современные ИИ-инструменты позволяют видоизменять текст до такой степени, что его сходство с исходными источниками становится технически неуловимым, даже при сохранении логики и структуры оригинала. Более того, удобство и доступность нейросетей как инструмента автоматической генерации текста создают у начинающих исследователей, прежде всего, студентов и магистрантов, мотивацию использовать ИИ не только для вспомогательных задач, но и как средство создания основного смыслового содержания статьи. Однако, как показано выше, подобная практика чревата серьёзными последствиями, включая возникновение двойных стандартов в академической среде и снижение качества научной продукции.

Таким образом, молодым исследователям необходимо развивать навыки грамотного и ответственного взаимодействия с нейросетевыми инструментами, воспринимая их не как замену исследовательской деятельности, а как вспомогательное средство. Недопустимо перекладывание на ИИ когнитивной нагрузки, связанной с доказываем или опровержением гипотез, анализом числовых данных, интерпретацией результатов и обоснованием выводов – все эти задачи по-прежнему остаются исключительной компетенцией автора. Редакция журнала «Прогрессивная экономика» предлагает следующие рекомендации по корректному использованию нейросетей в научных публикациях:

1. Используйте ИИ как вспомогательный инструмент, а не как основное средство генерации текста. Генерация смыслового ядра статьи должна оставаться задачей исследователя.
2. Избегайте чрезмерного использования списков. Структурированные перечни уместны в методических или аналитических разделах, но их избыток в теоретических частях текста может указывать на неавторское происхождение содержания.
3. Включайте графические и табличные элементы, если это возможно. Таблицы, диаграммы, схемы и иллюстрации усиливают научную аргументацию и указывают на самостоятельную аналитическую работу.

4. Перерабатывайте стандартные речевые конструкции, добавляя индивидуальность и смысловую глубину. Не опирайтесь исключительно на шаблонные фразу типа «в условиях современной экономики» или «следует отметить, что».

5. Формулируйте и стройте доказательную базу по предложенным гипотезам, аргументам и выводам, даже если для этого используются предложения ИИ в качестве черновиков. Итоговый текст должен включать рассуждения автора на основе критического анализа научного базиса по теме, а не повторять пространственные рассуждения, сгенерированные нейросетью.

6. Указывайте факт использования ИИ, если он оказал существенное влияние на структуру текста, анализ данных или визуализацию. Пример декларации представлен на рис. 3.

В процессе подготовки статьи автор(ы) использовали программные средства, основанные на технологиях искусственного интеллекта (ChatGPT, версия GPT-4), исключительно в справочных и вспомогательных целях. С их помощью осуществлялась предварительная редактура формулировок, структурирование аргументов и подбор синонимических выражений. Все предложенные фрагменты текста были критически осмыслены, переработаны и адаптированы автор(ами) с соблюдением академических стандартов. Ответственность за научное содержание, выводы и интерпретации несут исключительно автор(ы) статьи.	During the preparation of this manuscript, the author(s) used generative artificial intelligence tools (ChatGPT, GPT-4) solely for supporting tasks such as language editing, structural suggestions, and formulation of preliminary ideas. All AI-assisted outputs were critically reviewed, revised, and adapted by the author(s) to meet academic and ethical standards. The final content, including all interpretations and conclusions, is the sole responsibility of the author(s).

Рис. 3. Оформление сведений об использовании технологий искусственного интеллекта (Declaration on the Use of Artificial Intelligence Tools)

Источник: составлено авторами

Заключение

Результаты анализа позволяют сделать содержательные выводы относительно влияния научного статуса на характер использования нейросетевых моделей в научной деятельности. Прежде всего, наличие учёной степени само по себе не гарантирует отказа от применения технологий искусственного интеллекта. Напротив, исследователи, обладающие научной степенью, активно используют ИИ-инструменты с целью повышения качества анализа, структурной проработки, аргументации и стилистического оформления. В таких работах нейросеть выступает не как замена научного мышления, а как средство его технологической поддержки.

В то же время молодые исследователи, особенно студенты бакалавриата и магистратуры, зачастую используют нейросети преимущественно как основной инструмент генерации содержания. Именно по этой причине данные статьи становятся объектом усиленного редакционного и рецензионного контроля. Редакция журнала «Прогрессивная экономика» теперь более тщательно проверяет данную категорию неокрепших умов, запрашивая внешнюю рецензию на присланную рукопись от кандидата или доктора наук.

Аспиранты, находящиеся на переходной стадии между обучением и научной специализацией, используют нейросети преимущественно для структурной и смысловой оптимизации статей, подготовки иллюстративного материала, поиска литературы и формулировки гипотез. В целом на примере работ аспирантов можно наблюдать общую тенденцию к повышению качества научных публикаций.

Таким образом, научный статус влияет не столько на сам факт использования ИИ, сколько на форму, цели и степень осознанности его применения. Опытные исследователи используют нейросети как вспомогательный инструмент, тогда как начинающие – как средство автоматической генерации текста, что снижает качество научных публикаций и вызывает необходимость усиления экспертного контроля. Сложившаяся ситуация создает двойные стандарты восприятия и оценки использования нейросетевых технологий в академическом сообществе, и требует разработки единых, прозрачных подходов к регламентации и этике взаимодействия с нейросетевыми технологиями в научной среде.

Литература

1. Знатдинова В.Р., Кершенгольц А.И., Юдин А.М. Использование нейросетевых технологий для моделирования самостоятельной работы студентов в рамках учебного процесса вуза // МНИЖ. 2024. № 9 (147). С. 1–6.
2. Лукина К. Секреты написания научных статей ВАК. Авторский опыт понимания методологии написания научных статей: методическое пособие. Москва: Знание-М, 2025. 188 с.
3. ChatGPT May Be Eroding Critical Thinking Skills, According to a New MIT Study // Time. URL: https://time.com/7295195/ai-chatgpt-google-learning-school/.
4. Dorta-González P., López-Puig A.J., Dorta-González M.I., González-Betancor S.M. Generative artificial intelligence usage by researchers at work: Effects of gender, career stage, type of workplace, and perceived barriers // arXiv preprint. 2024. arXiv:2409.14570. 23 p.
5. Xu Z. Patterns and Purposes: A Cross-Journal Analysis of AI Tool Usage in Academic Writing // arXiv preprint. 2024. arXiv:2502.00632. 21 p.
6. Researchers asked almost 50,000 people how they use AI. Over half of workers said they hide it from their bosses // Business Insider. URL: https://www.businessinsider.com/kpmg-trust-in-ai-study-2025-how-employees-use-ai-2025-4.
7. Zhang Y., Vora M., Adler A., Gino F. Secret Use of Large Language Model (LLM) // arXiv preprint. 2024. arXiv:2409.19450. 26 p.